

история / география / этнография

Алексей Казаков

Журналисты
и разведка
Рассекреченные документы
свидетельствуют

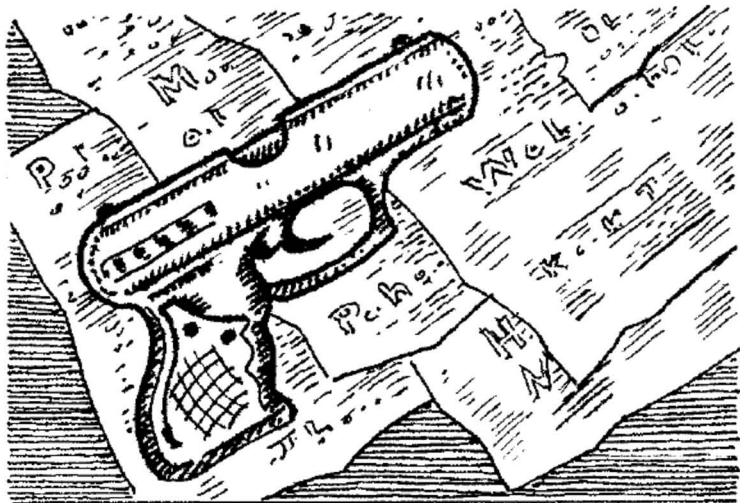
Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Алексей Казаков

Журналисты
и разведка

Рассекреченные документы
свидетельствуют

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2020

УДК 355.401
ББК 63.3(0)6
К14

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибилевой

ISBN 978-5-91678-617-0

© Алексей Казаков, 2020

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2020

Суть разведки — в сборе информации, это та же журналистика, если хотите, просто секретная.

*Джон ле Карре,
английский разведчик и писатель*

Эти две профессии тянутся друг к дружке. И нередко успешно совмещаются. Достаточно вспомнить хрестоматийный случай Рихарда Зорге — немецкого журналиста, работавшего в Японии на советскую разведку. Или случай «известинца» и офицера КГБ Леонида Колосова, проявившего себя в обеих ипостасях в Италии. Совмещали репортерскую работу со шпионской Ян Флеминг, Сомерсет Моэм, Грэм Грин, Ким Филби, Ричард Хьюз, Томас Колесниченко, ныне здравствующий Михаил Петрович Любимов. Но о них много написано, и сами они многое рассказали в мемуарах о своих взлетах и падениях в секретных службах. Поэтому в этой книге их не будет.

А будут документальные очерки о менее известных или вовсе не известных доселе переплетениях журналистики и шпионажа. Главным образом речь пойдет о событиях сороковых—девяностых годов прошлого века, поскольку именно к этому периоду относятся миллионы прежде совершенно секретных документов, которые совсем недавно были рассекречены архивами американских и английских спецслужб — ЦРУ, МИ-5 и МИ-6. Особую ценность среди этих документов представляют донесения советской разведки, которые перехватывались и декодировались американцами в рамках проекта «Венона» с 1 февраля 1943 года до 1 октября 1980 года.

При работе над этой книгой автор также использовал рассекреченные материалы Архива радиовещания Великобритании, электронные версии так называемых Тетрадей Васильева (размещены в Цифровом архиве Центра Вильсона) и некоторые публикации зарубежной прессы.

Автор благодарит доцента Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН Каральби Ахмедовича Мальбахова за предоставленные материалы о бывшем царском офицере и американском (а впоследствии советском) журналисте Сергее Курнакове, который в годы Второй мировой войны участвовал в добывании сведений для нашей разведки о разработке и производстве в США атомной бомбы.

«Клоп» и «алтайская Мата Хари»

Совсем не шпионская внешность

Этот родившийся в Палестине невысокий, толстенький, зеленоглазый человек при рождении получил имя Иона, но позже в семье его прозвали Клопом, и прозвище оказалось живуче. Именно под псевдонимом «Клоп» Иона Устинов вошел в историю шпионажа. Хотя в британской разведке МИ-6 у него были и другие кодовые имена — «U-35», «Мистер Джонсон», «Мидлтон-Педделтон», «Пол X».

Началась его разведывательная карьера вскоре после Первой мировой войны, в которой он воевал на стороне немцев. Его мобилизовали в военно-воздушные силы Германии, так как он был натурализованным гражданином Королевства Вюртемберг (немецкого государства, существовавшего с 1805 по 1918 год в районе современного Баден-Вюртемберга). После окончания войны он начал работать в Амстердаме собственным корреспондентом немецкого информационного агентства «Телеграфное бюро Вольфа».

Вскоре судьба свела его с немецким дипломатом Адольфом Георгом фон Мальцаном, работавшим в восточном от-

деле немецкого МИДа, а спустя еще какое-то время от фон Мальцана последовало предложение съездить в Россию, где еще бушевала Гражданская война, и прощупать пути к возможному сотрудничеству с большевиками. Устинов, давно мечтавший припасть к своим русским корням и встретиться с жившими в России родителями и сестрами, охотно согласился.

Русская жена Наденька

В России Иона узнал, что его отец, которому в 1914 году исполнилось 80 лет, добился в первые дни войны аудиенции у Николая II и попросился на фронт. Получив отказ, он тем не менее отправился на передовую самостоятельно, но умер в пути неподалеку от Пскова. Мать и сестры, к счастью, были живы-здоровы. Семья воссоединилась. Более того: в Петрограде Иона встретил свою будущую жену, Надежду Леонтьевну Бенуа, происходившую из знаменитой петербургской художественной династии.

Надя и Иона обвенчались в лютеранской церкви Святой Екатерины на Васильевском острове. Наденька любила сравнивать глаза Ионы с виноградинами. Именно она наградила его шутливым прозвищем кусачего насекомого. Устинов не обижался, он и сам имел острый язык.

Для фон Мальцана Устинов составил обстоятельный доклад, суть которого была такова: коммунистическая идеология не мешает русским стремиться к сближению с немцами и налаживанию отношений между Россией и Германией.

Иона был знаком с советским дипломатом Иваном Майским и представителем немецкого Красного Креста в России Густавом Хильгером. Через них ему удалось оформить выездные документы в Голландию на мать, сестер и жену. Вскоре вся семья Устиновых отбыла на шведском пароходе в Амстердам, а оттуда в Лондон, куда «Телеграфное бюро Вольфа» (возможно, по подсказке МИДа или немецких спецслужб) перевело Иону по возвращении из России.

«Цыганская мансарда»

По своей работе в Лондоне Иона Устинов часто общался с дипломатом Вольфгангом Гансом цу Путлицем, работавшим в германском посольстве. Их сблизили политические взгляды, аристократ цу Путлиц ненавидел нацистов. Они подружились, и благодаря этой дружбе Иона обрел немало полезных знакомств. Нередко в доме Устиновых собиралась весьма представительная компания: Путлиц, Уинстон Черчилль (в то время — депутат парламента) и Роберт Ванситтарт, заместитель министра и руководитель службы безопасности МИДа Великобритании. Часто в беседах они критиковали «политику умиротворения» Гитлера, к которой склонялся тогдашний премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен.

Быт Устиновых в Лондоне был налажен, Надежде нравилось в Англии. Но их будущее не выглядело ясным. Отношения Ионы с берлинским начальством становились все хуже. Момент истины наступил в 1935 году: от него, коль скоро он родился в Палестине, потребовали доказать свое «арийское происхождение», так как у гестапо появились «подозрения о бабушке-еврейке». На это Устинов проявил немислимую дерзость, заявив: «Пусть сначала Геббельс докажет свое арийское происхождение».

После этого из «Телеграфного бюро Вольфа» его, разумеется, уволили. Возвращаться в Германию было бы самоубийством, и Иона попросил у властей Великобритании для себя и членов своей семьи паспорта Соединенного Королевства. Высокопоставленные друзья обещали в этом помочь, но материальные проблемы Устинову пришлось решать самому.

Надо было на что-то жить, и он стал приторговывать антиквариатом, иногда в качестве нештатного автора что-то писал для лондонских газет. Но все это приносило очень мало денег. В основном зарабатывала Надежда, которая рисовала декорации для балетной труппы «Сэдлерс Уэллс».

Пришлось отказаться от просторной квартиры и переехать в мансарду доходного дома в артистическом квартале

лондонского Челси, где Иона, Надежда и их четырнадцатилетний сын Питер (будущий знаменитый режиссер и актер) зажили, как выразился впоследствии в своих мемуарах Путлиц, «довольно-таки по-цыгански».

Путлиц, несмотря на увольнение Устинова, продолжал с ним общаться, рискуя вызвать недовольство своего начальства. Ему нравилось бывать в гостях у неунывающих русских, где отсутствовал порядок, но зато все было запросто. Например, если кто-то хотел перекусить, то мог это сделать самостоятельно в любое время, разогрев себе порцию, — на этот случай на кухне «цыганской мансарды» всегда стояла кастрюля с одним и тем же блюдом из мяса и овощей, густо приправленных разными пряностями, в которых Надя знала толк. А глава семейства был мастак готовить превосходные блины, которые весьма полюбились Путлицу.

Ставка на немецкого дипломата

Жить Устиновым с каждым днем, однако, становилось все сложнее. Экономить приходилось на всем, и мяса в знаменитой кастрюле было все меньше и меньше... Эту ситуацию тонко использовал сэр Роберт Ванситтарт, уговорив Устинова на сотрудничество с внешней разведкой Великобритании МИ-6, которую он курировал по линии МИДа. Хотя, возможно, долго уговаривать Иону ему не пришлось. Первым кодовым именем Устинова в картотеке МИ-6 стало «U-35». Позже его, уже как «Клопа», подключили и к работе на контрразведку МИ-5.

Ванситтарт и куратор Устинова от английской разведки Дик Уайт (впоследствии возглавивший МИ-5 и МИ-6) просили «Клопа» как можно подробнее узнавать о том, что творится в кабинетах и на совещаниях высшего руководства Германии. Их интересовало все, что могло пролить свет на намерения нацистов; свою задачу они видели в том, чтобы убедить Чемберлена в пагубности его политики по отношению к Гитлеру.

Ванситтарт, Уайт и, конечно же, сам Устинов понимали, что наиболее ценным источником информации будет немецкий дипломат и друг семьи Устиновых — тот самый Вольфганг Ганс цу Путлиц, имевший доступ к секретным документам в посольстве Германии.

Важный разговор

Решающий разговор Устинова с Путлицем состоялся в «цыганской мансарде». Друзья беседовали, сидя за столом с остывающими блинами.

— Как вы представляете себе свою будущую жизнь, господин фон Устинов? — спросил Путлиц.

Иона вздернул брови:

— Пока, как видите, кое-как перебиваюсь. Получить английское гражданство — это сейчас важнее всего не только для меня, но в первую очередь для Питера.

Разговаривали негромко — приболевший сын Питер спал в соседней комнате. Путлиц спросил:

— Значит, дела Германии уже совсем не будут вас интересовать?

Это был хороший повод напрямую высказать то, о чем раньше в беседах с Путлицем Устинов ограничивался намеками:

— Нет, будут, и даже очень! Информация о них нужна англичанам, и я готов быть с ними... Прежде всего потому, что хочу с корнем уничтожить эту банду, которая сейчас правит в Германии.

Путлиц отреагировал не сразу. Они поговорили еще о Германии, о Гитлере, о Чемберлене, о том, что далеко не все немцы хотели бы видеть нацистов у власти. И вдруг Путлиц сказал:

— Устинов, будет хорошо, если Гитлер свернет себе шею! Я согласен вам помогать...

— Вот что, дружище... — после паузы ответил «Клоп». — Нужна информация, важная информация...

Надя, сидевшая все это время за мольбертом, одобряюще кивнула мужу и гостю. Ее руки были в краске, щеки разругались — то ли от работы, то ли от того, что она сейчас услышала. Вроде бы обычный день. Но он стал переломным.

Отныне Путлиц — ценный источник информации для «Клопа».

Секретная переписка Риббентропа

«Клоп» в своей деятельности был тесно связан с сотрудником МИ-6 Николасом Эллиотом. Его, как и Иону, тоже трудно было принять за супермена: это был нескладный худой молодой человек, который носил допотопные очки в толстой роговой оправе. Но при всей своей непрезентабельности Эллиот отличался железным самообладанием и склонностью к сложным, рискованным интригам. Информация, полученная «Клопом» от Путлица, поступала непосредственно к Эллиоту, после чего ее анализировали в МИ-6.

Эллиот после войны напишет в своих мемуарах: «“Клоп” был человеком разносторонних талантов, бонвиван, остроумец, рассказчик, пародист, лингвист, наделенный широким диапазоном познаний, как серьезных, так и непристойных».

Параллельно «Клоп» снабжал сведениями Роберта Ванситтарта. Потом он «замкнул» его напрямую на Путлица, и встречи стали тройственными, что обычно в разведке из-за соображений безопасности не практикуется.

Путлиц передал англичанам много ценной информации. Главной добычей в 1937 году стала секретная переписка Иоахима фон Риббентропа, «посла по особым поручениям» в Лондоне. Добыл ее Путлиц с риском для жизни.

Произошло это так. Путлицу было известно, что документы, отправлявшиеся в Берлин, хранятся в сейфе заведующего канцелярией. Но тот не всегда был педантичен и нередко оставлял секретные папки на столе. Однажды Путлиц увидел оставленное им донесение агента Риббентропа — английского журналиста Джорджа Попова, уроженца Эстонии,

который жил в Лондоне и писал для мелких немецких, восточноевропейских и балканских газет. Путлиц впоследствии вспоминал:

Однажды я обнаружил занимавшее почти двадцать страниц донесение Попова о посещении им в прошлую субботу замка одного из зятьев г-на Чемберлена в Шотландии. Незадолго до того премьер-министр приезжал туда ловить форель и стерлядь. Вечером, сидя у камина в семейном кругу, он изливал душу, жалуясь на свои заботы. Зять незамедлительно довел эти высказывания до сведения Джорджа Попова.

Насколько это было возможно за то короткое время, которым я располагал, я почти дословно выучил донесение наизусть. Для меня оно было подлинной находкой.

Господин Чемберлен, говорилось в донесении, опечален и обеспокоен тем, что его усилия с пониманием относиться к пожеланиям Третьей империи столь мало ценятся в Германии. Гитлер, говорил он, никогда не бывает доволен и каждый раз выдвигает новые, все большие требования. Поэтому становится все труднее оправдывать перед английской общественностью политику умиротворения. Тем не менее он, Чемберлен, будет последовательно придерживаться своей линии, поскольку хочешь не хочешь, а гитлеровская Германия является сильным антибольшевистским бастионом, который безусловно необходим Англии. Однако если германские претензии будут становиться все более безграничными, то и он не сможет гарантировать, что в один прекрасный день дело не дойдет до серьезного конфликта.

Несмотря на кое-какие дипломатические уловки, Риббентроп мог ясно понять, что, пока Чемберлен находится у власти, Гитлеру нечего бояться Англии и он может хоть танцевать на носу у британского льва. Уже велись разговоры о замышляемой аннексии Австрии. По поводу платонических угроз, время от времени раздававшихся в английской печати, можно было не беспокоиться. Они больше никого не могли испугать.

Из донесения Попова было также ясно, в чем заключалась конечная цель политики Чемберлена. Английский премьер-министр заявил буквально следующее: «Для нас, конечно, было бы лучше всего, если бы Гитлер и Сталин сцепились и растерзали друг друга».

Полученная МИ-6 информация о разговорах у камина в замке зятя Чемберлена заставила трезвомыслящих людей в разведке и внешнеполитическом ведомстве по-новому взглянуть на «миротворческую» деятельность премьер-министра. Была сделана попытка свалить с должности Чемберлена, но в тот раз она оказалась неудачной. Все обернулось неприятностями не для Чемберлена, а для Ванситтарта, который лишился поста в МИДе Великобритании. Единственным плюсом стало то, что Попова под благовидным предлогом лишили вида на жительство, и он был вынужден уехать из страны, и Риббентроп потерял, таким образом, одного из лучших своих агентов в Великобритании.

В 1938 году Путлиц отбыл в Голландию, получив назначение в посольстве Германии в Гааге. Было решено, что информация от него продолжит поступать англичанам по цепи «Клоп» — Эллиот — руководство МИ-6.

Устинов последовал за Путлицем в Голландию, где стараниями английской разведки вернулся к журналистике. Теперь он — европейский корреспондент индийской англоязычной газеты с корпунктом в Гааге. Это и прикрытие, и источник доходов.

Путлиц продолжил поставлять через «Клопа» ценную информацию — о составе и дислокации немецких войск, о готовящемся нападении Германии на Чехословакию, наконец, о дате вторжения Гитлера в Польшу.

Но вскоре для жизни Путлица создалась угроза. О том, что ему грозит опасность, информатор «Клопа» догадался, когда немецкий посол в Гааге показал ему секретный список агентов рейха в Нидерландах — именно такой документ незадолго до этого Путлиц передал Устинову, а тот — Эллиоту. Он понял, что это неспроста. Стало ясно, что в МИ-6 окопался «крот», который сообщил, что кто-то передал англичанам список немецких агентов, и немцы ищут этого человека. Осенью 1939 года Путлица скрытно вывезли в Лондон.

В Германии его заочно приговорили к смертной казни за государственную измену. С января 1944 по апрель 1945 года Путлиц сотрудничал с английскими радиостанциями и американским журналом «Харперс мэгэзин», где публиковались

его антинацистские статьи. Издатель журнала посылал статьи Путлица на согласование лично руководителю американской спецслужбы Уильму Доновану.

Что же до Ионы Устинова, то его шпионская эпопея продолжилась.

Вера из Барнаула

В 1940 году «Клопа» подключили к работе контрразведки МИ-5. Сыграло роль его знание русского языка. Вместе с английскими контрразведчиками он принял участие в допросах 28-летней Веры Шальбург, которую позже назовут «алтайской Матой Хари» — за искусство совмещать танцевальное искусство со шпионажем на несколько разведок.

Эта женщина родилась в Барнауле в семье русской дворянки и датского коммерсанта. В 1918 году Шальбурги уехали из России в Данию, а оттуда перебрались в Париж, где Вера поступила в знаменитую балетную школу Веры Трефиловой.

С 1929 года Вера Шальбург танцевала на разных сценах, в том числе в «Русском балете» на Елисейских Полях. В эти годы она и стала агентом абвера — немецкой военной разведки.

В 1938 году ее отправили в Великобританию с заданием сплести там шпионскую сеть; работать ей предстояло под прикрытием хозяйки светского салона. Но спецоперация была плохо подготовлена, да и сама Вера оказалась «сырвата» для выполнения такого задания. Шанс исправиться ей предоставили в 1940 году, во время спецоперации абвера «Лена», целью которой был сбор разведывательной информации в Великобритании перед предполагавшимся туда немецким вторжением.

В сентябре 1940 года Веру и двоих молодых мужчин, Вернера Вальти и Тео Дрюке, переправили в Норвегию и уже оттуда перебросили в Великобританию. Но по прибытии на берега Туманного Альбиона всех троих задержали. После допросов Вальти и Дрюке повесили.

А Вере Шальбург жизнь сохранили. Почему? Многие документы до сих пор не рассекречены, но очевидно, что речь не идет о простом снисхождении к женщине. Английский историк Фил Колдем утверждает, что «алтайскую Мату Хари» от виселицы спасла ее связь с советской разведкой, на которую она также работала. Развивая эту мысль, можно предположить, что «Клоп» — Устинов был посредником между союзными — советской и британской — разведками в годы войны. Другая версия сводится к тому, что Вера Шальбург была советской разведчицей и при участии «Клопа» была завербована для работы на МИ-5 и МИ-6.

Странное письмо из тюрьмы

Недавно Национальный архив Великобритании рассекретил дневники старшего офицера МИ-5 Гая Лидделла, который по своей работе в годы Второй мировой войны был в тесном контакте с «U-35» (так и только так Лидделл называет Устинова).

29 декабря 1940 года Гай Лидделл отметил, что беседовал с «U-35» «о Вере». 29 января, говорится далее в дневнике, было предложено доставить Веру в тюрьму Эйлсбери и передать в распоряжение «U-35». Лидделл записал, что 8 февраля он обедал вместе с «U-35», и они обсуждали «дело Веры». 16 февраля Лидделл заметил: «Вера вернулась в Эйлсбери... Она сделала все возможное».

В архиве сохранилось письмо Веры Устинову. В нем упоминаются и сам Устинов и, предположительно, Лидделл:

15/2—42

Дорогой «Клоп»!

Я была очень счастлива оказаться рядом с вами обоими, и я надеюсь, что придет время, когда мы встретимся снова при более подходящих обстоятельствах.

Вера.

Согласитесь, это послание по тону и стилистике мало походит на письмо женщины, арестованной по подозрению в шпионаже и над которой висит угроза смертной казни. Скорее оно напоминает переписку если не друзей, то уж точно добрых коллег и приятелей. Это письмо падает в копилку фактов и аргументов в пользу предполагаемого сотрудничества с советской разведкой и Веры Шальбург, и Ионы Устинова.

Вера исчезла сразу после войны в советском секторе Германии. Касающиеся ее рассекреченные документы датируются до 1945 года. По одной версии, скончалась «алтайская Мата Хари» в 1946 году, по другой — аж в 1970-х годах. Вот пока и все, что о ней известно.

Дело «бюро Клатта»

Сразу после войны «Клоп» занимался допросами тех, кого оккупационные власти подозревали в нацизме. Затем ему и Эллиоту поручили анализ тех агентурных сетей СССР в Европе, о которых стало известно в ходе войны. Особенно тщательному изучению подверглась знаменитая «Красная капелла», разгромленная гитлеровцами в 1942 году. Англичане полагали, что отростки этой агентурной сети могли уцелеть и продолжают работать на СССР.

Осенью 1946 года Устинов получил новое задание — разобраться в весьма запутанном деле «бюро Клатта». Речь идет о подразделении абвера в Софии, созданном по приказу Канариса, которым руководил Рихард Каудер, имевший в абвере псевдоним «Клатт». Суть дела заключалась в том, что «бюро Клатта» поставляло в Берлин заведомо ложные данные, якобы добытые разведывательной сетью в СССР и на средиземноморском театре военных действий (в историю шпионажа эта дезинформация вошла как «донесения Макса и Морица»).

Фальсификатором сообщений, как оказалось, был сотрудник «бюро Клатта», в прошлом белогвардейский офицер,

а ныне эмигрант Лонгин Ира. С ним сотрудничал другой русский эмигрант, генерал Антон Туркул, до войны возглавлявший крайне правую организацию Русский национальный союз участников войны, которая в 1936 году откололась от созданного в свое время бароном П.Н. Врангелем Русского общевойскового союза. Между ними существовали довольно сложные отношения. Оба они попали в руки англичан, и те терялись в догадках относительно их настоящего лица. К тому же, когда за изучение вопроса взялся Устинов, еще не было окончательно ясно, поставляло «бюро Клатта» в Берлин точную информацию или водило свое начальство за нос.

Донесения Иры отличались внутренней логикой и богатством информации, благодаря чему на протяжении всей войны немецкая разведка им доверяла. Некоторые историки вообще считают, что все, что творилось вокруг «бюро Клатта», было операцией советской разведки. Другие уверены, что в бюро сосредоточились аферисты, получавшие деньги от немцев за «липу». Споры на этот счет ведутся до сих пор.

Устинов сам вел допросы Туркула и Иры. Ныне протоколы этих допросов рассекречены. В них Устинов зашифрован под псевдонимом «м-р Джонсон», но, приводя фрагмент одного из допросов Иры, мы заменили этот псевдоним на его настоящую фамилию, чтобы не путать читателей.

27 сентября 1946 года.

УСТИНОВ: Откуда вы получали свои донесения?

ИРА: Ниоткуда. Из своей головы.

УСТИНОВ: Каждое отдельное донесение из головы?

ИРА: Каждое отдельное донесение и о России и вообще.

УСТИНОВ: Донесения Макса и Морица были вами выдуманы?

ИРА: Да, на основе рассказов людей о том, что они слышали.

УСТИНОВ:...Мы здесь не для того, чтобы внимать сказкам.

ИРА: Да, было два источника. У меня были швейцарские газеты.

УСТИНОВ: Хорошо. То есть ваша версия в том, что все донесения Макса и Морица выдумывались в вашей голове и единственной информацией были новости, которые вы получали от других людей?

ИРА: Да, я и другие.

УСТИНОВ: То есть истории, которые вы рассказывали ТУРКУЛУ, были ложью?

ИРА: Да. Но генерал ТУРКУЛ с этим никак не связан. Это было полной ложью. После войны он часто спрашивал меня об этом...

УСТИНОВ: Откуда вы брали имена командиров британских частей?

ИРА: В болгарских газетах было полно этих имен.

УСТИНОВ: И тем же способом вы получали информацию о русских номерах, названиях частей и имена командиров?

ИРА: Из газет и из русских новостей. Этого было много в русских радиопередачах, поскольку всегда, когда дивизия отличалась, они, что довольно глупо, раздували из этого огромные истории, упоминая номера и имена людей. Там все было ясно: Первый Украинский фронт, Второй Украинский фронт и т. д.

УСТИНОВ: Таким образом, когда вы сообщали о передвижениях русских войск или судов, все донесения были лишь догадками?

ИРА: Да, сочетание работы головой и новостей из газет.

УСТИНОВ: Но каким образом немцы не обнаружили, что все это выдумки?

ИРА: Это и меня интересует. Вчера я сказал, что чувствую Россию сердцем, даже Украину, и поэтому могу выдумывать такие штуки. У немцев не было этого чутья.

УСТИНОВ: Но как быть с историей о конвое в Черном море, которую немцы верифицировали?

ИРА: Это была чистая логическая дедукция. Поэтому четыре или пять раз во время войны меня трясло: вдруг они смогут проверить, и информация не подтвердится.

УСТИНОВ: И каков был мотив, который двигал вами, пока вы сидели в Софии и выдумывали эти истории?..

ИРА: Мой мотив заключался в том, что немцы и русские должны обескровить друг друга...

УСТИНОВ: Вы хотите, чтобы мы поверили в то, что с 1941 по 1945 год вы изготавливали по полудюжине выдуманных донесений в день, а немецкий генеральный штаб был не в состоянии обнаружить, что они вовсе не стоят многих тысяч марок?

ИРА: Не знаю, что думал немецкий генеральный штаб, поскольку никогда не получал реакцию от него. Если бы у меня была прямая связь с генеральным штабом, возможно, они что-то сказали бы мне, и я испугался... Возможно, они говорили что-то КЛАТТУ, но он мне не передавал.

УСТИНОВ: Тем не менее немецкий генеральный штаб не просто платил, но и увеличивал плату за рассказы обо всем на свете, которые вы выдумывали в Софии на основе публично доступной информации... Почему вы сказали генералу ТУРКУЛУ, что получаете сведения от людей, которых он прежде заслал в Россию? Разве это лояльно по отношению к нему?.. Хочу вам сообщить, что сказал о вас генерал ТУРКУЛ. Зачитаю это. Он сказал: «ИРА не господин и не гражданин, а товарищ».

ИРА: Странно, с чего он так обо мне говорит.

УСТИНОВ: Вы рассказывали ТУРКУЛУ, что все эти донесения отправляются из России его людьми, иными словами... что за эти донесения, поступающие из России, ответствен он, что по факту это его работа?

ИРА: Да.

УСТИНОВ: Вы рассказывали КЛАТТУ, вы рассказывали немцам, что эти люди были посланы в Россию?

ИРА: Да, я говорил это КЛАТТУ.

УСТИНОВ: Если бы немцы обнаружили, что донесения, поступающие из России, ложны, то это стоило бы генералу ТУРКУЛУ головы?

ИРА: Да.

УСТИНОВ: Иными словами, вы вашими выдумками поставили под угрозу жизнь генерала ТУРКУЛА?

ИРА: Да.

В МИ-5 пришли к выводу, что Ира и Туркул не работали на немцев (более того, объективно действовали во вред рейху). В сложные отношения между ними английские контрразведчики решили не погружаться и отпустили обоих. Туркул умер в Мюнхене в 1957 году, Ира — там же, но на тридцать лет позже.

Чем не угодила лысина Ленина

До ухода со службы «Клоп» — Устинов часто участвовал в допросах, благо что знал несколько языков, включая русский. Покинув службу, он из-за бюрократических ошибок оказался без пенсии; пришлось приторговывать книгами из своей библиотеки — словом, опять, как когда-то, после увольнения нацистами из информационного агентства, Устинов влачил нищенское существование. В начале 1960-х годов, незадолго до его смерти, с ним пообщался офицер МИ-5 Питер Райт, который позже описал эту встречу в своих мемуарах.

Райт приехал к Устинову, чтобы посоветоваться по поводу установки подслушивающего устройства в советском посольстве в Лондоне. Планировалось, что «жучок» будет вмонтирован в подарок советскому послу; причем подарок должен был быть таким, чтобы посол поставил его на видное место, например на свой рабочий стол. Райт вспоминал, что ожидал встретить «героя тайного мира, живущего в почетной отставке». Но увидел старого полубольного человека в бедной квартирке, в окружении древних книг в кожаных переплетах, которые он с женой готовил к продаже букинистам.

Тем не менее Устинов дал Райту дельный совет:

Настоящая опасность, мой друг, состоит в том, что они продадут этот подарок, а вовсе не станут его демонстрировать, если он будет слишком ценным, — произнес он знающе... — Это ведь большевики... Серебряное изображение Ленина или модель Кремля, вот что нужно.

Райт выразил сомнение насчет бюста Ленина, посчитав, что гладкие контуры бюста, точнее лысой головы, слишком закруглены, чтобы отражать звуковые волны. А вот модель Кремля могла бы подойти...

Из книги Райта:

...Мы начали говорить о старых временах. Он был стариком, но его память все еще была свежа. Слезы увлажнили его щеки, когда

он рассказывал мне историю о том, что он и цу Путлиц сделали для страны...

— А как насчет вашей пенсии? — спросил я.

— Пенсия? У меня нет пенсии, — с горечью отмахнулся он...

Я сидел молча. Разве можно было такого человека оставить в таких обстоятельствах, почти заставив его просить милостыню? Я хотел спросить его, почему Черчилль или Ванситтарт забыли его, но чувствовал, что это только ранит его.

Умер Иона Устинов 1 декабря 1962 года, когда его проблема с пенсией при содействии Райта была почти решена. Оставались какие-то мелкие формальности. С сыном, получившим к этому времени уже широкую известность, отношения у Ионы не сложились, и он никак не помогал отцу. Впрочем, это их сугубо семейные дела. И не наша тема.

Кавалерист, журналист, разведчик

Странный посетитель

Что это — везение? Или провокация?

Если это провокация, то, значит, он на крючке. Впереди обвинение в нанесении ущерба американскому государству, а потом тюрьма на долгие годы, обнищавшая и опозоренная семья.

Сергей Курнаков посмотрел на настенные часы. Теодор Холл придет через час. Почему он настоял на встрече именно в квартире Курнакова? Почему не согласился встретиться где-нибудь в ресторане, в парке, на набережной? Почему настаивал на том, что хочет прийти к нему домой? Если это провокатор, то в квартире установлены «жучки», чтобы записать их разговор.

Да, это риск, колоссальный риск. Но упустить такую возможность Сергей не мог. Сегодня — очередной пик в его 52-летней жизни. Такие пики были в Первую миро-

вую войну, и в Гражданскую, когда он воевал на стороне Белой армии, и позже, когда оказался в США. В Америке пришлось начинать жизнь сызнова: сначала вместе с продюсером российского происхождения Солом Юроком он организовывал гастроли в США Анны Павловой, Айседоры Дункан, Федора Шаляпина, русской оперной труппы, затем, в 1927 году, открыл в Нью-Йорке школу верховой езды и одновременно занялся журналистикой. И новый пик: в 1930 году он рискнул и согласился сотрудничать с советской разведкой, хотя понимал, что его вербовка могла быть инсценирована американцами. Но все обошлось. С того времени журналистика и разведка стали двумя его ипостасями.

Он познакомился с Холлом три дня назад, в редакции «Русского голоса», в офисе на 7-й улице в Нью-Йорке. Вечерело, было сыро, октябрь принес первую прохладу. Моросил дождь. Сверху, из окна, Сергей видел, как отражается свет витрин и светофоров на мокром асфальте. Весь этот день он провел за машинкой, подготовил большой обзор театральных новинок. Его поразил молодой красавчик, некто Марлон Брандо, в пьесе «Я люблю маму».

Для дебюта — безусловный успех, аплодисменты, цветы, наверняка уже формируется негласный клуб поклонниц... Сейчас Курнаков ждал, когда курьер доставит из типографии чуть влажную газетную полосу со свежим оттиском статьи: надо будет проверить, как верстальщик перенес в набор сокращения и не выбросил ли случайно чего важного. Все сотрудники отдела уже ушли домой.

Зазвонил телефон. Курнаков поднял трубку и услышал голос охранника на входе:

- Сэр, к вам посетитель.
- Но я не жду никого.

Охранник, видимо, прижал трубку к груди, слышалось неясное бурчание. Потом снова сказал:

- Сэр, он говорит, что по очень важному делу. Ему порекомендовали обратиться к вам в «Амторге».
- Вот как... Тогда пропустите его, пожалуйста.

Через несколько минут в дверь робко постучали, и вскоре на пороге показался человек, молодой, с встревоженным бледным лицом. Он был высок и строен, небрежно одет. Одежда, мокрая от дождя.

Они поздоровались. Посетитель представился:

— Меня зовут Тед Холл. Или, если полностью, Теодор Холл. Сегодня я разговаривал с Николаем Наполи... вы ведь его знаете, это представитель организации «Арткино», которая демонстрирует в США советские фильмы.

Курнаков кивнул в знак согласия.

— Да, я знаком с Наполи. Проходите, присаживайтесь... Вы промокли, я вижу. Сейчас согреемся чаем. С коньяком!

Гость отхлебнул чая с коньяком и продолжил:

— Ну вот... Наполи, ваш знакомый из «Арткино»... Понимаете, он не смог или не захотел обсуждать проблему, с которой я к нему пришел. И посоветовал обратиться к вам.

— Почему же именно ко мне?

Посетитель наморщил лоб, пожал плечами. Курнаков подумал, что парню, видимо, лет двадцать или около того. Мanners почти детские еще. Или, скорее, такие, какие бывают у старшеклассников или студентов-первокурсников. Судя по состоянию рук, грызет ногти. Чудаковатый юноша...

Но следующие слова Холла заставили Курнакова усомниться в такой характеристике:

— Господин Курнаков, вы ведь пишете, насколько я знаю, не только на театральные темы, но и на военные. Я читаю иногда ваши обзоры...

— Вы читаете по-русски?

— Нет, сэр, я читаю вас не в «Русском голосе», а по-английски в коммунистической «Дейли уоркер»... Прошу вас... У меня крайне важная информация, касающаяся оружия особо разрушительной силы.

Курнаков постарался придать своему голосу толику скепсиса:

— Крайне важная... особой силы... Вы не преувеличиваете? И откуда у вас такая информация, молодой человек?

— Я участвую в его создании. В создании этого самого оружия. Я работаю в Лос-Аламосе, в штате Нью-Мексико.

Лос-Аламос... Курнаков все понял. Именно в Лос-Аламосе находилась одна из двух лабораторий, где велись секретные работы по созданию ядерного оружия.

— А вы не боитесь, что я сейчас позвоню в полицию?.. Или, например, в ФБР? — Курнаков убедительно сыграл угрозу.

Гость протер очки, выдержал паузу.

— Я верю, что вы так не сделаете. А если сделаете, то я пойму, что никому в мире верить нельзя. Никому! — Он еще больше побледнел.

В этот момент в кабинет вошел мальчик-курьер с большим листом бумаги — будущей полосой завтрашнего выпуска газеты. Беседа прервалась. Курнаков отложил оттиск на край стола. Потом выжидательно посмотрел на Холла:

— И что же дальше?

Тот, однако, не спешил с ответом. Потом предложил:

— Сэр, прошу вас принять меня у себя дома. Это очень сложный разговор. И рискованный.

— Для кого рискованный? — напористо спросил Курнаков.

— И для меня, и для вас.

— Вот как... — Курнаков помолчал. — А что если мы посидим за чашкой кофе в кафе? Или где-нибудь погуляем?.. Я освобожусь через полчаса.

— Нет, сэр. — Молодой человек был тверд. — Согласитесь, я не похож на грабителя... И на наглеца... Нет, я ученый, физик. Но... простите, что я навязываюсь к вам в гости... Дело в том, что слишком серьезный разговор нам предстоит.

— Ну что ж... Тогда запишите мой адрес, Теодор.

Графиня в опустевшем особняке

Родившийся в 1892 году в фамильном имении Аладино, неподалеку от Козельска Калужской губернии, Курнаков будет много позже в мемуарах вспоминать свой «потерянный рай»: открывавшийся из бабушкиной спальни вид на аллею лип, сквозь которую виднелись теннисный корт и порхание на нем белого платья кузины.

Когда Сереже исполнилось шестнадцать лет, ему, веселому, остроумному, чуть разбитному малому, бабушка Александра Петровна дала шуточное прозвище Garcondcabaret (кабацкий парень).

Юный Курнаков учился живописи, музыке, иностранным языкам, верховой езде. Определиться с профессией «помогла» война: в 1914 году он оставил третий курс Института инженеров путей сообщения и поступил добровольцем в армию. Воевал на Северном и Румынском фронтах.

Именно с Румынским фронтом была связана его первая шпионская история. Курьезная, грустная и страшная одновременно.

...Полковник Чавчавадзе уже заканчивал совещание и собирался отпустить офицеров, как неожиданно заговорил прапорщик Леонтьев, отвечавший за передвижение полкового обоза по дорогам Галиции. Он чуть шагнул вперед, его сутулая фигура темным вензелем нарисовалась на фоне окна.

— Господин полковник, — докладывал прапорщик, — прошлой ночью в одном из окон старого замка Торски, что на холме, были замечены световые сигналы. По словам местных крестьян, там сейчас проживает пожилая то ли польская, то ли австрийская графиня. Сигналы подозрительны, их должно быть хорошо видно на другом берегу Днестра. Это напоминает связь с противником. Надо бы разобраться с этой старухой.

Полковник скептически пожал плечами. Ничего не сказал. Непосредственный начальник Леонтьева, подполковник Назаров, поддержал подчиненного:

— Эти австрийские аристократы — они патриоты, фанатичные патриоты, господин полковник. Независимо от возраста и положения.

— Разберитесь, господа, — приказал Чавчавадзе.

Разбираться отправились сослуживцы и старые друзья — капитан Курнаков и капитан Альбицци. Лошадей решили не брать, двинулись пешком. Было душно, небо налилось свинцом, собиралась гроза. Пока офицеры шли по широкой, пыльной дороге, засверкали молнии, загрохотал гром.

Низкая каменная стена окружала запущенную, с нескошенной травой, усадьбу. Ржавые ворота были приоткрыты. Друзья прошли через них. Сквозь кирпичную крошку на аллее проросли сорняки. Курнаков и Альбицци заметили на земле свившуюся, словно змея, пустую пулеметную ленту. Да, недавно здесь шел бой.

Опять раздался грохот — но это уже был не гром; австрийские артиллеристы стреляли через реку в сторону русских позиций. Пройдя по аллее, офицеры увидели на маленькой лужайке небольшой склеп из серого камня с золотистым крестом, обращенным к темнеющему небу. Передняя стена склепа была разрушена взрывом. Вероятно, австрийским, случайным. Крышка лакированного, из красного дерева, гроба с покойником съехала набок... Зрелище было не для слабонервных.

Альбицци осмотрел воронку от снаряда, легшего рядом со склепом. Кинул взгляд на приоткрытый гроб.

— Должно быть, четырехдюймовый артиллерийский снаряд... Бедняга... Его, получается, убили вторично...

Начинался дождь, и друзья поспешили в сторону дома. Греческий портик подпирался четырьмя облупленными и посеченными шрапнелью колоннами. Оголившиеся кирпичи на фоне белой штукатурки краснели кровоточащими ранами.

На стук в застекленную дверь никто не ответил. Возможно, из-за сыпавшегося на крышу крупного дождя хозяйка ничего не услышала. Курнаков, приложив ладони к глазам, рассмотрел через дверное стекло вестибюль. Мебель в стиле ампир. Диван с бледно-зеленой обивкой. В углу — высокие деревянные часы с остановившимся маятником. На полу — куски штукатурки. Это здесь живет шпионка? Курнаков потянул за бронзовый шар входной ручки — и дверь со скрипом распахнулась. Затхлый запах ударил им в ноздри.

Миновав вестибюль, Альбицци и Курнаков вошли в гостиную, украшенную портретом какого-то кардинала в красной мантии. Окна выходили на Днестр. Здесь, в проеме двери, ведущей в соседнюю комнату, стояла женщина. На вид ей

было шестьдесят с лишним лет. Ее седые, с синеватым оттенком волосы были уложены в старомодную прическу, которую венчала черная кружевная шляпка. Женщина, вероятно, похудела за последнее время, черное платье ей было велико. Она молча, без испуга, смотрела на вошедших.

Офицеры сдержанно поклонились. Женщина тонкой, почти детской рукой коснулась маленького золотого крестика на груди.

— Господа, вы говорите по-французски? — хриловато спросила она.

Господа представились.

— Вы разговариваете с графиней Брагинской. — Дама жестом пригласила Курнакова и Альбицци сесть в пухлые кресла, обитые плюшем винного цвета.

— Вы должны извинить меня за такую обстановку в доме. Я много месяцев живу здесь одна... Чем обязана вашему визиту?

Курнаков не знал, как начать разговор. Выручил Альбицци:

— Графиня, мы получили донесение о том, что... э-э... какие-то световые сигналы были посланы из вашего дома ночью... Предположительно противнику.

Альбицци запнулся, потом добавил чуть строже:

— Мадам, эти сигналы — плод вашей работы?

Женщина молча покивала, тяжело вздохнула.

— Видите ли, господа... — Она рассеянно посмотрела в окно. — У меня нет друзей... и нет врагов. Почти два года назад погиб мой сын. Его убили ваши, русские. Был рукопашный бой. Моему сыну его противник перегрыз горло. Перегрыз не в фигуральном, а в буквальном смысле слова. Зубами... Моя жизнь закончилась в девять пятнадцать утра шестнадцатого августа тысяча девятьсот четырнадцатого года... Я похоронила его в мавзолее, в парке. Наверняка вы видели этот мавзолей по пути сюда. Это единственное место на земле, которое имеет хоть какое-нибудь для меня значение... Слуги покинули меня, когда начались обстрелы. Старик из ближайшего села, добрая душа, приносит мне немного еды. Бог защитил могилу моего сына от снарядов, Господь пощадил меня тоже...

В голове Курнакова промелькнула картина: разрушенный склеп, который женщина называла мавзолеем, и гроб со скошенной крышкой. Графиня еще не знает об этих ужасных последствиях артобстрела. Но говорить сейчас ей об этом нельзя ни в коем случае...

Брагинская с трудом поднялась и предложила последовать за ней в библиотеку.

— Он любил спать здесь, на этой кровати.

Неожиданно она взяла Курнакова и Альбицци за руки и подвела их к большому фотопортрету, установленному на мольберте. Кавалерийский офицер в кивере задорно глядел в объектив фотоаппарата. Рядом с мольбертом стоял массивный церковный подсвечник.

— Каждую ночь я зажигаю свечу и молюсь здесь. Так что, если «сигналов» много, то это значит, что Бог не принимает моей молитвы, и я снова и снова зажигаю свечу. Вот в чем разгадка. Никакого шпионажа, Боже упаси. Это свет моих свечей... Если хотите, можете осмотреть весь дом.

Альбицци негромко произнес:

— Как достойно вы несете ваш терновый венец, графиня. Офицеры молча поцеловали пергаментную руку.

— Можем ли мы покинуть дом через веранду? — спросил Курнаков. Он боялся, что графиня пойдет провожать их и увидит разрушенный склеп.

— Да, конечно...

Обратный путь Курнаков и Альбицци проделал в полном молчании. Вернулись поздно вечером, доложили о ложной тревоге. Потом долго не могли заснуть...

Текстом вниз

В книге Сергея Курнакова «Десять разговоров о верховой езде», изданной в 1930 году, есть такой совет начинающим наездникам: «Опытный всадник, руководствуясь инстинктом, будет, играя пальцем, немного увеличивать и уменьшать натяжение поводьев, получая, таким образом, “живое железо”»

во рту лошади и в то же время не теряя постоянного контакта с последней». Эту методику он применял и в своей работе на советскую разведку. Начав сотрудничество, со временем он стал агентом-вербовщиком и связником с оперативными псевдонимами «Кавалерист» и «Бек». Жена знала обо всем и помогала ему в тайной работе.

И вот, кажется, на него вышел инициативник с предложением, касающимся атомной программы...

Еще в сентябре 1941 года источник лондонской резидентуры советской внешней разведки Дональд Маклэйн сообщил о ведущихся в США и Великобритании работах по созданию атомной бомбы. В ее разработку и изготовление вкладывали свои таланты и силы ведущие физики мира, в том числе специалисты, бежавшие из оккупированных Гитлером стран Европы. В США программа по разработке ядерного оружия получила название «Манхэттенский проект».

Советская внешняя разведка делала все, чтобы добыть информацию о «Манхэттенском проекте». Ценной считалась любая, даже малейшая информация, имеющая отношение к создающейся в секретных лабораториях бомбе. В Лос-Аламос уже внедрился советский агент «Чарльз», но он еще только налаживал курьерскую связь, и сведений от него пока не поступало. А Москва торопила.

Курнакову давно хотелось завербовать «крупную рыбу». И вот, может быть, ему повезло, и в обличье странноватого неврастеника Теодора Холла с обгрызенными ногтями его посетила удача? Если, конечно, Холл не блефует и не провоцирует. После первой короткой встречи с ним в редакции Курнаков держал совет со своим куратором из советской разведки. Тот сказал, что возможность получить «источник» в Лос-Аламосе стоит риска. Значит, надо встречаться...

Линию поведения при разговоре с Теодором Холлом взяли на себя «Май» и «Алексей» — советские разведчики Степан Апресян и Анатолий Яцков, работавшие в США под прикрытием. Леонида Квасникова, резидента по линии научно-технической разведки, в те дни в Нью-Йорке не было, он уехал в командировку в другой штат, и посоветоваться с ним не было возможности. Апресян и Яцков дали Курнакову такую

установку: расположить Холла к себе, вызвать его на максимально возможную откровенность и попытаться выяснить прежде всего, насколько он приближен к атомным секретам. Кроме того, следовало понять, что побудило его искать контакты для передачи сведений (в любом случае Курнаков должен был гарантировать ему материальное вознаграждение) и какие он видит способы связи (следовательно, надо было проконсультировать его по правилам конспирации). Если разговор пойдет по приемлемому сценарию, Курнаков — для дальнейшего развития оперативного контакта — должен был заявить Холлу, что у него есть выход на компетентные советские органы.

...Услышав звонок, Курнаков оторвался от печатной машинки и поспешил к двери. Взглянул на часы: гость оказался пунктуальным. Они обменялись рукопожатием. Теодор Холл, немного смущаясь, вошел в гостиную. Он явно волновался.

Курнаков вынул из папки приготовленную заранее вырезку из газеты «Таймс», но до поры до времени держал ее на столе текстом вниз.

Они не спешили перейти к главному и некоторое время говорили обо всем подряд: об образовании в СССР, о переходе в советских школах на раздельное обучение мальчиков и девочек, обсуждали недавние публикации Курнакова о театре и коневодстве, потом перешли к положению дел на фронтах в Европе.

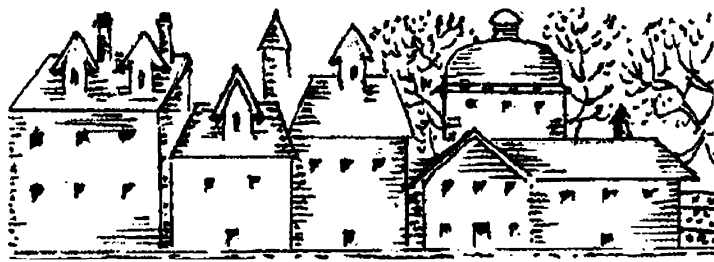
Нервозность Холла нарастала, он начал покусывать ногти. Тогда Курнаков перевернул вырезку из «Таймс», и гостю стал виден заголовок: «В США готовят “летающие бомбы” по примеру немецких».

— Может быть, вот это вас волнует? Летающие бомбы?

Молодой физик рассеянно поправил челку и, поколебавшись, ответил:

— Нет, то, что меня волнует, гораздо хуже.

Курнаков предложил попробовать русской водки по случаю ненастной погоды. Он намеренно не торопил события, не спешил выходить на главную тему.

В своем донесении, составленном в тот же вечер, Курнаков так опишет Теодора Холла:

Довольно высокий, стройный, с каштановыми волосами, бледный и немного прыщавый, небрежно одетый, обувь, кажется, не чищена в течение долгого времени, соскользнули носки. Волосы часто падают на лоб. Его английский очень культурный и богатый. Он быстро и очень бегло отвечает, особенно на научные вопросы. Глаза посажены близко друг к другу, очевидно, неврастенические... Он остроумен и несколько саркастичен, но без тени фамильярности и цинизма. Его главная черта — высокочувствительный мозг и быстрая реакция. В разговоре он острый и гибкий, как меч... Он из еврейской семьи, хотя и не похож на еврея. Его отец — скорняк; мать умерла... Он не в армии, потому что до сих пор молодые физики с государственных должностей на военную службу не призывались. Теперь его могут призвать, но он не сомневается, что его будут держать в том же месте, только в военной форме и, соответственно, с более низкой зарплатой.

Выпив, Холл как-то сразу успокоился, стал раскованнее.

— Господин Курнаков, послушайте. Документ, который лежит у меня в кармане, я принес не для публикации в газетах, с которыми вы сотрудничаете. Это сверхсекретный документ. Я хотел бы с вашей помощью передать его в советское генконсульство.

— Почему именно туда? — спросил Курнаков.

— Я не могу отдать его вам. Ведь вы не гражданин той страны, которая должна знать о реализации Америкой проекта, опасного для всего мира.

Курнаков секунду колебался: не сообщить ли гостю о своем советском гражданстве, которое он получил незадолго до встречи. Нет, пожалуй, ни к чему, он может не поверить. Спугнуть его ни в коем случае нельзя.

— Мне хотелось бы побеседовать с официальным сотрудником из Советского Союза, которому я готов передать всю необходимую информацию в письменном виде, — продолжил Холл.

— Почему вы хотите передать материалы именно советским представителям?

— Потому что уверен: только Советский Союз сможет противодействовать тому, что задумано здесь, в США. А задумана катастрофа. Самая настоящая...

Курнаков понял, что настал момент, когда можно пойти на обострение. Он налил гостю еще водки. Тот неумело выпил и запил остывшим кофе.

— Господин Холл, а откуда мне знать, что вы не провокатор ФБР?

Теодор слегка вздрогнул. Посмотрел на Курнакова, в глазах его мелькнула обида, почти детская. Курнаков сказал мягче:

— Докажите мне свое участие в особом проекте, о котором вы говорите, не раскрывая карты. Это важно, прошу вас.

Холл помолчал. Его лицо выдавало внутреннюю борьбу.

— Хорошо, открою часть карт, раз вы так хотите.

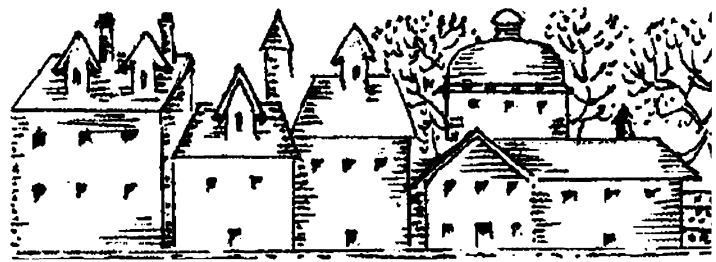
Холл вытащил из кармана пиджака сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Курнакову. Бумага была столь тонка, что обратную сторону странички, пробитую машинописными буквами, казалось, исписали шрифтом Брайля для слепых.

Прочитав, Сергей сказал почти официальным тоном:

— Я, Теодор, буду откровенен. Сообщаю вам, что советские органы при генконсульстве СССР в Нью-Йорке уполномочили меня рассмотреть все ваши предложения. Строго конфиденциально. Вам нужно поверить мне, как я поверил вам. У нас с вами нет другого выхода.

12 ноября 1944 года из нью-йоркской резидентуры в Москву поступило следующее сообщение:

БЕК встретился с Теодором ХОЛЛОМ, 19-летним сыном скорняка. Он — выпускник Гарвардского университета. Как талантливый физик, был взят на государственную службу. Он был ГИМНАСТОМ (так в донесении зашифрована принадлежность Холла к Лиге молодых коммунистов США. — А. К.) и работал в Союзе сталелитейщиков. По словам БЕКА, ХОЛЛ обладает исключительно острым умом и широким кругозором, а так-

же политически развит. В настоящее время Х. руководит группой в «САМР-2» (САНТА-ФЕ) (речь идет о секретной атомной лаборатории в Лос-Аламосе. — А. К.). Х. передал БЕКУ отчет о «САМР» и назвал ключевые кадры, работающие по программе ENERMIOUS. Он решил сделать это по совету своего коллеги Сэвилла САКСА, ГИМНАСТА (Сэвилл Сакс тоже был членом Лиги молодых коммунистов США. — А. К.), живущего в ТИРЕ (Нью-Йорке. — А. К.). Мать САКСА — ЗЕМЛЯК (так зашифровано членство в Компартии США. — А. К.) и работает в Обществе помощи России в войне...

Курнаков и Холл договорились, что связником будет давний друг Теда, деливший с ним комнату в университетском общежитии, Сэвилл Сакс (он упомянут в шифровке), давно уже, — о чем Холл, разумеется, не знал, — завербованный советской разведкой.

От первого лица

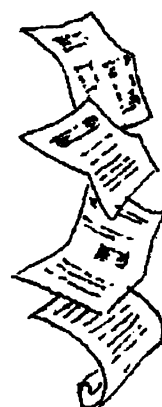
Из донесения Сергея Курнакова о встрече с Холлом:

...Он рассказал мне, что новое секретное оружие представляет собой «атомную бомбу» колоссально разрушительного действия. Я перебил: вы понимаете, что вы делаете? Почему вы считаете, что ради СССР нужно раскрыть тайны США? Он ответил: нет страны, кроме Советского Союза, которой можно было бы доверить такую страшную вещь. Но раз отобрать у других стран мы ее не можем — пусть СССР знает о ее существовании и пусть находится в курсе прогресса опытов и строительства. Тогда на мирной конференции СССР, от которого зависит судьба моего поколения, не окажется в положении державы, которую шантажируют. Не забудьте, что в этом секрете участвует также и Англия, полностью участвует, настолько, что часть опытов и расчетов делается в Англии, часть в Канаде. Работают над этой штукой все самые выдающиеся физики США, Англии, Италии, Германии (эмигранты) и Дании. (Список физиков на последней странице его доклада.)

Мы знаем, что и Германия, и СССР работают над снарядом, действие которого основано на дроблении атома некоторых элементов (Урана и др. элемента, который у нас называется Плутоний и который является 94-м элементом), однако мало сомнения в том, что США впереди остальных, ибо у нас сосредоточены все мозги Европы, кроме русских, и затрачено на это у нас несколько миллиардов долларов. Кроме того, у нас четыре (или больше) циклотрона, а в других странах, по нашим сведениям, — не больше двух в любой стране.

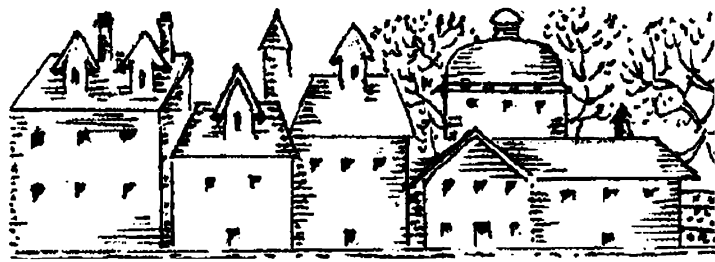
Потом Холл начал мне подробно излагать принцип, на котором основано действие бомбы, а также общий принцип устройства снаряда, который представляет из себя своего рода пушку внутри бомбы. Описав все подробности, он вынул аккуратно написанный доклад и сказал: вы не могли запомнить все это, а потому я вам заготовил записку. Покажите любому физику, и он поймет, в чем дело. Что же касается устройства снаряда, то, хотя это и не в моем отделении, но если нужно, я смогу узнать, как он устроен подробно. Пока я знаю общий принцип устройства. Бомба должна сбрасываться с самолетов. По нашим расчетам, бомба, весящая две тонны, даст силу взрыва, равносильную 20–50 бомбам такого же веса. Температура при взрыве будет превышать температуру солнечного ядра.

Тут передо мной встал вопрос — брать или не брать записку. Я решил взять по следующему соображению: он мне сказал, что надеялся видеть у меня «третье лицо». Теперь, если он подготовил «десант» для накрытия нашего человека с поличным и т. д., то ему не было расчета передавать доклад и нужно было сохранить его до более удобного случая. Прибавилось еще одно соображение в пользу доведения удара до конца. Оставался риск, что налет произойдет через несколько минут после того, как он уйдет, т. е. пока документ у меня дома. Жена вышла «в лавки» и тщательно осмотрела местность, не найдя ничего подозрительного.

В разговоре (в ответ на мои вопросы) выяснилось следующее, чего в докладе нет.

Он служит в центре, который называется «Экспериментальный Центр Y» (Игрек), который находится в 35 милях от г. Санта-Фе, Нью-Мексико. Тут производятся работы над самим снарядом.

Центр находится в непосредственном ведении военного министерства. В США есть еще два центра — «X» в штате Теннесси и «W» в штате Вашингтон. Там работают над приготовлением «продукта», т. е. уран-235 (кажется, так, пишу по памяти, ибо доклад Холла был немедленно из моего дома женой унесен, пока я вышел на улицу и пошел плутать, чтобы увести за собой наружное наблюдение, если таковое было).

Центр «Y» отделен от внешнего мира проволокой и караулами и заставами. Живут работники в черте ограды. Почта строго цензурируется. Только недавно разрешили отлучки больше чем за 75 миль от центра, но для этого требуются особые разрешения военных властей. Он был отпущен в Нью-Йорк в отпуск к семье. В Санта-Фе он может ездить свободно. Он предлагал организовать, если нужно, встречи так, чтобы сообщать о ходе опытов, ибо он это считает самым важным, т. е. не столь важен самый принцип, который всем известен, а важен этап, на котором находятся практические опыты по производству самого взрыва и по контролю самого взрыва, по конструкции снаряда и т. д. Расстались на том, что я ему через день-два позвоню. Он уезжает в пятницу в 4 часа дня...

Я спросил его (полушутя), как он не боится, что я его выдам. На это он ответил: вас знает около полумиллиона читателей и все люди в прогрессивном движении. Если вам верить нельзя, то вообще никому нельзя.

Дальнейшие контакты с агентом «Млада» (такой псевдоним присвоили Холлу), по решению резидентуры, проходили без участия Курнакова: все-таки он был только вербовщиком и связником, а для работы с «источником» научно-технической информации нужен был человек другого уровня квалификации и другой специализации. Наверное, это задело самолюбие бывшего кавалерийского офицера. Но, как бы то ни было, его лепта есть в том, что 28 февраля 1945 года на столе Лаврентия Берии оказался такой документ:

НКГБ СССР представляет информацию, полученную агентурным путем, о ходе работ по созданию атомной бомбы большой разрушительной силы:

Проведенные силами ведущих научных работников Англии и США исследовательские работы по использованию внутриатомной энергии для создания атомной бомбы показали, что этот вид оружия следует считать практически осуществимым и проблема ее разработки сводится в настоящее время к двум основным задачам:

1. Производство необходимого количества расщепляемых элементов — урана-235 и плутония.

2. Конструктивная разработка приведения в действие бомбы.

В соответствии с этими задачами в США созданы следующие центры:

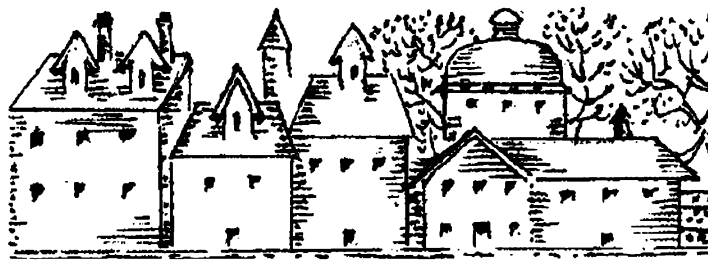
1. а) Лагерь-1, он же лагерь «Х» — Вудс Холле, в 35 километрах от г. Ноксвилл, шт. Теннесси. Здесь ведется строительство завода производства урана-235. На строительство этого завода ассигновано 2 миллиарда долларов и занято около 130 тысяч человек. Общее руководство по строительству завода поручено фирме «Келлекс» — специально созданной для этой цели дочерней организации известной проектной фирмы «М.В. Келлог» в Нью-Йорке. Контракт на строительство выдан фирме «Джонсон Констракшн»; кроме того привлечены другие известные фирмы: «Дюпон», «Карбайд энд Карбон Кемикал Ко». Все работы по созданию завода носят условное название «Клинтон Инжиниринг Воркс».

По плану строительство первой очереди должно быть закончено в 1945 году. Для полного завершения строительства требуется около 3 лет.

б) Лагерь «W», около г. Хэнфорд, шт. Вашингтон, на реке Колумбия. На установке, принадлежащей фирме «Дюпон», здесь производится элемент 94, или плутоний.

2. Лагерь-2, он же лагерь «Y», — в местечке Лос-Аламос, в 70 километрах к северо-западу от небольшого города Санта-Фе, шт. Нью-Мексико. Лагерь находится в непосредственном ведении Военного министерства. Здесь проводятся исследовательские и экспериментальные работы над созданием самой бомбы.

Лагерь-2 изолирован от внешнего мира. Он расположен в пустынной местности, на вершине плоской «столовой» горы. На территории лагеря, отгороженной проволокой и находящейся под специальной охраной, проживает около 2 тысяч человек. Для них созданы хорошие бытовые условия: удобные квартиры, площадки

для игр, бассейн для плавания, клуб и т. д. Почтовая переписка с внешним миром контролируется. Выезд работников из лагеря разрешается только по специальному разрешению военных властей. Вокруг лагеря имеются несколько полигонов. Ближайший из них — Анкор-Ранч, находится в 5 милях от Лос-Аламоса.

Последние исследовательские данные об эффективности атомной бомбы вносят новое представление о масштабах разрушения. По расчетам, энергия атомной бомбы общим весом около 3 тонн будет эквивалентна энергии обычного взрывчатого вещества весом от 2 до 10 тысяч тонн. Считают, что взрыв атомной бомбы будет сопровождаться не только образованием взрывной волны, но и развитием высокой температуры, а также мощным радиоактивным эффектом, и что в результате этого все живое в радиусе до 1 километра будет уничтожено.

Разрабатываются два способа производства взрыва атомной бомбы:

1. Баллистический.
2. Методом «внутреннего взрыва».

Каких-либо определенных сроков изготовления первой бомбы не имеется, так как до сих пор еще не закончены исследовательские и проектные работы. Предполагается, что для изготовления такой бомбы потребуется минимум один год и максимум 5 лет.

Что же касается бомб несколько меньшей мощности, то сообщается, что уже через несколько недель можно ожидать изготовления одной или двух бомб, для чего американцы уже имеют в наличии необходимое количество активного вещества. Эта бомба не будет столь эффективной, но все же она будет иметь практическое значение как новый вид оружия, намного превышающий существующие на сегодня по своей эффективности. Первый опытный «боевой» взрыв ожидается через 2—3 месяца.

В связи со всей проблемой использования внутриатомной энергии урана в целом вопрос о наличии и мощности месторождений урановой руды в каждой из стран приобретает особо важное значение.

В нашем распоряжении имеются следующие данные по этому вопросу:

Главные месторождения урановых руд находятся в Бельгийском Конго, Канаде, Чехословакии, Австралии и на о-ве Мадагаскар.

Канадская руда разрабатывается фирмой «Канад иен Радио энд Урани-ум Корп» в Порт-Хоуп, Онтарио, и использовалась как англичанами, так и американцами. Со стороны канадского правительства было намерение национализировать урановые разработки. Но американцы предупредили это мероприятие, закупив канадские месторождения, хотя и в значительной степени уже истощенные.

Кроме того, американцы добились неограниченного контроля над добычей урановых руд в Бельгийском Конго. Позиция англичан в Бельгийском Конго значительно слабее, так как промышленная верхушка этой колонии склоняется в сторону американцев и настроена сепаратистски, высказываясь за выделение в независимое государство.

Месторождения урановой руды в Чехословакии расположены в Судетской области, в окрестностях Иохимшталь на южных склонах Эрцгебирга в 20 километрах к северу от Карлсбада.

По нашим агентурным данным, англичане были якобы намерены заключить соглашение с чехословацким правительством в Лондоне по вопросу об эксплуатации этих месторождений. Народный комиссар государственной безопасности Союза ССР

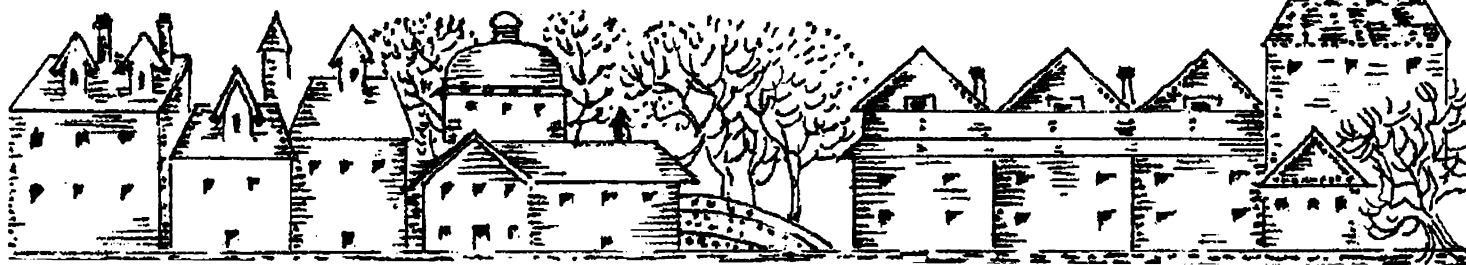
В. Меркулов

Возвращение

Холл работал на СССР и после войны, когда в 1946 году уехал из Лос-Аламоса в Чикаго. Он продолжал предоставлять информацию советской разведке о работах над ядерным оружием нового поколения, которые велись в Чикагском университете.

После расшифровки материалов по проекту «Венона» кое-что о его деятельности американцы узнали. Но на обвинения в шпионаже эти сведения не тянули, а все те, кто был в курсе тайной жизни Холла и кого они могли допросить, уже

умерли. Холла в 1951 году несколько раз допросили в ФБР, и этим все закончилось.

Незадолго до своей кончины в интервью газете «Нью-Йорк таймс» Холл полушутливо-полусерьезно заявил: «Я изменил ход истории». К этому он вполне мог добавить: «Я сделал это благодаря советской разведке — Сергею Курнакову и его товарищам».

Что же касается Курнакова, то он, поймав «крупную рыбу» в лице Холла, еще некоторое время прожил в США, продолжая заниматься журналистикой. Любопытно, что в августе 1945 года он опубликовал в американском промарксистском журнале «Нью Майсес» рецензию на книгу перебежчика из СССР, бывшего офицера Разведывательного управления Красной армии Александра Бармина, который в 1943–1944 годах работал в Управлении стратегических служб США. Книга называлась «One Who Survived» («Тот, кто выжил»).

В марте 1946 года Курнаков вернулся на Родину. Он поселился в Москве вместе с женой и сыном Николаем, чья судьба заслуживает отдельного рассказа: в 1943 году, обратившись в советское посольство, Николай перебрался в СССР и успел повоевать в разведке кавалерийского полка, дойдя до Берлина. После войны Николай Курнаков работал диктором иновещания и однажды снялся в кино — в советском боевике «Одинокое плавание».

Живя в СССР, Сергей Курнаков много писал. Печатался под псевдонимами С. Козельский, Н. Сергеев, С. Николаев. Дружил с писателем и поэтом Константином Симоновым. Он умер в 1949 году и был похоронен на Новодевичьем кладбище.

ТАСС уполномочен доложить...

Ликвидация

В небольшом лозаннском кафе за столик к мирно ужинавшему человеку, вежливо спросив его разрешения, подсели двое. Представились, завели светскую беседу, шутили, улы-

бались. Зазвенели и бокалы под дружеские тосты... Они вместе вышли на улицу, и тут эти двое вдруг скрутили его и, не дав опомниться, затолкали в машину. Отъехав подальше от Лозанны, они нашли безлюдное место на берегу Женевского озера, посадили в беднягу дюжину пуль — пять в голову, семь в грудь — и выкинули труп на обочину.

Спустя два дня — 4 сентября 1937 года — на стол Сталину положили швейцарские и французские газеты с фотографией убитого, в кармане которого, как сообщалось, был найден фальшивый чехословацкий паспорт. Сталин удовлетворенно усмехнулся: предатель-перебежчик, бывший сотрудник Иностранного отдела НКВД Натан Порецкий ликвидирован.

Одним из убийц перебежчика был Ролан Аббиа. Это была его первая серьезная операция, которую он провел совместно с опытным советским разведчиком Борисом Афанасьевым. Дебют удался. Наградой в случае успеха ему было обещано советское гражданство.

Ролан становится Владимиром

Ролан Аббиа появился на свет в Санкт-Петербурге, в семье француза-виолончелиста, выходца из Монако. В начале прошлого века семья Аббиа жила на Васильевском острове, а Ролан учился в гимназии Карла Мая. После революции семейство эмигрировало на Запад, и уже там он был завербован НКВД.

Сразу после убийства Порецкого Ролан Аббиа выехал в СССР. Обещанное гражданство ему дали, и теперь в кармане у него лежали новенькие документы на имя Владимира Сергеевича Правдина. 13 ноября 1937 года «за самоотверженное выполнение специальных заданий Правительства СССР» (имелось в виду то самое задание, точка в котором была поставлена на берегу Женевского озера) Правдин и Афанасьев были награждены орденами Красного Знамени.

В 1938 года сотрудник 1-го (иностранного) управления НКГБ Правдин был командирован на работу в ТАСС. Жур-

налистская работа отныне и надолго стала его прикрытием. В 1941 году его отправили в США, где он сначала был корреспондентом-редактором нью-йоркского отделения ТАСС, а с 1943 года — уже заведующим этого отделения. Все это время он носил оперативный псевдоним «Сергей».

Но вернемся в 1941 год. В начале войны нью-йоркская резидентура НКГБ составляла всего несколько человек, а работы было много. Здесь от Правдина не требовались навыки рукопашного боя и меткой стрельбы, — его задачей было создать сеть агентов и информаторов, а это было куда сложнее. Впрочем, он и с этим справлялся неплохо.

О чем сообщил «Империалист»

Среди важных источников информации нью-йоркской резидентуры были влиятельные журналисты, вхожие в кабинеты чиновников и офисы крупных бизнесменов. Правдину удалось наладить тесные контакты с Уолтером Липманном, политическим обозревателем «Нью-Йорк уорлд» и других газет, будущим двукратным (в 1958 и 1962 годах) лауреатом Пулитцеровской премии. В картотеке советской разведки Липманн получил кодовое имя «Империалист».

Приведем расшифрованный в рамках проекта «Венона» текст доклада (от 16 апреля 1944 года) советского резидента в Москву о встрече Правдина и Липманна (мы позволили себе исправить опечатку: вместо 1944-го в тексте стоял 1974 год):

В беседе с СЕРГЕЕМ ИМПЕРИАЛИСТ сказал:

Генеральный штаб СТРАНЫ не сомневается в успехе вторжения в Европу. На прошлой неделе КАРФАГЕН заверил ЭЙЗЕНХАУЭРА в том, что в СТРАНЕ достаточно обученных резервов, чтобы обеспечить усиление подразделений, участвующих во вторжении. ОСТРОВИТЯНЕ перестали возражать против вторжения. Заместитель ЛУНЯ (далее КАПРАЛ) сказал ИМПЕРИАЛИСТУ, что КАБАН согласился с планом вторжения, предло-

женным ГОРОЖАНАМИ. По словам КАПРАЛА, КАБАН сказал ему: «Я долгое время не мог согласиться на операцию такого рода...» ИМПЕРИАЛИСТ уверен, что перемены начнутся очень скоро. Что касается Румынии, Болгарии и Венгрии, то БАНК предполагает, что они порвут с Германией только после развития решительных операций на Западном и Восточном фронтах.

Лишь мимоходом ИМПЕРИАЛИСТ затронул европейские вопросы, заявив, что было желательно найти решение советско-польской проблемы до вторжения: «В обмен на смену польского кабинета МОСКВА должна отказаться от Львова».

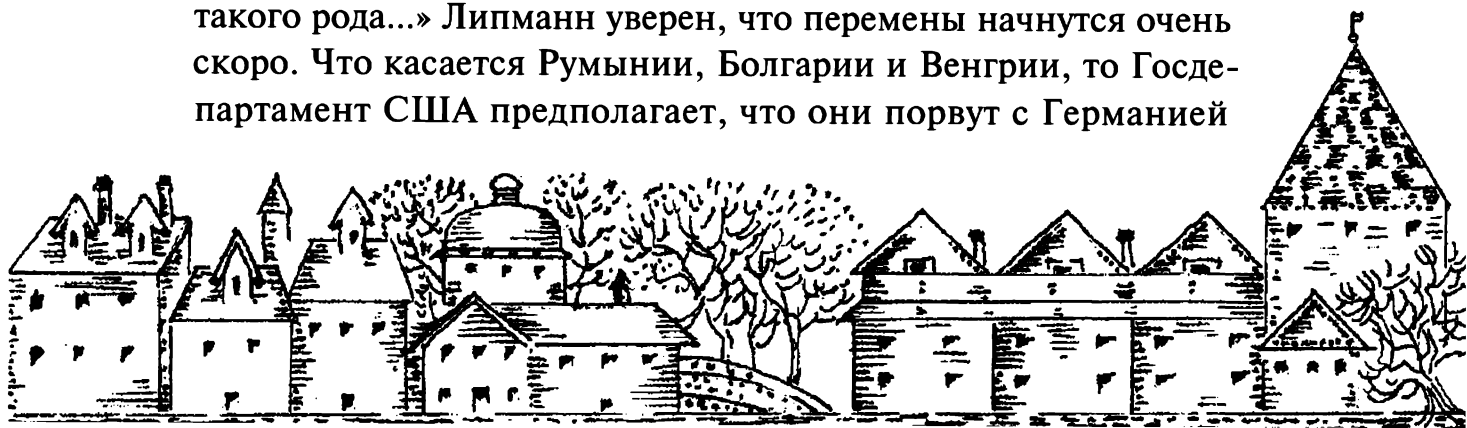
ИМПЕРИАЛИСТ продолжает считать вопрос об участии СССР в войне против Японии камнем преткновения в советско-американских отношениях. Магистр ДАЧИ сказал ему, что обсуждение этого вопроса прессой противоречит интересам СТРАНЫ. Я согласен с ним, но не скрываю, что будущие намерения в этом вопросе рассматриваются ответственными кругами в СТРАНЕ как решающий фактор в ее политике.

Согласно отчету ИМПЕРИАЛИСТА, американцы к концу 1944 г. надеются захватить Филиппины, Формозу, Сингапур... (На этом рассекреченная часть доклада заканчивается. — А. К.)

Вооружившись таблицей криптонимов и терминов программы «Венона», переведем этот текст на обычный язык:

В беседе с Правдиным Липманн сказал:

Генеральный штаб армии США не сомневается в успехе вторжения в Европу. На прошлой неделе официальный Вашингтон заверил Эйзенхауэра в том, что в США достаточно обученных резервов, чтобы обеспечить усиление подразделений, участвующих во вторжении. Британцы перестали возражать против вторжения. Заместитель Государственного секретаря Корделла Халла Эдвард Р. Стеттиниус-мл. сообщил Липманну, что Черчилль согласился с предложенным американцами планом вторжения. По словам Эдварда Р. Стеттиниуса-мл., Черчилль сказал ему: «Я долгое время не мог согласиться на операцию такого рода...» Липманн уверен, что перемены начнутся очень скоро. Что касается Румынии, Болгарии и Венгрии, то Госдепартамент США предполагает, что они порвут с Германией

только после развития решительных операций на Западном и Восточном фронтах.

Лишь мимоходом Липманн затронул европейские вопросы, заявив, что было желательно найти решение советско-польской проблемы до вторжения: «В обмен на смену польского кабинета официальная Москва должна отказаться от Львова».

Липманн продолжает считать вопрос об участии СССР в войне против Японии камнем преткновения в советско-американских отношениях. Один из руководителей Посольства США в Москве сказал ему, что обсуждение этого вопроса прессой противоречит интересам США. Я согласен с ним, но не скрываю, что будущие намерения в этом вопросе рассматриваются ответственными кругами в США как решающий фактор в политике страны.

Согласно отчету Липманна американцы к концу 1944 г. надеются захватить Филиппины, Формозу, Сингапур....

Правдин и сам работал «в поле»

С июня 1944 года до своего отъезда из США Правдин был тесно связан с членом «кембриджской пятерки» (ядром сети советских агентов в Великобритании, завербованных в еще 1930-х годах в Кембриджском университете) Дональдом Маклином, который в это время работал в Вашингтоне в должности первого секретаря британского посольства.

Встречи проходили в Нью-Йорке, куда Маклин регулярно приезжал из Вашингтона навестить свою семью. Они встречались в кафе, ресторанах, иногда в парках. Сведения, поступавшие от Маклина, касались военных намерений союзников, их планов, связанных с послевоенным устройством Западной Европы, а также работ по созданию американской атомной бомбы в рамках «Манхэттенского проекта». Москва высоко ценила полученные от Маклина сведения.

Владимиру Правдину удалось завербовать Йоханнеса Стилла, журналиста, работавшего редактором иностранных новостей в ежедневной газете «Нью-Йорк пост» и еженедельнике

«Нэйшн». В июле 1944 года Стил сообщил ему, что директор Польского телеграфного агентства Роман Мочульский тайно сочувствует СССР и ищет выходы на советскую разведку. Правдин попросил Стила организовать встречу с польским коллегой.

Они встретились на улице и говорили всего несколько минут. Мочульский объяснил, почему идет на сотрудничество. Он считал, что Польша должна иметь хорошие отношения с Советским Союзом.

— Я подумал над всей серьезностью и возможными последствиями своего шага... И тем не менее хочу предоставить себя в ваше распоряжение. Готов поставлять вам всю информацию, имеющуюся в моем распоряжении, и ту, к которой я в дальнейшем получу доступ. Так я хочу хотя бы частично противодействовать фашизму.

Правдин попросил время подумать. На самом деле ему нужно было получить «добро» из Москвы. На следующей встрече он сказал Мочульскому:

— Ваше предложение нас заинтересовало. Мы приветствуем доброжелательных к нам людей. А вот доказательство вашей искренности будет зависеть от вас.

— Да, понимаю... — Поляк выдержал паузу. — Обещаю, что в следующий раз приду к вам не с пустыми руками.

Во время следующего «контакта» в небольшой закусочной Мочульский передал Правдину список польских беженцев и американцев польского происхождения с их характеристиками. Это был очень полезный документ стратегического значения.

В шифровках советской разведки Мочульский закодирован под псевдонимом «Канук». Так звали популярного персонажа комиксов, лихого парня, бесстрашного лесоруба-супермена. Лестно, согласитесь. А ведь не всегда псевдонимы в донесениях советской разведки звучали красиво, чего стоит только обозначение Уинстона Черчилля — «Кабан». Грубовато, пожалуй...

А вот Ян Папанек, личный представитель в США Эдварда Бенеша, председателя чехословацкого правительства в изгнании, и по совместительству директор Чехословацкой

информационной службы в Нью-Йорке, в донесениях нью-йоркской резидентуры почему-то вообще не зашифрован и назван своей реальной фамилией. Общение с ним было также весьма полезным для советской разведки.

Осенью 1944 года Правдин получил из Москвы задание узнать настроения в американских верхах по поводу возможного участия представителей генерала де Голля в работе Европейской консультационной комиссии (ЕКК), которая была создана по итогам Московской конференции 1943 года министров иностранных дел Великобритании, СССР и США. Нужную информацию он добыл через помощника руководителя журнала «Ньюсуик» Фреда Вандершмидта и сотрудника иностранного отдела «Геральд трибьюн» Шейха Барнеса.

3 октября 1944 года Правдин отправил в Москву донесение о том, что правящие круги США не желают, чтобы представители де Голля были включены в консультативную комиссию, хотя Великобритания на этом настаивает. Москва подключила к работе дипломатов, и в результате с ноября 1944 года в состав комиссии вошел представитель Франции, комиссар по иностранным делам Французского комитета по делам национального освобождения Р. Массильи.

Ценный «Блин»

Среди множества американских журналистов, завербованных Правдиным, самым ценным агентом был сотрудничавший с разными изданиями Исидор Стоун (псевдоним — «Блин»), родившийся в Филадельфии в семье выходцев из России. Он явно симпатизировал СССР, но, чтобы привлечь его к работе, за ним пришлось немало «поухаживать». Из донесения нью-йоркской резидентуры в Москву узнаем, что Правдин трижды пытался встретиться с будущим «Блином» в Вашингтоне, но тот каждый раз отказывался, ссылаясь на напряженный график командировок. Правдин подключил к вербовке своего подчиненного и по ТАСС, и по разведке —

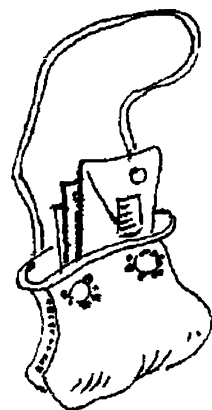
американского журналиста Сэмюэля Красфура, но Стоун не шел на контакт.

Тем не менее советская разведка продолжала попытки завербовать Стоуна — уж слишком соблазнительны были его обширные связи и в журналистском сообществе, и среди политиков. Наконец, 23 октября 1944 года нью-йоркский резидент Степан Апресяна сообщил в Москву, что Правдину удалось склонить Стоуна — теперь уже «Блина» — к сотрудничеству. В шифровке говорилось: «БЛИН дал понять, что не отказывался от помощи, но просит учесть, что у него трое детей и он не хочет привлекать внимание ХАТЫ (то есть ФБР. — А. К.)».

Из большого потока разведывательной информации, полученной от «Блина», пожалуй, надо выделить сведения о том, что сразу после неожиданного наступления немцев на Западном фронте в декабре 1944 года в генеральном штабе армии США были встревожены ситуацией. И даже рассматривалась возможность «задержать на несколько месяцев возобновление общего наступления США, которое рассчитано на то, чтобы сокрушить Германию вместе с нами» (из донесения советской резидентуры в Москву). Информация была дополнительно перепроверена через других информаторов — среди них был уже упомянутый Вальтер Липманн. Все подтвердилось. Имея на руках достоверные данные, Москва по дипломатическим каналам начала интенсивную работу, целью которой было убедить американцев в необходимости продолжить боевые действия против Гитлера в Европе.

Сэмюэль Красфур (тот самый, что принимал участие в «уговорах» Стоуна) был заметной фигурой в редакционном офисе ТАСС. Это был американский коммунист, повоевавший в Испании в составе интернациональных бригад.

Основной массив разведывательной информации Красфур добывал через своего давнего знакомого, сорокалетнего Джозефа Бергера, имевшего русско-еврейские корни. Тот занимал пост председателя Демократического национального комитета — координационного органа демократической партии США. Впрочем, Бергер, скорее всего, не знал, что его

приятель Сэм работает на русских, и относил его любознательность на счет журналистской деятельности.

Но среди тех, кто помогал нашим разведчикам, было немало тех, кто делал это не просто сознательно, но и сам проявлял инициативу. Таков был, например, Пьер Ко, до войны занимавший посты министра торговли и авиации в правительстве Франции. После бесславного падения Франции он эмигрировал в США, где совмещал научную работу с пропагандой идеи антигитлеровского альянса. На советскую разведку он вышел сам, сообщив в Москву через генсека компартии США Эрла Браудера о своей «готовности выполнить любую миссию, которую пожелают ему поручить».

После этого руководитель советской внешней разведки Павел Фитин поручил нью-йоркской резидентуре наладить с Ко тесный контакт, и после нескольких встреч с Правдиным француз стал агентом под псевдонимом «Дедал». Информация от «Дедала» в основном касалась французских политических деятелей, с которыми он встречался в США. В конце 1943 года Ко перебрался в Алжир, где, став членом Консультативного совета антигитлеровской организации «Свободная Франция», продолжил контакты с советской разведкой.

Отважные дамы

Среди агентов, которых завербовал Правдин, были две дамы. Первая — это г-жа Джудит Коплон, которая работала скромным клерком в отделе регистрации иностранных граждан Министерства юстиции США. Нью-йоркская резидентура обратила внимание на эту 27-летнюю женщину, придерживавшуюся левых взглядов, летом 1944 года. Но разрешение на ее вербовку Правдин получил только через полгода.

В январе 1945 года он доложил в Центр, что Коплон — «человек серьезный и политически хорошо развитый. Не приходится сомневаться в ее искреннем желании работать на

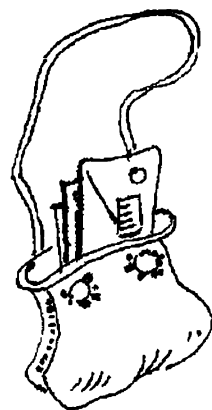
советскую разведку». Таким образом, Коплон стала членом советской агентурной сети под псевдонимом «Сима».

Куратором Коплон был советский разведчик Виктор Губичев, работавший под прикрытием в отделе архитектуры при ООН. Раз в месяц Джудит передавала ему копии секретных документов, которые проходили через ее руки. Среди них были весьма ценные с точки зрения Москвы отчеты и доклады ФБР о выявленных случаях шпионажа.

Коплон, можно сказать, ходила по лезвию ножа, но в какой-то момент ей, видимо, отказало чувство опасности. Провал случился 4 марта 1949 года — после того, как она запросила секретный доклад ФБР о советском шпионаже, якобы необходимый ей для работы. Узнав об этом, ее непосредственный начальник забеспокоился и на всякий случай обратился в ФБР. Он не знал, что ФБР, со своей стороны, тоже подозревает Джудит. Таким образом, все сошлось. Агенты ФБР позволили Губичеву и Коплон встретиться и прямо на улице задержали их.

Сохранилась оперативная фотосъемка того, как это происходило. К медленно прогуливающимся мужчине и женщине подошли три грузноватых человека в серых плащах и шляпах. У Коплон изъяли сумочку и осмотрели ее содержимое. Там были оригиналы двух секретных документов. Первый касался геофонов — приборов для приема звуковых волн, которые позволяли регистрировать силу взрыва атомной бомбы. Второй документ содержал данные о вербовке ФБР работников «Амторга» (советско-американского совместного торгового предприятия). В карманах Губичева нашли только деньги.

Губичев, имевший дипломатический иммунитет, был выдворен из США. Об этом сохранился сюжет, снятый для новостного киножурнала: Губичев улыбается и приветливо машет американцам, уверенно и легко шагая по трапу на палубу теплохода, готового отправиться через Атлантику. Джудит Коплон осудили за шпионаж, но позже приговор отменили, приняв во внимание апелляцию. Новый суд, как ни странно, не состоялся, и объяснения этому нет, а в 1967 году, спустя восемнадцать лет после рокового для Коплон дня, дело было прекращено.

С советскими разведчиками, работавшими под «крышей» ТАСС, общалась еще одна женщина — Марта Додд, завербованная НКВД еще в 1937 году в Берлине, где ее отец служил послом США в Германии. В начале 1938 года, после возвращения в США, Марта вышла замуж за банкира-миллионера Альфреда Стерна, который также работал на НКВД. Был завербован и брат Марты — Уильям Додд-младший, имевший псевдонимы «Президент» и «Сицилия»; он неудачно баллотировался в Конгресс от демократической партии, но надеялся на помощь советской разведки в своей дальнейшей карьере. По рекомендации Марты Додд-младший был зачислен в 1945 году в штат ТАСС. Но произошло это без санкции Москвы, и вскоре Правдин получил взыскание от лубянского начальства и приказ его уволить, так как это могло «засветить» и Марту, и ее мужа. Разумеется, приказ был выполнен.

Марта активной деятельности не вела. Но Альфред Стерн принес нашей разведке немало пользы; в частности, он помог советскому агенту Борису Морозу (Мороссу) в организации надежного прикрытия для нелегалов — звукозаписывающей студии и музыкального издательства. Здесь советские разведчики обретали официальное трудоустройство, обзаводились нужными связями и могли при необходимости разъезжать по США, Канаде и Латинской Америке. Кроме того, гостеприимный особняк Альфреда Стерна в городе Риджфилде (штат Коннектикут) часто использовался для встреч наших разведчиков с информаторами.

Журналистика становится основной профессией

В декабре 1945-го Правдина срочно отозвали в Москву. Причина была банальна: предательство. В ноябре 1945 года член его агентурной сети Элизабет Бентли пришла в ФБР и дала показания о своей работе на советскую разведку. Бентли про-

валила множество наших агентов и, пожалуй, на некоторое время дезорганизовала работу советской разведки в США.

Несколько лет после возвращения в Москву отмечены в судьбе Правдина резкими поворотами. Сначала он получил назначение в центральный аппарат внешней разведки, но уже в 1948 году был отправлен на пенсию и стал главным редактором издательства «Иностранная литература». Но как только умер Сталина, его вновь позвали на службу, и два месяца он, в звании капитана госбезопасности, числился сотрудником 9-го (диверсионного) отдела МВД. Тут, однако, был арестован Берия, в органах началась новая чистка кадров, и его опять уволили, на этот раз окончательно.

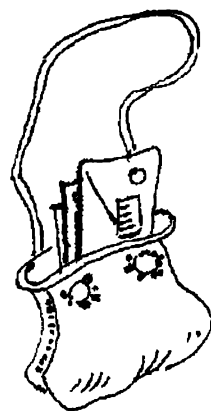
Жаль, что он в оставшиеся ему годы не занялся написанием мемуаров, это было бы очень интересно. Хотя не исключено, что какие-то его заметки засекречены в архиве СВР России.

С «Pentax» и блокнотом

«Репортерский вирус»

Знаменитый американский фотограф Тереза Бонни в молодости долго искала себя. До того, как главным спутником ее жизни стала фотокамера, она получила степень бакалавра искусств в Калифорнийском университете. Потом училась в аспирантуре в колледже Рэдклифф в Кембридже, где получила степень магистра по романским языкам, и изучала философию в Колумбийском университете. Защитила диссертацию о моральных идеях в театре Александра Дюма, получила степень доктора наук в 1921 году.

Но постепенно ее затянула общественная работа. Она начала путешествовать с лекциями по Европе и тогда же заинтересовалась журналистикой. Затем осела во Франции и работала на американские, английские и французские газе-

ты, писала статьи и иллюстрировала их собственными фотографиями. В 1923 году она создала «Бонни сервис» — первую американскую иллюстрированную пресс-службу, которая распространяла фотографии для публикаций более чем в 20 странах.

По-настоящему карьера Терезы Бонни как фоторепортера началась в 1939 году с серии репортажей «Закулисный взгляд на Ватикан». Вскоре она едет в Финляндию, чтобы запечатлеть подготовку к Олимпиаде, но застаёт там начало советско-финской войны. Она снимает обычных жителей, которым война принесла лишения и страдания.

В 1941 году Тереза вернулась в США. Выставки, помощь Красному Кресту, лекции — жизнь ее интересна и дает ей ощущение наполненности. Но «репортерский вирус» заразил ее беспокойную и отзывчивую душу, она решает, что с помощью фотокамеры просто обязана рассказывать людям о пагубности нищеты и несправедливостях войн. Она намеревается ехать в Африку. Но тут вдруг ей предложили вновь отправиться в Финляндию. Она подумала и согласилась: шла война, американцы уже пережили разгром в Пёрл-Харборе, и Тереза решила, что должна внести свой вклад в победу в мировой войне. Дело в том, что предложение это поступило от Управления стратегических служб — разведслужбы США, той самой, на основе которой спустя несколько лет будет создано ЦРУ.

С визой помог маршал Маннергейм

В сентябре 1942 года Тереза прибыла в столицу нейтральной Швеции. Из Стокгольма она собиралась поехать в Финляндию, но неожиданно начались проблемы с визой. Бонни написала письмо главнокомандующему финской армией фельдмаршалу Карлу Густаву Маннергейму, о котором после первой своей командировки опубликовала весьма лестный репортаж с фотографиями (напомним: это было до вступления США во Вторую мировую войну). Фельдмаршалу осо-

бенно понравилась фотография «Мальчик и Маннергейм», и тогда же он наградил Терезу Бонни орденом Белой розы Финляндии за храбрость. Заслуженно, ведь она работала в воюющей стране.

Маннергейм, разумеется, ее не забыл и распорядился помочь с визой. Осенью 1942 года Тереза Бонни провела в Финляндии 25 дней и подготовила за это время серию репортажей о жизни финнов, воевавших на стороне Германии.

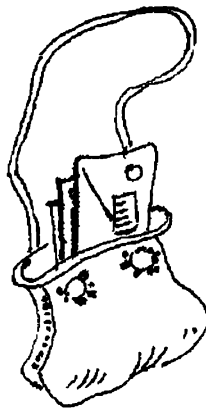
Стоит напомнить, что финны находились в состоянии войны с СССР, Великобританией, Австралией, Канадой, Чехословакией, Британской Индией, Новой Зеландией и Южно-Африканским Союзом. Но не с американцами. Этим объясняется то, что финские власти были лояльны к американской журналистке.

О том, что она при этом выполняла секретное задание американской разведки, до последнего времени писали лишь в предположительном смысле. И только недавно из рассекреченных ЦРУ докладов стали известны подробности ее параллельной, помимо журналистской, работы в Финляндии.

Тайная миссия

Один из рассекреченных меморандумов, адресованный руководителю УСС Уильяму Доновану, составлен лейтенант-коммандером (флотское звание, примерно соответствующее нашему капитану третьего ранга или армейскому майору) Р. Дэвисом Холливеллом, начальником отделения спецопераций УСС. Второй документ дошел до наших дней с большими повреждениями, так что полные данные и воинское звание автора установить не представляется возможным, читается лишь его фамилия — Мэнсфилд.

Из этих документов мы узнаем, что по прибытии в Хельсинки мисс Бонни встретила с министром пропаганды Финляндии Ремпером, который не скрывал своих пронацистских взглядов, и побывала по его приглашению на официальном обеде, где присутствовало много носителей

интересной информации в генеральских мундирах. В неформальных беседах, после двух-трех бокалов шампанского в хорошей компании, эти люди иной раз бывали говорливы.

Затем, после утряски формальностей, Терезе разрешили посетить линию фронта, на котором в 1942—1943 годах активных боев не велось. Бонни сопровождал высокопоставленный финский штабист. Любезные хозяева снабдили ее — для установления доверительных контактов с офицерами и солдатами — большим ящиком лучших вин и ликеров.

Согласно полученному в УСС заданию, Бонни должна была узнать о настроениях в финской армии; этому придавалось большое значение, так как отношения Финляндии и Германии постепенно портились, и финское руководство, по данным американцев, искало, пока еще очень осторожно, пути выхода из войны. При этом, коль скоро немцы продолжали удерживать инициативу на Восточном фронте, оно не чувствовало себя готовым к решительным шагам, что резко расходилось с позицией США, которые настаивали на безоговорочном разрыве отношений Хельсинки с официальным Берлином. Таким образом, финны оказывались между двух огней, равным образом опасаясь немцев и американцев и рискуя ошибиться, выбрав сторону, которая в будущем проиграет. Напомним, что в это время по ту линию фронта им противостояли советские части.

Вот какой вывод сделала Тереза Бонни по итогам поездки на фронт:

Финские офицеры считают, что они не ведут наступательную войну, потому что американцы просили их не делать этого, и что, если бы они начали такую войну, американцы объявили бы войну Финляндии... Некоторые из финских офицеров, особенно младшие, настроены пронацистски. Они возмущены тем, что мы снабжаем Россию самолетами, оружием и амуницией. Например, тем, что иногда американские самолеты убивают финских солдат бомбами американского же производства. Это не способствует симпатиям к американцам в финской армии... Немцы теперь признают, что они не в состоянии справиться с местностью в Финляндии, и с большим уважением относятся к финским

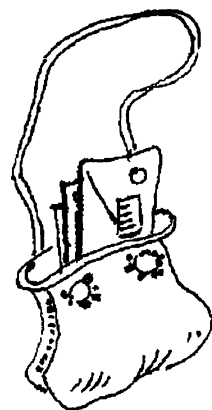
солдатам... Считается, что финны — единственные, кто может здесь эффективно сражаться... В самом Хельсинки относительно мало немецких офицеров или гражданских.

Вернувшись с фронта, Тереза Бонни встретила с президентом Финляндии Ристо Рюти. Это произошло сразу после победы Красной армии в Сталинградской битве, и разговор крутился вокруг чувствительной и актуальной для финнов темы. Теперь финны, похоже, больше всего боялись советского наступления. В меморандуме Мэнсфилда сказано:

Мисс Бонни встретила в Хельсинки с президентом Рюти и затронула тему сепаратного мира с Россией. Рюти уверен, что время для такого мира еще не наступило... Финны не верят, что Британия или Соединенные Штаты достаточно близки к русским, чтобы иметь возможность договориться о таком мире. Что еще важнее, они чувствуют, что даже если бы такой мир был достигнут путем переговоров, ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не могли бы гарантировать, что Россия в какой-то момент снова не захватит Финляндию...

Однако в парламенте существует сильная оппозиционная группа, которая считает, что Финляндия, теперь уже вернувшаяся в восточную часть Карелии, больше не ведет оборонительную войну. Мисс Бонни долго разговаривала с представителями этой группы. Она также встречалась с Таннером, выдающимся парламентарием, по поводу сепаратного мира. Он подтвердил, что постоянные слухи о сепаратном мире, исходящие от британских пропагандистов, были большой ошибкой, они подталкивали Финляндию в руки немцев, а те... оказывали давление на Финляндию, чтобы она разорвала любые связи с Объединенными Нациями (в тогдашней терминологии — с союзниками по антигитлеровской коалиции. — А. К.).

Не будем преувеличивать итоги разведывательной миссии журналистки, но определенный вклад в изучение политической и военной ситуации в Финляндии зимой 1942—1943 годов Тереза Бонни, безусловно, внесла.

2 сентября 1944 года ставший вместо Рюти президентом страны Маннергейм сообщил Гитлеру, что Финляндия выходит из войны. 4 сентября были прекращены боевые действия по всему фронту соприкосновения советских и финских войск.

Фотокамера как часть души

Тереза Бонни после войны немало поездила по Европе уже просто как журналист. Во всяком случае, нет данных, что впоследствии она была как-то связана с УСС. Особое внимание она уделяла последствиям войны для гражданского населения. Фотографии детей, сделанные ею в это время, сложились в большую выставку, а затем в прекрасно иллюстрированную книгу «Дети Европы».

До конца жизни — а умерла она в январе 1978 года в возрасте 83 лет — Тереза Бонни не выпускала из рук любимый «Pentax», утверждая, что фотокамера — это продолжение ее тела и души...

Как «Домохозяйка» решала судьбы диверсантов

Провокатор — не оскорбление, а профессия

Все совпадало: черные южные, наверное, жесткие усы, загорелое, с желтизной, лицо, родинки на щеке и подбородке. На вид этому «мачо» — лет 25–26. Да, это тот, о ком ей рассказывали во время инструктажа. Испанец, гражданин Бельгии. Он сидел за столиком в ливерпульском кафе и ел пудинг, просматривая свежий выпуск «Ньюс кроникл». Звали его Хосе Тинчан. Он только что завершил обучение в диверсионной спецшколе, входящей в структуру британского

Управления специальных операций (SOE). Основными задачами этой организации были шпионаж и диверсии на оккупированной гитлеровцами территории. Хосе Тинчан был в числе лучших курсантов, но пока в статусе стажера. Шел декабрь 1942 года.

Красивая, ладно сложенная, элегантно одетая молодая блондинка с легкой улыбкой направилась в сторону своей будущей жертвы. Он на секунду опешил, когда она обратилась к нему даже не по имени, а по кодовому псевдониму, присвоенному в школе диверсантов:

— Здравствуйте, господин «Тас». Вы ведь господин «Тас», я не ошиблась?

Хосе заулыбался женщине, привстал, но при этом лихорадочно соображал: он ведь ждет связника, но тот должен быть высоким голубоглазым блондином. Шли тренировки перед заброской в Европу, будущие борцы с нацистами отработывали методику контактов. И вот вдруг — хорошенькая блондинка. Почему она назвала его по псевдониму?

— Мне посоветовал связаться с вами... — Блондинка назвала кодовое имя его куратора по школе. — Я французская журналистка Кристина Коллар. Пишу для журнала «Домохозяйка».

Женщина вынула из сумочки пресс-карту и показала ее Хосе. Корреспондент журнала «Домохозяйка» — гласила надпись рядом с фотографией. Выпускник диверсионной школы только и смог, что пробормотать:

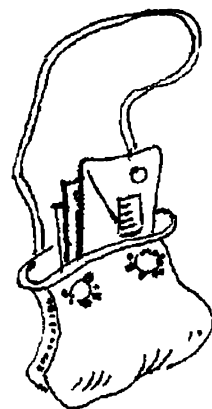
— Прошу вас, садитесь. Что вам заказать?

— Не удивляйтесь, — оживленно проворковала блондинка, пригубив красное испанское вино. — Журнал «Домохозяйка» во время войны публикует не только кулинарные рецепты и советы по воспитанию детей, но и серьезные материалы. Сейчас, например, я готовлю статью о военном транспорте.

— Но я вовсе не специалист...

— О нет, меня просили, наоборот, поделиться с вами сведениями, которые у меня есть. Вам они могут пригодиться. Возможно, я помогу вам в меру моих слабых дамских сил...

Горячая кровь Хосе закипала, женщина ему нравилась. Недоверие ушло. Они провели весь день вместе — посидели

в кафе, гуляли под легким снегопадом, побывали в кино и посетили дорогой ресторан, поскольку Хосе решил угостить даму великолепным ужином.

На следующий день начальство прочитало отчет блондинки о встрече с Хосе. Там особо отмечалось, что они не спали вместе, но задание тем не менее было выполнено: желавший понравиться даме кавалер за один вечер выдал множество секретных сведений, в том числе назвал фамилии своих преподавателей и сокурсников. Словом, продемонстрировал свою профнепригодность к нелегальной работе.

Блондинка, разумеется, была никакой не журналисткой, а высококвалифицированным секретным агентом SOE, можно сказать, штатным провокатором. Звали ее Мари Кристин Чилвер, и было у нее кодовое имя «Фифи». Словоохотливый Хосе, чья шпионско-диверсионная карьера на этом закончилась, даже не начавшись, стал не первой ее жертвой. Его признали негодным для оперативной работы и назначили на канцелярскую должность. Вдвойне обидно — даже не переспал с «Фифи», сломавшей его карьеру.

«Змеиная трава»

Хотя ее псевдоним был фривольным и кокетливым, человеком «Фифи» была серьезным. Уинстон Черчилль поставил перед руководством SOE задачу: люди с длинными языками, которые могут создать угрозу своим же секретным миссиям, не должны допускаться до работы, какими бы выдающимися ни были бы их иные достоинства. Ради этого был организован особый отдел, в работе которого важная роль была отведена Мари Кристин Чилвер, говорившей на нескольких европейских языках, хорошо образованной и имевшей привлекательную внешность.

Долгие годы ее личное дело было засекречено, и лишь недавно часть документов о ее работе в годы войны обнаружил Национальный архив Великобритании. Дочь англичанина и латышки, Мари Кристин Чилвер родилась в Англии,

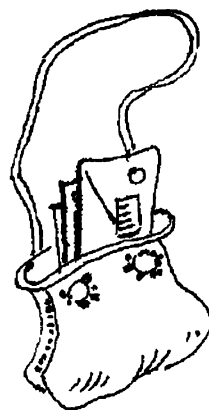
но выросла в Латвии, где училась в немецкой школе в Риге. Впервые она попала в поле зрения Управления специальных операций в 1941 году.

Когда началась война, Чилвер училась в Сорбонне и после оккупации французской столицы оказалась в концлагере. Там она познакомилась с другим заключенным, сбитым над Францией британским летчиком капитаном Симпсоном. Режим в лагере был, видимо, не самый строгий; во всяком случае, они смогли вместе бежать. Правда, Симпсон при этом заподозрил в ней немецкого агента и едва ее не убил, но Чилвер каким-то образом удалось убедить его в том, что он ошибается. После этого они вдвоем на рыбацком судне добрались до Англии. Там за Чилвер взялись британские спецслужбы, опять-таки подозревая, что она работает на нацистов. Но когда стало ясно, что она именно та, за кого себя выдает, ее пригласили в штат SOE. Так Мари Кристин Чилвер стала «Фифи».

Ее функция агента-provokatora была известна только трем сотрудникам SOE. Агенты-стажеры разъезжались на 96-часовые учебные задания по всей Британии, и Чилвер следовала по тем же адресам. Не всегда ей приходилось иметь дело с красавцами вроде Хосе. Один из стажеров в ориентировке был описан как имеющий «неровные передние зубы, большие ноги... носящий с собой под мышкой роман издательства «Пингвин»». Не очень лестно, за исключением, пожалуй, романа.

У нее выработался собственный стиль. Она всегда начинала тест-операцию так: подходила к курсанту или стажеру и говорила: «Вы случайно не господин X?», называя его кодовое имя, и после утвердительного ответа произносила: «О! Думаю, что могу помочь вам в вашей работе; возможно, вы ищете кого-то». Неожиданность, не совсем понятное «возможно, вы ищете кого-то», пресс-карта и журналистская легенда часто сбивали стажеров с толку.

Чилвер была женщиной не только смелой, но и остроумной. Это отражалось в ее отчетах. Так, в одном из них она описала отель, в который ее поселили, как состоящий из «плюшевых занавесок, запаха жареной рыбы и аспиди-

стры». Аспидистра — это декоративное растение, горшочки с которым в те годы заполнили английские офисы и отели; в просторечии ее называли «змеиной травой».

После войны Мари Кристин Чилвер получила ученую степень по французской филологии в Лондонском университете, работала переводчиком.

Спецоперации в эфире

Тревога после вахты

Он слушал по радио сентиментальную песню о некоей Эрике, вереске и пчелках и вспоминал свою семью, оставшуюся в Гамбурге: жену и троих детей. Здесь, в Норвегии, в панцире подводной лодки, пришвартованной к пирсу, матрос Курт почти не чувствовал себя на войне. Просто работа у него такая, а называется она «война»... Он уже было засыпал после вахты, но прозвучавшая по радио новость заставила встрепенуться. Он сел на койке, стал вслушиваться. Хрипловатый голос поведал:

— Доблестные врачи Германии делают все возможное, чтобы побороть вспышку дифтерии среди немецких детей. Медики пытаются сдержать расползание эпидемии по территории страны...

Курт почувствовал, что сон пропал, в душе вселилась тревога за детей и жену.

Именно такого эффекта добивался глава радиостанции Денис Сефтон Делмер. Стоя на подиуме в зале совещаний, он осыпал сотрудников идеями:

— Вы, дружище Ханс, готовите сюжет о том, что иностранные рабочие в последнее время все чаще спят с женами немецких солдат, ушедших на войну... А вам, Отто, поручаю рассказ о бомбардировках Берлина. Пусть в наших выпусках цифры впечатляют слушателей и вгоняют их в депрессию. Называйте побольше улиц, не скупитесь... А вот вас, Карл,

попрошу подготовить материал о дефиците... скажем, текстильных изделий в Германии. Между выпусками новостей даем романтическую немецкую музыку. И обязательно джаз, запрещенный в рейхе. Не забывайте: мы с вами — оппозиционная немецкая радиостанция... Вопросы есть?

Обычно вопросов никто не задавал. Всем были понятны правила и главная цель их работы: сеять неуверенность в умах немцев.

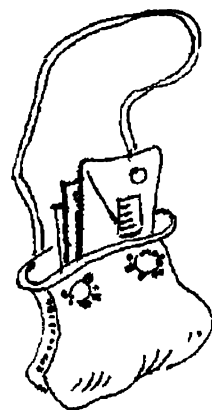
Цинизм и ложь пропаганды Геббельса находили в работе этой радиостанции свое зеркальное отражение. Фальшивая немецкая (а на самом деле английская и вещавшая с территории Великобритании) радиостанция носила название «Густав Зигфрид Эйнс». Если другие радиостанции просто передавали свои сообщения на вражескую территорию, то «Густав Зигфрид Эйнс» маскировалась под рупор нацистов, вещающий немцам из родимых мест. Но это были, так сказать, «правильные» нацисты — оппозиционные тем, которые находятся у власти.

Работа этого поставщика фальшивых новостей, подрывавших моральный дух противника, тесно связана с неординарной личностью ее руководителя Дениса Сефтона Делмера.

Отношения с Гитлером:
от интереса к ненависти

Делмер родился в Берлине и там же учился в гимназии, но числился британским подданным, так как его родители были родом из Австралии, и по сей день входящей в Британское Содружество. Его отец был профессором английской литературы в Берлинском университете и автором учебника для немецких школ.

В 1917 году семья Делмеров была репатриирована в Англию, и Денис продолжил образование в Лондоне, в школе Святого Павла. Затем учился в оксфордском Линкольн-колледже на филологическом факультете, а получив университетский диплом, некоторое время работал журналистом-

фрилансером, пока наконец его не взяли в штат редакции газеты «Дейли экспресс».

Хорошо знающий немецкие реалии (а немецкий язык был для него родным наравне с английским), он часто бывал в командировках в Германии, свел там знакомство с одним из лидеров нацистов, главой коричневорубашечников Эрнстом Рёмом и, благодаря его содействию, стал первым британским журналистом, взявшим интервью у Адольфа Гитлера. Это произошло в 1930 году, за три года его прихода к власти. Позже Делмер несколько раз сопровождал Гитлера в предвыборных поездках. Он настолько обаял Гитлера, так ему нравился, что тот пригласил его в ночь на 27 февраля 1933 года вместе осмотреть тлеющие останки Рейхстага. После войны Делмер вспоминал, как Гитлер сказал ему: «Дай Бог, чтобы это было делом коммунистов. Вы стали свидетелем начала великой новой эпохи в немецкой истории, герр Делмер. Этот огонь — ее начало».

В 1933 году Делмер перешел во французское бюро «Дейли экспресс» и уже в качестве его сотрудника освещал Гражданскую войну в Испании и вторжение Германии в Польшу в 1939 году. С началом Второй мировой войны Делмер вернулся в Англию и начал работать на Би-би-си.

19 июля 1940 года — уже после того, как немцы разгромили Францию и Польшу, захватили пол-Европы и заставили английские войска в Европе спешно эвакуироваться на Британские острова, — в речи, произнесенной в Рейхстаге, Гитлер предложил Великобритании заключить унижительный для нее мир:

Из Лондона я сейчас слышу крик — это крик не народных масс, а, скорее, политиков — что война должна быть продолжена... поверьте, я чувствую внутреннее отвращение к подобного рода бессовестным парламентариям, разрушителям народов и стран... У меня никогда не было намерений воевать, скорее, я стремился построить новое государство самого высокого уровня. Каждый год этой войны отвлекает меня от этой работы...

Господин Черчилль вновь заявил, что он хочет войны... В этот час я считаю своим долгом направить еще одно обращение

Англии. Я верю, что могу сделать это, потому как я не прошу что-либо как побежденный, а как победитель, выступая от имени разума. Я не вижу веских причин для продолжения этой войны.

Би-би-си устами Делмера ответило фюреру:

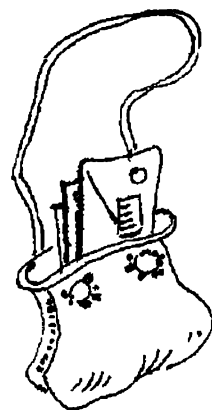
Господин Гитлер, вы в прошлом иногда консультировались со мной относительно настроений британской публики. Позвольте мне еще раз оказать вашему превосходительству эту маленькую услугу. Позвольте мне рассказать вам, что мы здесь, в Британии, думаем об этом вашем обращении... Господин фюрер и рейхсканцлер, мы швыряем ваше обращение прямо в вашу зловонную пасть!

Делмер не выбирал слов, ни по-немецки, ни по-английски. Это вскоре станет его фирменным стилем: грубо, жестко, но по делу.

Горячие блюда от «шеф-повара»

Он был известен в Великобритании и Европе как успешный журналист. И, разумеется, только единицы знали, что Денис Сефтон Делмер — сотрудник МИ-5. Предложение совмещать работу в «Дейли экспресс» со службой в Управлении специальных операций Делмер получил в 1940 году. Переход на Би-би-си также не обошелся без участия МИ-5. Журналистская деятельность служила ему хорошим прикрытием и давала возможность общаться с людьми высокого ранга.

С началом войны шеф Делмера, Леонард Ингрэмс, отвечавший в МИ-5 за пропаганду и контрпропаганду, поручил ему составить концепцию радиостанции, которая будет вести подрывную работу среди населения Германии. Вскоре Делмер положил ему на стол свои предложения. В его служебной записке среди прочего говорилось:

Мы должны говорить с ним (с немецким слушателем. — А. К.) о фюрере, немецком отечестве и подобных вещах и одновременно закладывать в его мозг факты, которые побудят его думать и, по возможности, действовать так, чтобы его действия представляли угрозу военным усилиям Гитлера.

Коротковолновая станция «Густав Зигфрид Эйнс», дебют которой в эфире состоялся вечером 23 мая 1941 года, стала первым детищем Делмера. Вещание велось из поселка Эспли-Гайз (графство Бедфордшир).

Радиостанция всячески подрывала авторитет Гитлера и НСДАП, маскируясь при этом под ярого сторонника нацизма. В эфире звучали два голоса; главным в этом дуэте был человек, которого слушателям представляли как «шеф-повара». В качестве «шеф-повара» выступал бывший берлинский журналист Питер Заклеман, ему ассистировал Йоханнес Рейнхольц. Манера говорить, по задумке Делмера, у «шеф-повара» была простой, грубоватой, понятной солдатской массе. Ему нужно было всячески демонстрировать уверенность в том, что он владеет подлинной информацией.

Заклеман играл роль эдакого «своего парня», которому есть что рассказать. Широко использовались разведданные, сплетни, цитаты из писем немецких солдат, перехваченные в нейтральных странах (впрочем, если настоящих цитат не хватало, их сочиняли сами). Все звучало вполне достоверно. И вносило смуту в головы немецких слушателей — как тому простому матросу и отцу семейства Курту, обеспокоившемуся вспышкой дифтерии среди немецких детей. Немецкие солдаты, воевавшие в Западной Европе, были уверены, что слушают германских оппозиционеров, вещавших, предположительно, из Франции.

Разумеется, о прямом эфире речи быть не могло. Все передачи предварительно записывались. Делмер тщательно прослушивал запись и давал добро на выпуск ее в эфир. Работать приходилось тонко, все время следя за тем, чтобы с полуправдой или полной дезинформацией была смешана в верной пропорции правдивая информация. И сочувствовать

«соотечественникам», если приходилось сообщать что-то для них нерадостное.

Например, утром 13 сентября 1941 года «шеф-повар» после обязательного «хайль Гитлер!» поведал печальную историю о том, как в нижнебаварском муниципалитете Шварцах двести эсэсовцев ворвались на территорию местного монастыря. Настоятелю, рассказал «шеф-повар», поставили ультиматум: или оплачиваешь долг в 27 тысяч марок (кому — непонятно, да и неважно), или убираешься вон со своими монахами, а монастырь перейдет для нужд гестапо. Монахам пришлось срочно покинуть обитель.

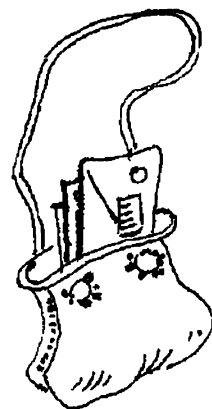
Но это было еще не все. «Шеф-повар» продолжал свой рассказ:

Отец Винниболд был арестован, и больше его никто не видел. Из монастыря был сделан бордель для эсэсовцев. Теперь скоты, захватившие монастырь, изгаляются над предметами, священными для миллионов немцев на протяжении многих веков. Священные облачения используются в качестве простыней... Им нравится заходить в часовню и пить там ликер из священных чаш, а что они вытворяют после...

Как же честные немецкие солдаты могут сражаться и рисковать своей жизнью в кровавой битве в то время, когда эти богохульники у них дома захватывают одну святую обитель за другой для своих грязных целей!

Это Густав Зигфрид Эйнс. Вы слушали «шеф-повара». Мы повторяем наши выпуски всегда за семь минут до сигнала точного времени.

Фантазия журналистов из команды Делмера не имела границ. Стоило им только выдумать какой-то факт, как он сразу обрастал яркими и часто пикантными деталями. Немецкие солдаты видели в «Густаве Зигфриде Эйнсе» альтернативный официозу источник информации и поэтому — уж такова человеческая природа — были склонны ему верить.

«Солдатское радио»

Следующим проектом Делмера в марте 1943 года стал «Исследовательский отдел G. 9», который в ноябре того же года превратился в радиостанцию «Атлантик». Главной задачей и отдела, и станции было снижать боевой дух немецких экипажей подводных лодок, действовавших в Северной Атлантике, а чуть позже — офицеров и солдат люфтваффе. Передачи здесь перемежались легкой музыкой и сводками вполне реальных спортивных новостей.

С 14 ноября 1943 года «Атлантик» начал вещать с помощью самого мощного в Европе средневолнового передатчика, который пробивался сквозь все немецкие глушилки. После ввода в действие этого передатчика Делмер направил начальству рапорт, где, в частности, говорилось:

Би-би-си вещает в Германию, справедливо ограничиваясь прямыми новостями, главным образом, о военных и стратегических событиях и комментариями по ним. Они воздерживаются от агитации против режима, поскольку такая агитация со стороны открыто вражеской Би-би-си будет неэффективной... Поэтому необходимо усиление действия наших каналов в Германии...

Немецкие солдаты на Сицилии (здесь Делмер имеет в виду сведения, полученные от пленных. — А. К.) регулярно включали «Атлантик» в палатке для отдыха. Если офицер входил в комнату во время выпуска новостей «Атлантика», он мог легко принять его за официальную немецкую станцию, однако если офицер узнавал правду, то слушатель мог заявить: он искренне был убежден, что это немецкая станция.

После высадки союзников во Франции радиостанция «Атлантик» была переименована в «Солдатское радио на Западе».

Делмер расширял круг вещателей, создавал новые станции для разных целевых аудиторий. 24 октября 1943 года начало вещать «Солдатское радио Кале». Чтобы привлечь аудиторию к новой псевдонемецкой радиостанции, Делмер дал команду давать в эфир побольше джаза, который был

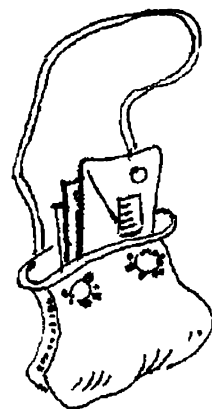
под запретом в рейхе. Слушатели были уверены, что для воюющих на фронтах делается исключение и запрещенная для тыла музыка — это подарок радиостанции вермахта, которая работает, как они считали, во Франции. Тем более что тон радиопередач был патриотическим, о немецких войсках говорилось «наши», англичане и американцы назывались «противником», а налеты английской авиации на немецкие города порицались как террор против мирных жителей. Тут же, однако, сообщались интимные подробности из жизни генералов и бонз НДСП, которые придумывались тут же, на радиостанции.

«Солдатское радио Кале» вело передачи в той же стилистике, которую разработал Делмер для «Густава Зигфрида Эйнса»: смесь развязности и доверительности. Главной его целью было сеять недоверие к руководству национал-социалистической партии. Но о происходящем на фронтах сообщалось по возможности точно, что повышало доверие фронтовиков к «Радио Кале».

Главный пропагандист Третьего рейха Йозеф Геббельс записал 28 ноября 1943 года в дневнике:

Большую озабоченность вызвало у нас вечером так называемое «Солдатское радио Кале» — явно дело рук англичан. Оно очень искусно ведет пропаганду.

Делмер ловко подмешивал к правдивой информации искусно сфабрикованную дезинформацию. Взять, например, такое сообщение «Солдатского радио Кале»: «Части, которые проявят высокую боеспособность, будут переведены на Восточный фронт». Немецкие солдаты, мирно гуляющие по улочкам оккупированного Парижа, вряд ли радовались такой перспективе.

Радиостанция регулярно сообщала о разрушениях и жертвах в результате бомбардировок немецких городов. Как правило, эти сообщения были правдивы. Но при этом слушателям постоянно напоминалось, что каждый солдат имеет право на отпуск от 10 до 20 дней, если его семья пострадала в результате бомбежки. Делмер считал, что чем больше воен-

нослужащих воспользуется этим правом, тем сильнее будет деморализующее воздействие на их товарищей. Он, безусловно, был гроссмейстером в своем деле.

На «Солдатском радио Кале», как и на «Густаве Зигфриде Эйнсе», работали военнопленные немцы и беженцы из Германии. Среди них были не просто носители немецкого языка, говорившие на нескольких диалектах, но и талантливые публицисты, сделавшие карьеру после войны. Например, Отто Йон стал первым президентом Федеральной службы защиты Конституции Германии, а Карл-Теодор цу Гуттенберг — парламентским статс-секретарем.

Подложные письма

Вот что вспоминал Делмер в послевоенных мемуарах:

К нашему счастью, у администраторов немецких военных госпиталей была привычка посылать местным партийным органам в Германии незашифрованные радиограммы, в которых они просили сообщить родственникам умерших солдат печальную весть. Эти послания перехватывались и поступали ко мне. Они давали нам всю необходимую информацию: имя солдата, адрес его родных и номер военного госпиталя.

После этого мы сочиняли письмо и печатали его на листе с «шапкой» соответствующего военного госпиталя. Это письмо якобы было написано медицинской сестрой или товарищем умершего, который передал его кому-то, кто ехал в отпуск в Германию. Автор письма сообщал, что он (или она) до самого конца оставался рядом с покойным и теперь хочет написать его родным несколько слов утешения.

Затем этот «друг» в трогательных выражениях сообщал о верности умирающего солдата фюреру и его непоколебимой вере в окончательную победу Германии. И словно между прочим упоминал о часах с бриллиантами, золотом кресте или каком-то другом ценном предмете, который покойный солдат хранил, чтобы привезти своим близким в подарок, и который теперь переслан

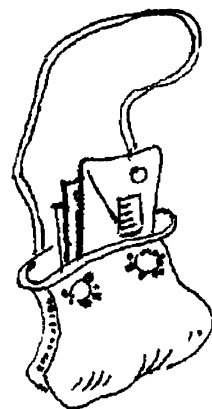
господину ортсгруппенляйтеру (речь идет о главе первичной парторганизации НСДАП. — А. К.), чтобы он лично вручил его семье погибшего; имя ортсгруппенляйтера также указывалось.

Это письмо, по возможности, отправлялось родственникам погибшего. Когда проходило время и мы могли предполагать, что оно дошло до адресата, солдатская радиостанция принималась за дело. Зепп Обермайер или кто-то другой из наших дикторов немецкой службы возмущенно бичевал «жалкого мародера, который не постыдился обокрасть человека, пожертвовавшего жизнью ради отечества». Эту комбинацию мы проворачивали раз за разом, подорвав при этом репутацию многих нацистов.

Используя ту же самую технологию, сообщали родственникам умерших в госпиталях солдат, что те скончались не от ранений, а от «шприца смерти». При этом в эфире цитировалось письмо вымышленной медсестры, которая признается кому-то, что отправила на тот свет раненого, который уже не будет никогда боеспособным, потому что свободных кроватей в госпитале не хватало.

Показателен пример с полковником Вернером Мельдерсом, знаменитым асом люфтваффе, который погиб, будучи по ошибке сбит своими же неподалеку от Бреслау. От попавшего в плен немецкого офицера британская контрразведка узнала и передала Делмеру данные о воззрениях Мельдерса. Оказалось, что незадолго до гибели он, благочестивый католик, начал открыто критиковать национал-социалистический режим. Его возмутило то, что решено было конфисковать монастырь в Мюнстере и выселить оттуда монахинь; среди них оказалась сестра Мельдерса. Уже после гибели Мельдерса СД (служба безопасности СС — SD от Sicherheitsdienst) начала расследование его «изменнических происков». Делмер вспоминал:

Я твердо решил использовать этот инцидент. В эфире радиостанции «Густав Зигфрид Эйнс» «шеф-повар» сказал пламенную речь, в которой обвинил «большевистских мерзавцев Гиммлера» в том, что они трусливо убили этот светлый образец немецкой мужественности.

Затем я приказал составить якобы написанное Мёльдерсом письмо, в котором он высказывал волнуемое его и его товарищей сомнение, могут ли они сражаться за атеиста Гитлера...

Адресатом этого письма мы выбрали настоятеля католического собора Штеттина... Содержание «письма Мёльдерса», как его скоро стали называть по всей Германии, было сугубо пораженческим.

Мёльдерс, полный скорби, сообщал священнику, как все больше его товарищей гибнет бессмысленной смертью. Письмо, по сути, было бунтарским. Оно было направлено против нацистской партии, представителей которой Мёльдерс называл «безбожниками». Он писал, что все больше его товарищей в люфтваффе отворачивается от «безбожников» и обращается к религии.

Григорианское пение как позывные

В распоряжении Делмера среди прочих была передача «Христос-царь», выходившая в эфир пять или шесть дней в неделю и рассчитанная прежде всего на немцев-католиков. Ее целью было вбивать клин между ними (католиков в Германии насчитывалось в те годы немало — около 40 миллионов) и нацистами. Делалось все, чтобы противопоставить Христа Гитлеру, подчеркнуть контраст между идеей христианской благотворительности и эгоистичной концепцией нацистского «народного сообщества». Кроме того, ставилась задача провоцировать сепаратистские настроения у католиков на юге Германии и особенно в Австрии, для чего в качестве ведущего был специально подобран священник с ярко выраженным южногерманским прононсом.

Каждая программа начиналась с так называемого григорианского пения, которое стало позывными передачи. Потом следовала короткая цитата из Библии и проповедь.

Вот цитата из проповеди от 3 марта 1943 года:

Мои дорогие католики. Пока я говорю здесь, в детской клинике Венского университета хладнокровно убивают грудничков —

жертв так называемого научного эксперимента. Этим маленьким, ни в чем не повинным человеческим существам, которые не в состоянии обратиться за помощью к своим матерям, суждено умереть, чтобы удовлетворить стремление к знаниям и научные амбиции двух молодых врачей; эти бедные существа обречены голодать, пока не умрут.

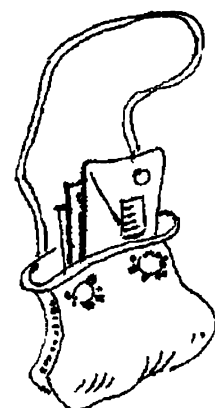

Мы знаем, что нацисты творили и не такое. Но это была чистой воды фальсификация. Чтобы подорвать боевой дух немцев, вселить в них тревогу, раздражение, нервозность приходилось идти и на это. На войне как на войне.

Как «гадалка» предсказала бомбардировку Хиросимы

Проект «Черная почта»

Похожие приемы и методики применялись на американских радиостанциях, вещавших из Китая на союзницу Гитлера — Японию. Радиозвездой на этом направлении была Элизабет Макинтош.

Элизабет Макинтош прожила долгую жизнь — ровно век. В этой жизни было много интересного, но самый яркий период пришелся на годы Второй мировой войны, когда ее, 32-летнюю, занимавшуюся рекламным бизнесом и журналистикой, пригласили на работу в УСС. Отчасти этому поспособствовал ее отец, давно связанный с американскими спецслужбами. Элизабет говорила по-японски, изучала историю Японии и даже до войны намеревалась уехать туда жить, а УСС понадобился человек на «японском направлении», имеющий опыт работы в журналистике. Ей предстояло стать мастером «боевых фальсификаций».

В июле 1944 года Элизабет прибыла в Дели. Напомним, что Индия в это время была британской колонией и сюда доставлялись пленные японцы. С их помощью Элизабет не-

которое время изучала особенности стилистики и лексики писем японских солдат. Дело в том, что американцам удалось захватить несколько сотен писем, отправленных японскими солдатами из действующей армии. Причем эти письма уже прошли японскую цензуру, то есть ничто уже не мешало им попасть к адресатам. Специалисты подразделения, в котором служила Макинтош, с помощью специальных средств удаляли часть текста, а на ее долю досталось, по возможности сохраняя почерк авторов, вписывать на освободившееся место новые иероглифы.

В результате такого вмешательства письма рисовали мрачные картины: они были наполнены упреками к властям и жалобами на отсутствие на фронте провианта, нормальной одежды и обуви. Подавленные японские солдаты рассказывали своим родным о «голоде в джунглях» и «воровстве начальников», а иногда в письма вставлялись сообщения примерно такого содержания: солдат встретил девушку в Бирме, поэтому решил дезертировать и не вернется домой.

После этого оставалось только вернуть письма в японскую почту, с чем американцы через свою агентурную сеть в Японии весьма успешно справлялись, и они доходили до адресатов.

Но что немудреные солдатские письма! В феврале 1945 года Элизабет и ее коллеги сфабриковали приказ японского высшего командования. Было учтено все — даже то, на бумаге какой фактуры, плотности и с каким процентным содержанием целлюлозы издавались приказы японской императорской ставки. Если настоящий приказ предписывал солдатам и офицерам сражаться до последней капли крови, то документ, созданный в недрах спецподразделения УСС, разрешил японским военнослужащим ради сохранения своей жизни в сложных ситуациях сдаваться.

Поддельный приказ был переправлен в Бирму, где американский агент доставил его в штаб-квартиру военной полиции, сообщив, что нашел документ в разбитой машине. Конечно, ему могли не поверить. Но еще одну копию того же приказа удалось передать в штаб японского пехотного полка. Агент УСС сумел перехватить в джунглях японского

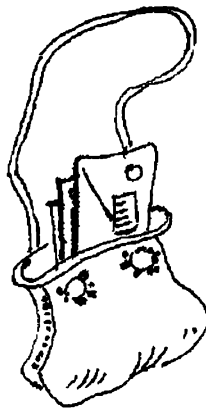
курьера и, убив его, вложил фальшивый приказ в его рюкзак. Обнаружив мертвого курьера, японцы сочли документ подлинным. Рано или поздно, разумеется, они поняли, что их ввели в заблуждение, но какое-то количество американских жизней уже было спасено. Кроме того, такого рода подделки дестабилизировали обстановку в японских частях, приводили к неразберихе, сеяли среди японцев панические настроения.

Отряд 202

Летом 1945 года Элизабет Макинтош была прикомандирована к отряду 202 УСС, который действовал в Китае. В ее обязанности входило сочинять всевозможные слухи и облекать их в тексты, способные надломить моральный дух японцев. Затем эти тексты зачитывались на американских радиостанциях, ориентированных на Японию.

Среди прочих ее придумок была «гадалка», которая «предсказывала будущее» по небесным светилам в эфире одной из радиостанций. Этот прием в информационной войне, как считалось, особенно эффективно воздействовал на простых японских солдат. С «гадалкой» связана история, поразившая многих.

...В кабинет, где работала Элизабет, вошел ее начальник:

— Бетти, нам в программе нужно нечто... нечто небывалое. Чего еще не было в нашем эфире. То, что потрясет наших слушателей.

Немного подумав, Элизабет стала размышлять вслух:

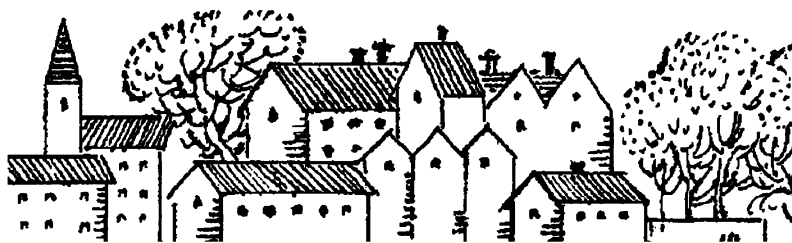
— Потрясет?.. Потрясет... А что если так: сильное землетрясение...

Начальник возразил со скептической гримасой:

— Так ведь у них постоянно случаются землетрясения... нет, не то...

— Понятно. Тогда так: сильная приливная волна.

— Нет, Бетти, опять не то.

— Хорошо, я подумаю. И придумаю. Сегодня же, — пообещала Элизабет.

Вскоре «гадалка» вышла в эфир и торжественно объявила:

— В ближайшее время с Японией произойдет нечто ужасное. Звезды говорят о том, что мы даже боимся повторить, дабы не напугать наших слушателей. Это так ужасно... Будет уничтожена целая область Японии.

В этот же день американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму.

Вот такие песни...

Не флаги, но — сердца!

Любопытен (а, возможно, и уникален) эпизод, когда одной из американских радиостанций, вещавших на Германию, в 1942 году было предложено необычное использование цитаты из богослужебного текста. Беспрецедентно и то, что предметом обсуждения в УСС была... песня, и об этом сохранились документальные свидетельства.

История такова. Жившей в США эмигрантке из Праги, психологу Маркете Моррис, было хорошо известно по собственным исследованиям, как быстро «цепляется» к человеку песня с новым текстом на старую мелодию. А тут вдруг она услышала, что объявлен конкурс на сочинение песни для будущей свободной Германии. Решение созрело сразу: Маркета и ее муж (по профессии психоаналитик) задумали взять за основу не что-нибудь, а официальный гимн Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Этот гимн иногда также называли (и называют) по первой строчке «Die Fahne hoch!» («Флаги ввысь!») и просто «Хорст Вессель», или «Песня Хорста Весселя», — по имени его автора, нацистского активиста, умершего в 1930 году после того, как он был тяжело ранен немецкими коммунистами и отказался от первой медицинской помощи, потому что врач,

к которому его доставили, оказался евреем. Гимн нацистов был, что называется, на слуху: он исполнялся на официальных мероприятиях и ежедневно звучал из всех радиоприемников в Германии.

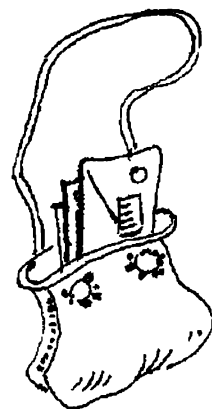
Маркета Моррис и ее супруг сочинили на музыку «Хорста Весселя» новый текст и отправили его на радиостанцию, а копию — на всякий случай в УСС. На радиостанции к этой идее отнеслись прохладно. Но им позвонил сотрудник УСС и пригласил на встречу. Поехала Маркета.

О содержании состоявшегося разговора мы можем сегодня судить по рассекреченному докладу УСС. Его автор, чье имя решили не обнародовать, отмечает, что г-жа Маркета Моррис и ее муж подошли к делу как профессиональные психологи. Он докладывает, что в беседе с ним Маркета Моррис сказала, что в немецкой системе образования с малых лет к людям обращаются, апеллируя к эмоциям, поэтому и в антинацистской пропаганде надо действовать теми же методами. Со ссылкой на Маркету Моррис в докладе говорится:

Воздействуя на немцев, нужно основываться на эмоциональном призыве, обращенном к сентиментальной и мистической стороне немецкой расы (так в тексте. — А. К). Логика здесь не годится, потому что они слишком долго путались в ловкой логике «Майн кампф». Гитлер знал, как общаться с их бессознательным, он просил их «думать кровью», и только с помощью такого подхода можно донести до них новые идеи...

Что касается гимна, то у Моррисов, в сущности, было два аргумента: музыка «Хорста Весселя» — красива, и она прочно засела в сознании немцев. Значит, стоит только наполнить ее новым смыслом, и она станет работать против нацистов. Моррисы предложили заменить «Die Fahne hoch!» («Флаги ввысь!») на «Die Herzen hoch!» («Ввысь устремим сердца!»). Это прямая цитата из текста канона католической литургии. На латыни она звучит как «Sursum corda», то есть «Воспрянем сердцами!».

Вот текст и перевод на русский язык первой строфы гимна супругов Моррисов «Ein deutsches Freiheitslied» («Немецкая

песня свободы»), который предлагалось исполнять на музыку «Хорста Весселя»:

Die Herzen hoch! Nicht Furcht mehr oder Zittern
Vor Schreckensherrschaft und vor Tyrannen.
Soll unsere Lebensfreude uns verbittern.
Auf! Dass der Mensch nah wieder glücklich sei!

Ввысь устремим сердца! Не бойся, хватит дрожать
От правления террора и тирана.
Пусть правда жизни нас возмутит.
Воспрянем! И вот человек уже снова счастлив!

Сам факт того, что сотрудник УСС общался с г-жой Моррис, говорит о серьезном отношении в американской спецслужбе к идее соединения музыки нацистского гимна с антинацистским стихотворением, содержащим отсылку к тексту церковного канона. «Ввысь устремим сердца!» — то есть обратимся к небесам, к Богу, и в этом найдем поддержку и источник силы.

Радиостанция идею Моррисов отвергла. Их сочинение оставалось засекреченным в архиве ЦРУ семьдесят с лишним лет. Почему оно не пригодилось в 1942 году? Возможный ответ — в рассекреченном документе из архива ЦРУ, короткой служебной записке, автор которой не обозначен:

Подруга миссис Моррис, которой она рассказала об этой идее, сказала, что, по ее мнению, это психологически совершенно неправильно, потому что члены партии разгневаются, услышав эту песню... а для людей, которые не были на сто процентов вместе с партией, мелодия песни Хорста Весселя может породить слишком много ужасных ассоциаций. Думаю, что такой (то есть адекватной, без страшных ассоциаций. — А. К.) может быть реакция изгнанных и преследуемых немцев, а не реакция рядового гражданина рейха.

Выходит, сотрудник УСС согласился с мнением анонимной подруги Маркеты Моррис (надо же, как серьезно подошли к делу — привлекли и подругу!). Пропаганда ориен-

тировалась в первую очередь на вермахт и граждан Третьего рейха, а не на беженцев из Германии.

Как рождественская песня раскрыла гостайну

С песней связана еще одна необычная история, случившаяся намного позже. В декабре 1980 года на последнем заседании парламента австралийского штата Виктория его депутат, г-жа Джоан Кокседж, женщина яркая и экстравагантная, речитативом произнесла текст рождественской песни. А на следующий день опубликовала этот текст под названием «Трудные факты для трудных времен» в парламентской газете, которую сама же и редактировала.

Кокседж декламировала, стоя на трибуне:

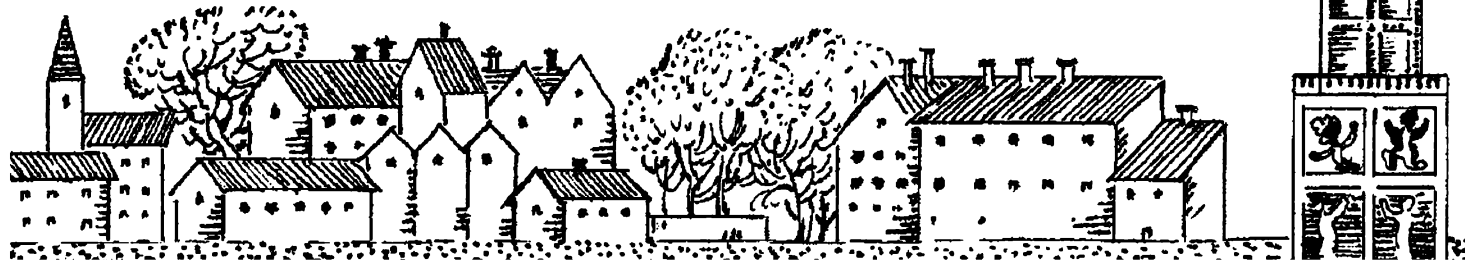
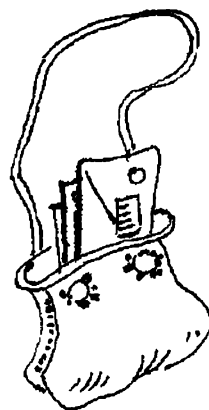
Рождество снова с нами;
Дед Мороз опять вернулся.
Богатым он дает хорошее настроение,
А бедным он приносит подарки.

Побольше всем приятных известий,
Мир всем на земле.
Дух Рождества созревает
И пока витает вокруг.

Сейчас самое время выразить мою любовь
Всем моим друзьям, независимо от того,
Как они смотрят на меня,
А я смотрю на них.

Под каждым френчем — прекрасная душа.
Стоит ли придираяться
К таким людям, как Чарли Фрэнсис Баре,
Джо Куигли или братья Гриббл?

Казалось бы, милое событие. Джоан Кокседж — парламентарий, издатель газеты, художница, спортсменка, а теперь еще, как выясняется, и поэт. Но у некоторых читателей

текст рождественской песни умиления не вызвал. Ведь Кокседж публично назвала имена трех офицеров австралийской спецслужбы (ASIO). Когда к ней предъявили претензии, она заявила с вызовом: это моя принципиальная позиция, я противник политической полиции вообще. Впрочем, главная идея Джоан Кокседж заключалась в том, что американский империализм несет миру несправедливость и войны, а австралийские спецслужбы все делают по указке американцев.

Радикализм Джоан усилился после того, как в Австралии прогремел скандал с банком «Нуган хэнд бэнк», который обанкротился в 1980 году после самоубийства одного из его основателей, адвоката Фрэнсиса Джона Нугана. Расследование показало, что банк занимался незаконной деятельностью, в которой гармонично сочетались контрабанда наркотиков, незаконные сделки с оружием и работа на ЦРУ. Чтобы привлечь внимание ко всему этому, отважная женщина и решилась на необычный предновогодний сюрприз.

ASIO решило не оставлять «рождественское выступление» Кокседж безнаказанным. Не прошло и двух недель, как в ее офис проникли неизвестные, переворошили деловые бумаги, передвинули мебель и демонстративно оставили включенным свет. Джоан не сомневалась, что это дело рук сотрудников ASIO, которым не понравились ее откровения, — таким образом, посчитала она, ее предупреждают.

После «рождественского скандала» в Австралии ускорили работу над «Актом ASIO», согласно которому раскрытие и публикация имен сотрудников спецслужбы квалифицируется как преступление. Но Джоан успела за несколько недель до вступления закона в силу опубликовать в своей газете список сотрудников ASIO.

«Акт ASIO», разумеется, приняли. Твердость, с которой Джоан Кокседж отстаивала свою позицию, заслуживает уважения, но одобрит ее действия далеко не каждый. Раскрывать имена сотрудников разведки и контрразведки страны, в которой ты живешь и которой служишь, — это предательство. И не важно, в какой форме это сделано — с помощью незатейливой рождественской песенки или в газетной передовице.

Дезинформация к размышлению

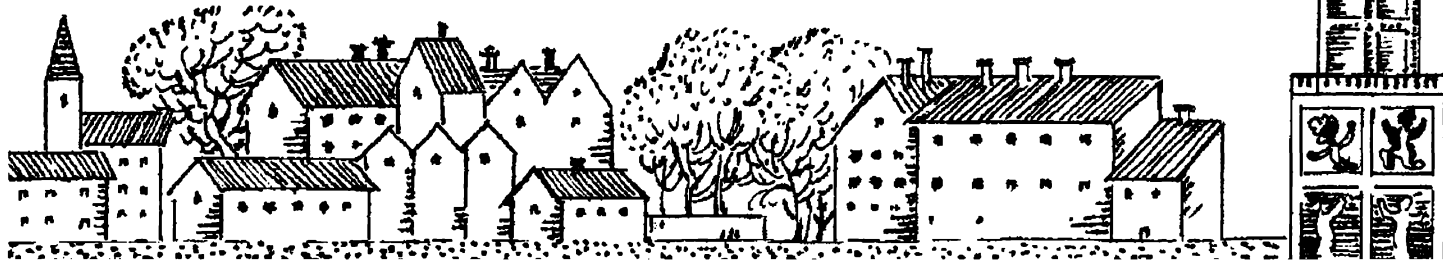
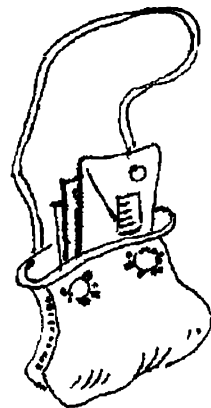
Переосмыслить наследие Нострадамуса

Когда никто в мире еще даже не догадывался о возможности изобретения интернета, а телевидение больше походило на дорогую игрушку, газеты были главным поставщиком информации. Напечатанные тексты, в отличие от услышанного по радио, воспринимались почти как документ. Поэтому спецслужбы при прочих равных предпочитали использовать в своих целях именно печатную прессу. Сфабрикованные тексты были самым действенным инструментом манипуляций людьми. Стоит ли удивляться, что особенно широко такого рода «пресса» распространилась накануне и в годы Второй мировой войны.

В дело шло все подряд, чтобы воздействовать на все группы потенциальных читателей — от интеллектуалов до домохозяек. В 1940 году астролог Карл Эрнст Крафт, работавший в Главном управлении имперской безопасности, в подразделении, где всерьез — с точки зрения практического применения — изучались всякого рода оккультные науки и искусства, получил необычное задание Геббельса. Оно заключалось в том, чтобы «переосмыслить и сделать актуальным наследие Нострадамуса» — жившего в XVI веке французского алхимика, фармацевта, философа и, как принято считать, провидца. Произошло это аккуратно тогда, когда немецкие войска вторглись в Бельгию, Голландию и Северную Францию.

Крафт подхватил идею, можно сказать, на лету, увидев свою задачу в том, чтобы акцентировать внимание читателей на четверостишии, которое указывает на неизбежную победу Третьего рейха в Европе. Прежде катрен звучал так:

Включены в состав великой Германии
Брабант и Фландрия, Гент, Брюгге и Булонь.
Ложное перемирие. Великий герцог Армении
Атакует Вену и Кельн.

Здесь и так все было почти понятно и духоподъемно. Упомянутые в первой части катрена земли уже стали частью рейха. Под ложным перемирием можно понять Мюнхенское соглашение и пакт Молотова—Риббентропа. Но вот Армения и ее великий герцог никак не вписывались в заданные рамки.

И Крафт вдруг начинает утверждать, что у Нострадамуса в оригинале нет никакой Армении, а есть Арминий. Так звали легендарного вождя германского племени херусков, который в 9 году н. э. нанес римлянам одно из самых серьезных поражений в их длинной истории. Немцы считали его национальным героем. Крафт поменял всего три буквы: Arminius вместо Armenien. Но каков эффект!

Смысл четверостишия Нострадамуса был изменен кардинально. В этом варианте катрен был опубликован в немецкой прессе, а потом в карманном издании сборника стихов Нострадамуса, весьма популярном на фронте и в тылу. И есть свидетельства, что его зачитывали воинам вермахта, дабы воодушевить их перед боем.

Газета тиражом в один экземпляр

Немецкая разведка во время войны изготовила для своих целей в одном экземпляре номер газеты «Правда». Подделка была сделана искусно: подобрали бумагу нужной плотности, типографскую краску, воспроизвели стиль верстки, использовали нужные шрифты, учли особенности клише и др. Отличалась фальшгазета от настоящей лишь одной строчкой: в текст указа о присвоении звания Героя Советского Союза воинам, отличившимся в боях, была дополнительно впечатана фамилия некоего Таврина.

«Гвардии капитан Таврин Петр Иванович» на самом деле он был немецким агентом (настоящая его фамилия — Шило). Он был заброшен в советский тыл с заданием подготовить покушение на Сталина. Грудь диверсанта украшала Золотая

Звезда Героя Советского Союза, и подложная газета с текстом указа была нужна ему для подкрепления легенды.

Но когда майор со звездой Героя на форменной гимнастерке вместе с красавицей женой, тоже агентом абвера, следовал на мотоцикле в сторону Москвы, его остановил советский патруль. Начальник патруля обратил внимание на то, что ехавшие были в абсолютно сухой форме, хотя в деревне, из которой они следовали, всю ночь шел дождь. Да и мотоцикл был слишком чист. Диверсанты были задержаны, а потом арестованы и после следствия расстреляны. Фальшивая «Правда» не помогла.

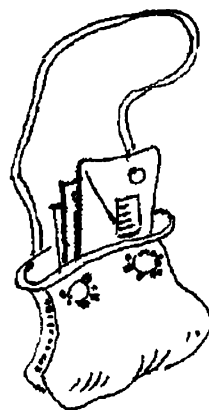

Как Гитлер укорачивал усы

Во время войны по обе стороны фронта фальшивые новости были на потоке.

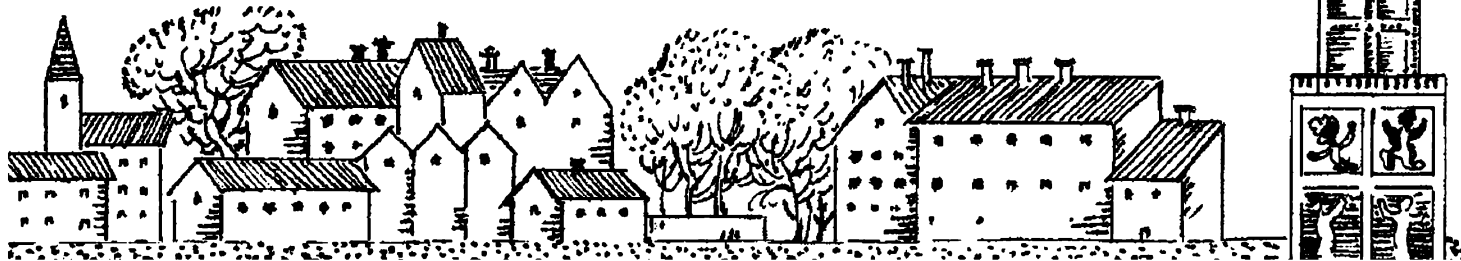
Так, Агентство зарубежных новостей (ОНА), учрежденное Еврейским телеграфным агентством и действовавшее в тесном контакте с британскими спецслужбами, на полном серьезе сообщало:

Паранойя Гитлера усиливается. Он боится, что его усы все больше и больше напоминают усы Сталина, поэтому он каждое утро делает их чуть короче, чем они были накануне.

Или вот такая новость. ОНА сообщило, что в Ла-Манш запущены 200 австралийских акул-самцов (именно самцов!), чтобы создать угрозу для немецких летчиков, которые могут быть сбиты над проливом, и моряков потопленных судов.

2 ноября 1941 года на страницах «Нью-Йорк таймс» появилось сообщение агентства «Ассошиэйтед пресс», основанное, в свою очередь, на информации ОНА, о том, что на вооружение британского флота поступила супервзрывчатка в 47 раз мощнее тротила. А в статье, опубликованной в «Таймс», корни которой также следует искать в ОНА,

сообщалось, что смерть 130-летнего бедуина-прорицателя трактуют на Ближнем Востоке как признак надвигающегося падения Гитлера.

Двойники с запахом типографской краски

Карл-Хайнц Марбах с 1940 года всю войну служил в подводном флоте вермахта. В начале 1942 года он стал командиром подлодки, а в 1944 году был награжден Рыцарским крестом Железного креста (пятая степень высшего ордена нацистской Германии). 9 мая 1945 года Марбах сдался в Норвегии англичанам и был освобожден только через три года. На свободу он вышел уже агентом Федеральной разведывательной службы Германии (БНД), с подачи которой устроился работать журналистом — у него были явные способности по этой части: лихое перо и хорошо развитое воображение. Причем способности настолько яркие, что Марбах сразу попал в поле зрения ЦРУ, где о его вербовке немецкой разведкой не знали. Впрочем, сотрудничество с БНД у него не сложилось, так как он разболтал о нем своим друзьям.

Американцев это не смутило. Вот-вот на высшем уровне должен был быть утвержден проект с кодовым названием «LCCASSOCK» — большая программа ЦРУ по распространению в средствах массовой информации поддельных материалов, предназначенных для жителей ГДР, — и они искали людей, пригодных для выполнения этой задачи. Марбах показался им подходящим человеком, и надо сказать, забегаю вперед, что они не ошиблись.

Основополагающий документ проекта «LCCASSOCK» достоин того, чтобы процитировать большой его фрагмент:

Проект «LCCASSOCK» предназначен для подготовки, печати и распространения среди отдельных восточногерманских и восточноберлинских целевых групп фальсифицированных номеров лицензированных восточногерманских изданий, таких как брошюры, листовки и наклейки. Кроме того, «LCCASSOCK»

может предоставлять разведывательную информацию, относящуюся к восточной зоне, как побочный продукт операций по дистрибуции...

Политика Соединенных Штатов Америки направлена на постепенное сокращение территории советской оккупации и освобождение людей на оккупированной Советами территории. Для достижения этой цели мирными средствами необходимо, чтобы среди людей в этих областях сформировались настроения, благоприятные целям политики Соединенных Штатов...

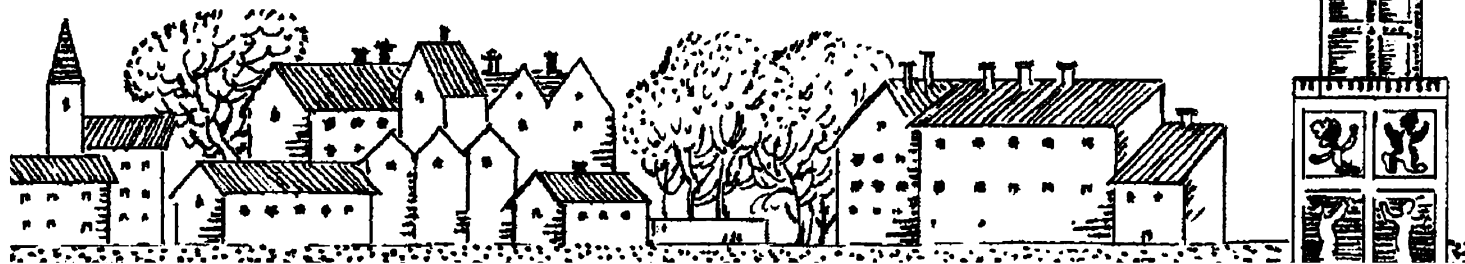
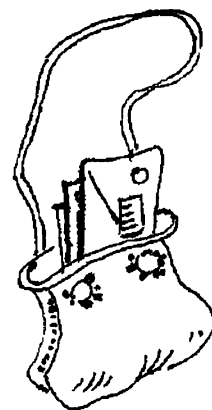
Среди средств, предназначенных для достижения этой цели, фальсификация официальных изданий Восточной Германии особенно эффективна, потому что (1) они могут доставляться в Восточную Германию и распространяться там с минимальным риском, и (2) содержание этих изданий может быть нацелено, если это необходимо, на конкретные группы лиц в советской зоне, которые обычно недоступны для западной пропаганды...

Расходы на производство и распространение в Восточном Берлине и Восточной Германии фальсифицированных выпусков восточногерманских журналов составляют не более 60 тысяч долларов США в год...

Все публикации, которые до сих пор были сделаны в рамках «LCCASSOCK», показали, что... принцип точного дублирования формата и стиля восточногерманских изданий делает издания «LCCASSOCK» достаточно привлекательными для читателей даже после того, как раскроется истинный характер их происхождения...

Далее говорится о штате редакции:

Сотрудники штаб-квартиры «LCCASSOCK» находятся в Западном Берлине. Их штат меняется время от времени в зависимости от рабочей нагрузки. В настоящее время он состоит из основного агента (то есть Марбаха, имя которого в документе не фигурирует, видимо, по соображениям безопасности. — А. К.), двух редакторов, специалиста по безопасности, помощника по административным делам, двух секретарей и сотрудника, который отвечает за сохранность продукции. Основной агент и два

редактора, которые пишут или переписывают материалы для распространения, имеют журналистскую подготовку и личный опыт работы в условиях Восточной зоны.

В дополнение к постоянному персоналу штаб-квартиры есть также внештатные журналисты, обладающие специальными знаниями о различных аспектах жизни в Восточной зоне, они работают на нерегулярной основе...

Общее число распространителей «LCCASSOCK» в настоящее время составляет около 100. Приблизительно 50% выпущенной «LCCASSOCK» продукции распределяется через собственные сети проекта в Восточной Германии. Остальная продукция распространяется среди беженцев, членов молодежных организаций и профсоюзов и т. д.

Прикрытие: в качестве прикрытия источника финансирования проекта используются несколько состоятельных немцев, которые прежде служили в немецком флоте. Эти люди — в случае если будет сделан запрос относительно источника средств, — готовы подтвердить, что они поддерживали и продолжают поддерживать деятельность «LCCASSOCK».

В Берлине был оборудован небольшой офис, где, кроме Марбаха, трудился творческий костяк его группы: Отто Хесс, Хайнц Герхард Швиннинг, Эрнст Фишер-Ботоф и Эрих Любиц. Со всеми ЦРУ заключило устный договор — как и с «основным агентом» Марбахом.

Из документа ЦРУ «Условия устного договора с Карлом-Хайнцем Марбахом»:

1. В соответствии с условиями проекта «LCCASSOCK», CADRIER (псевдоним Марбаха в ЦРУ. — *А. К.*) был нанят по устному контракту на неопределенный период времени. Дата вступления в силу первоначального соглашения — май 1952 года.

2. До дальнейшего уведомления сумма в 1000 DM (это немного больше, если считать по официальному курсу, средней зарплаты в США в то время, но значительно больше, чем получали немцы. — *Ред.*) должна выплачиваться субъекту каждый месяц. Оплата производится в рамках расходов по проекту и учитывается в них.

3. В соответствии с этим устным соглашением субъект не имеет права на ежегодные пособия по болезни или отпуск по болезни, компенсацию по нетрудоспособности или другие права, а также его иждивенцы не имеют права на получение пособия в случае его смерти.

4. Субъекту и его семье, а также четырем сотрудникам проекта обещана помощь в случае необходимости побега.

5. Действие настоящего соглашения может быть прекращено после устного уведомления любой из сторон через три месяца после уведомления.

6. Субъект согласился принять редакционную политику SAERAIN (подразделение ЦРУ в Берлине, занимавшееся политико-психологической войной против ГДР. — А. К.)... Он согласился расценивать все свои отношения с сотрудниками SAERAIN как конфиденциальные.

7. Никаких других обязательств, кроме указанных выше, по отношению к субъекту принято не было.

Подпись.

28 декабря 53.

Группа Марбаха взялась за дело рьяно. Она без устали плодила «двойников» самых разных восточногерманских изданий, среди которых оказались партийные, профсоюзные, молодежные, женские, отраслевые... Свое кривое зеркало обрели, например, «Die Volkspolizei» («Народная полиция») и «Notizbuch des Agitators» («Записная книжка агитатора»). Часто брался реальный номер журнала, куда, сохраняя верстку, вставлялись, взамен других, статьи, репортажи и очерки, критикующие политику властей ГДР, а также СССР в Восточной Германии. К фальсификациям при этом привлекались профильные специалисты, знакомые с происходящим в Восточной Германии. Так, фальшивые публикации газеты «Junge Welt» («Юный мир») готовились при участии католической молодежной организации, а к работе над псевдожурналом «Die Volkspolizei» привлекались члены так называемого Комитета свободных юристов и др.

Тираж подделок доходил до 20 тысяч экземпляров. С их помощью тонко обрабатывалось сознание читателей ГДР.

Советским и коммунистическим лидерам, как правило, давалась положительная оценка, но подбор цитат был настолько тенденциозным, что вызывал обратный эффект. Так, например, бесконечно цитировали Хрущёва, который во время визита в Великобританию на вопрос журналистов о том, когда состоится воссоединение Германии, ответил: «Немцам придется подождать». Делалось все, чтобы представить советского лидера хамом, которого интересы Германии нисколько не заботят. В одной из публикаций эта цитата соседствовала с сообщением, что королева Елизавета не будет носить шубу, подаренную ей советской делегацией. Казалось бы, ерунда (кстати, подарок королева приняла), но у женской части читательской аудитории этот пассаж вызвал раздражение. Мало того что Хрущёву безразлична Германия, он еще и, оказывается, этаким глупый барин, делает дурацкие подарки, которые отказываются принимать.

Или вот, скажем, была подготовлена целая серия статей, нацеленных на рабочую аудиторию. В них говорилось о том, что в ГДР повышаются нормы выработки, но это не приводит к увеличению заработка трудящихся, о недостатках в медицинском обслуживании, низкой заработной плате, засилье бюрократов и др. Многое из этого, между прочим, было правдой, но правда эта всегда подавалась под таким углом, что не оставалось сомнений, кто во всем этом виноват. На руку американской пропаганде было и то, что официальная пресса ГДР острые темы зачастую обходила или упоминала вскользь, — даже если проблемы были вызваны объективными обстоятельствами.

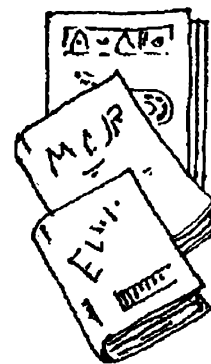
Разумеется, Марбах и его коллеги подготовили много статей о преимуществах Западной Германии перед Восточной, будь то автомобильное производство, самолетостроение, новые разработки в области радио и телевидения и т. д. Немало публикаций было посвящено западным деятелям шоу-бизнеса, писателям, композиторам, ученым и путешественникам. При этом их достижения, часто в ущерб правде (но доносить правду и не было целью проекта «LCCASSOCK»!), превозносились и, уж конечно, создавалось мнение, что их коллеги в Восточной Германии им в подметки не годятся.

Интересна история с женскими журналами. Сначала в рамках проекта «LCCASSOCK» был создан совершенно новый журнал, закамуфлированный под восточногерманский и с выходными данными ГДР — «Die Frau von Heute» («Женщина сегодня»). Но распространялся он вяло, женщины интуитивно угадали «что-то не то» и отказывали неизвестному изданию во внимании. Поэтому в феврале 1955 года в берлинском офисе ЦРУ решили не мудрить, а поручили группе Марбаха сфабриковать двойник популярного в ГДР журнала «Die Frau» («Женщина»). Самые простое решение оказалось наиболее эффективным. Псевдожурнал со знакомым восточным немкам логотипом шел нарасхват. В нем, разумеется, рассказывалось в первую очередь о рыночном изобилии потребительских товаров в ФРГ и других капиталистических странах.

Большой удачей Марбаха и компании стали новые приключения легендарного персонажа Тиля Уленшпигеля, якобы путешествовавшего по ГДР. В своих сатирических заметках этот «Уленшпигель» ядовито ехидничал: живущие в ГДР рабочие и крестьяне только и мечтают о том, что сбежать из своего государства рабочих и крестьян! Вот образчик его юмора:

- Почему восточные немцы не путешествуют по свету?
- Так ведь ехать на поезде или плыть на корабле придется тем или иным классом... а идея «бесклассового общества» этого делать не позволяет!

«LCCASSOCK» прекратил свое существование в 1960 году, как считается, из-за того, что американцы попытались переложить его финансирование на Западную Германию, но у немцев лишних денег не оказалось. Но была и другая причина, более реальная. Переправлять в ГДР поддельные издания становилось все труднее, тиражи их часто перехватывались, а в 1961 году, когда Берлин разрезала стена, вероятность того, что они дойдут до тех, кому предназначались, свелась к нулю.

Марбах, однако, без дела не остался. Некоторое время он работал в западногерманской разведке, а потом, в течение двадцати лет, — консультантом по части психологической войны в Министерстве обороны ФРГ. Там навыки фальсификаций и манипуляций, в которых бывший подводник проявил себя выдающимся специалистом, оказались весьма востребованны.

«Американские горки» поляка Ханффа

Ставший во второй половине жизни видным польским националистом Константин Зигфрид Ханфф молодость провел в метаниях по разные стороны баррикад. Его, родившегося в 1926 году, после вторжения Германии в Польшу призвали на службу в вермахт. Оттуда он дезертировал в 1944 году, но был арестован и приговорен немцами к двум годам тюремного заключения. Вскоре сырую и тесную камеру ему заменили на простор фронтовой передовой. Весной 1945 года он попал в плен, был завербован советской контрразведкой и в таком качестве встретил конец войны.

Вернулся Ханфф в Польшу в начале 1948 года и более двадцати лет разъезжал по Восточной Европе, работая в организациях, которые занимались импортом-экспортом разных товаров. А затем переехал с семьей в США, где твердо определился в своей дальнейшей деятельности, решив отныне бороться против просоветского режима в Польше. Вскоре после переезда он основал антикоммунистическую организацию «Wolna Polska» («Свободная Польша»), а в сентябре 1975 года выпустил первый номер журнала с таким же названием (на всякий случай заметим, что название «Wolna Polska» носила также еженедельная общественно-политическая газета польских эмигрантов, выходившая в СССР в военные годы).

Второй номер журнала, а точнее «Специальный отчет № 2 “Wolna Polska”», содержал имена с указанием личных адресов и номеров телефонов девяти польских и советских должност-

ных лиц в США, в основном сотрудников миссий при ООН, посольств и консульств, которые, по мнению Ханффа, вели разведдеятельность против США. После его выхода Ханфф связался с нью-йоркским отделением ФБР и предоставил ему, как он заявил, дополнительные материалы по шпионажу против США. «Специальный отчет № 2 “Wolna Polska”» попал, разумеется, и в ЦРУ, и там тоже вызвал изрядный интерес.

В ФБР ознакомились с материалами Ханффа и пришли к выводу, что его сведения совпадают с их данными. Об этом — возможно, в результате сознательной утечки информации — появилась большая статья в «Нью-Йорк таймс», после чего в обеих палатах Конгресса США заговорили о необходимости дальнейшего расследования. Но оно не состоялось, и о причинах такого поворота событий можно только гадать — скорее всего, повлияла набирающая в это время темп «разрядка».

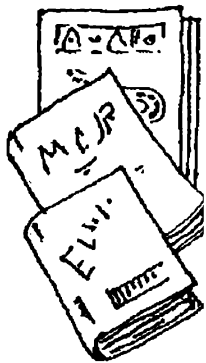
Ханфф, ожидавший взрывной реакции на свои публикации, был крайне разочарован сдержанной реакцией американских властей, не захотевших обострять отношения с СССР и Польшей. Но его возмущенные речи мало кто слушал, и тут... вышел и был разослан по многим адресам «Специальный отчет № 3 “Wolna Polska”», который раскрыл имена информаторов ЦРУ и ФБР, в основном из среды польских эмигрантов. Ханфф не имел никакого отношения к этому изданию, хотя на нем стоял логотип созданной им «Свободной Польши». Он был в ярости...

Разразился скандал: шутка ли — опубликованы имена секретных агентов и информаторов двух крупнейших американских спецслужб! К расследованию этого дела, кроме ФБР и ЦРУ, подключилась прокуратура. А Ханфф написал письмо генеральному почтмейстеру США (копия его тут же оказалась в ФБР):

31 августа 1976 г.

Уважаемый генеральный почтмейстер!

Мы вынуждены просить вас начать серьезное расследование и уголовное преследование пока неизвестного преступника,

который совершил мошенничество с использованием почты в своих политических целях и в то же время с целью подрыва национальной безопасности США, разоблачая граждан США, как утверждается, в качестве агентов ЦРУ и ФБР.

В приложении вы найдете следующие доказательства:

1. Фальшивка «СВОБОДНАЯ ПОЛЬША. Специальный отчет № 3», напечатанная и распространенная в США. Этот «отчет» имитирует наши публикации, используя название организации и почтовый адрес в качестве обратного адреса издателя.

2. Конверт авиапочты, имитирующий элемент нашего канцелярского делопроизводства; он также оснащен нашим логотипом, и на нем написан наш почтовый адрес. На этом конверте стоит печать Почтового отделения 10007 в Нью-Йорке и дата: 19 августа, после полудня.

Для сравнения прилагаются:

1. Наш настоящий «Специальный отчет № 2», который был распространен в мае 1976 года.

2. Конверт авиапочты из наших настоящих канцтоваров...

Этот фальшивый «Специальный отчет № 3» ясно показывает, что наши враги являются одновременно врагами США. Анализ содержания этого контрафакта показывает, что он был сделан для достижения следующих целей:

1. Разоблачить предполагаемых агентов ЦРУ и ФБР и вызвать против них враждебные чувства или обвинить их в преступных действиях против США внутри страны и против граждан США за рубежом.

2. Вызвать ложное мнение, что наша организация борется против США...

Эти преступные деяния были совершены с использованием Почтовой службы США, что создает серьезное федеральное преступление...

Для Ханффа начались трудные времена, американские власти стали подозревать, что он провокатор и шпион, а опубликованный им «черный список № 3» направлен на то, чтобы дестабилизировать отношения США и Польши.

Через какое-то время, когда после расследования и ряда технических экспертиз выяснилось, что скандальный

«Специальный рапорт № 3» — хорошо сработанная подделка, и в американской прессе появилась вполне правдоподобная версия случившегося. А именно: после выпуска первых двух номеров «Спецрапортов» польская разведка получила задание подготовить, отпечатать и распространить псевдожурнал с материалами из своих секретных досье на людей, которые подозревались в сотрудничестве с ЦРУ и ФБР.

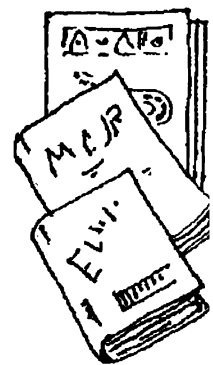
Это была спецоперация и месть под одной обложкой. «Специальный рапорт № 3» был выполнен польской спецслужбой весьма искусно. Вероятно, координировал это мероприятие офицер разведки Славомир Петелицкий, работавший с 1973 года под прикрытием в Генеральном консульстве ПНР в Нью-Йорке. В его обязанности входил надзор за работавшими на территории США Польским научным институтом, Фондом Костюшко, Институтом имени Пилсудского и другими антикоммунистическими организациями.

Претензий к Ханффу со стороны властей США не было, но осадок, как говорится, остался. Может быть, все и забылось бы, но вскоре в американской прессе появилась информация о том, что Ханфф замешан в махинациях со сбором средств для памятника жертвам массового расстрела в Катыни. На репутации Ханффа появились новые кляксы. Он пытался обороняться, доказывал, что его оклеветали, писал опровержения и даже выпустил еще несколько номеров своего журнала. Но тут случилось событие, которое заставило его уйти в тень: стало известно о его сотрудничестве в годы Второй мировой войны с гестапо.

Началось все с письма от 3 апреля 1976 года, полученного президентом Сионистской организации Америки Леоном Илютовичем, которое он переадресовал ЦРУ. Оно было рассекречено совсем недавно.

Уважаемый сэръ.

Я случайно наткнулся на периодическое издание «Свободная Польша»... где, к моему удивлению и изумлению, обнаружил имя немца Константина Зигфрида Ханффа, известного мне во время Второй мировой войны. Он жил в Вильно (Восточная Польша) во время моего пребывания там с семьей.

Я хочу, чтобы Вы знали: Ханфф — нацистский военный преступник и убийца евреев и других людей во время войны.

В 1941 году и позже Ханфф был важным информатором гестапо. Многие невинные люди были замучены и преданы смерти в лагерях смерти в результате его тесного сотрудничества с нацистской полицией.

19 октября 1942 года Ханфф инициировал арест семи скрывающихся евреев, которые были расстреляны на следующий день на городском кладбище в Вильно. Особенно болезненным и трагичным для меня и моей семьи был тот факт, что среди них был мой зять Сэмюэль Мелман. Это могли бы подтвердить некоторые евреи, которые пережили гетто в Вильно и вышли из ада.

Я также знаю, что Ханфф появился в Латвии в 1944 году в качестве офицера немецкого подразделения, у которого были полицейские задачи, и занимался «умиротворением». Он лично принимал участие в казнях, в которых было убито много еврейских мужчин, женщин и детей.

Я слышал, будто после войны он был осужден советским судом, но, как ни странно, очень скоро был условно-досрочно освобожден и уехал в Соединенные Штаты.

Все эти ужасные воспоминания снова терзают меня спустя столько лет. Я твердо убежден в том, что мы, американцы, и особенно евреи, в память о наших братьях, которые умирали от голода, подвергались пыткам и казням, не должны позволять таким преступникам, как Ханфф, оставаться свободными и безнаказанными. Выглядит провокацией, что этот убийца общается с высокопоставленными американскими политиками, сенаторами и конгрессменами.

Поэтому я прошу Вас разобраться с этим делом. Я прилагаю копии документов военного времени, которые я получил из Австрии.

Поскольку Ханфф сейчас живет в США, то, думаю, что не возникнет препятствий в том, чтобы спросить его об этих документах и его прошлом.

Я позволю себе отправить копии этого письма и этих документов некоторым американским политикам, другим еврейским организациям, а также в газеты.

Прошу прощения, господин президент, что я не могу сообщить Вам мое полное имя. Я старый и искалеченный еврей. Я пережил нацистский и советский ад, и я все еще живу под страхом. Вот почему я прошу Вас понять и принять мою позицию.

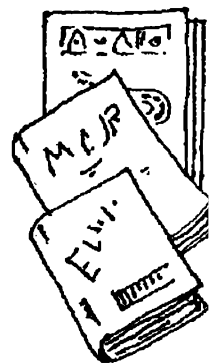
Искренне Ваш,
Давид С.

Расследование показало, что Ханфф на самом деле нацистский преступник; это подтверждалось документами, которые ФБР и ЦРУ добыли по своим каналам (многие из них сейчас рассекречены). Примерно в это же время выяснилось, что Ханфф неверно указал данные о себе, когда запрашивал американское гражданство. Между ФБР и ЦРУ по поводу Ханффа началась переписка.

Казалось бы, все — капкан захлопнулся. Но... ничего подобного. 26 июля 1977 года на запрос ФБР от 12 июля 1977 года ЦРУ сообщило, что Константин Ханфф «не находится и не находился» в пределах его оперативных интересов. Вслед за этим выяснилось, что и ФБР он тоже не интересуется.

Бывшего гестаповца не выслали с позором из США и дело о его прошлом замяли. Кто дал указание именно таким образом решить судьбу Ханффа, осталось за кадром. Очевидно, американцы полагали, что глава «Свободной Польши» еще может им понадобиться. Ханфф, было затаившийся, воспрянул духом и в сентябре 1979 года учредил в Польше военизированную ультраправую «Конфедерацию независимой Польши». Можно предположить, что американские спецслужбы принимали в этом участие. Приближались польские события 1980 года, власти Польши готовились ввести в стране чрезвычайное положение, и каждый антикоммунистический штык был на счету... Правда, Ханфф так и просидел на «скамье запасных».

Когда чрезвычайное положение в Польше уже было введено, у него попытался взять интервью корреспондент «Литературной газеты» в Нью-Йорке (и одновременно офицер советской внешней разведки под прикрытием) Анатолий Манаков. В своей книге «Апостолы двуликого Януса» он

вспоминает, как явился в особняк с вывеской «Польско-американская торговая палата».

Встретивший меня холеный, крепкий старичок с пышными усами аристократа проводил в комнату, где я почти уткнулся в спину шуплого пожилого мужчины, разговаривавшего по телефону. Повесив трубку, он резко повернулся и настороженными глазами потребовал представиться. Темнить в такой ситуации не имело смысла, и я «открылся»:

— Корреспондент «Литературной газеты». Пришел полюбопытствовать, как у вас продвигаются дела по поддержке антисоциалистических элементов в Польше.

Немая сцена. Господин Ханфф этого ожидал меньше всего.

— Так вы коммунист? Мне не о чем с вами разговаривать. Я ваш враг, и не успокоюсь, пока Советский Союз вообще не исчезнет с географической карты. Недалек тот день, когда коммунисты потерпят крах и в России, и в Польше...

В этом, надо заметить, информатор гестапо оказался прав...

Документы, которые можно изготовить дома...

Осенью 1939 года перебежчик из СССР Вальтер Кривицкий убедил сотрудника журнала «Тайм» Уиттекера Чемберса, который уже несколько лет работал на ГРУ, сдать американцам известных ему советских агентов.

Чемберс, он же «Карл» (таково было его кодовое имя в московской картотеке), долго колебался. Еще недавно убежденный коммунист, он в конце концов решил, что после развязанного Сталиным в СССР «большого террора», расправ с перебежчиками за рубежом и подписания Договора о ненападении между СССР и Германией вправе снять с себя все моральные обязательства по отношению к Советскому Союзу.

На частной встрече с заместителем госсекретаря США Адольфом Берли Чемберс назвал имена восемнадцати дей-

ствовавших и бывших американских государственных служащих, которые были советскими агентами. Среди них были высокопоставленный сотрудник Государственного департамента США Эдджер Хисс и специальный помощник президента США Локлин Карри. Чемберс также «слил» фамилии осведомителей ГРУ из Министерства финансов, патентного бюро и Абердинского испытательного полигона армии США. Информацию, полученную от Чемберса, Адольф Берли, разумеется, передал в ФБР.

А в феврале 1941 года Вальтер Кривицкий был найден мертвым в своем гостиничном номере. Официально было объявлено о самоубийстве, но ходили стойкие слухи о том, что на самом деле он был казнен советской спецгруппой за предательство.

Чемберс перепугался. Но его участь Кривицкого миновала, и, возможно, потому, что информации, которую он сообщил заместителю госсекретаря, до поры до времени не давали ходу. ФБР дважды, в мае 1942 и в июне 1945 года, допрашивало Чемберса, но к его данным относилось скептически. Там пришли к выводу, что журналиста напичкали дезинформацией и втянули в какую-то игру. Но в ноябре 1945 года бывший советский агент Элизабет Бентли подтвердила большую часть полученной от Чемберса информации, и в ФБР поменяли свою позицию.

В этой ситуации советская разведка не собиралась оставлять предательский поступок Чемберса без последствий, точнее — без наказания. Но физически устранить его, как Кривицкого, было рискованно. Поэтому родилась идея его дискредитировать.

22 декабря 1948 года начальнику Первого управления Комитета информации при Совете Министров СССР (так называлась советская внешняя разведка в 1947—1951 годах) Константину Кукину поступило указание от первого зампреда Комитета Константина Родионова:

Прошу дать задание резидентурам в Вашингтоне собрать всевозможные материалы, пригодные для использования их по линии службы № 5, в целях компрометации (в прессе других стран,

а также агентурным путем) наиболее враждебных нам видных политических и общественных деятелей...

Указанные выше материалы должны быть достоверными и, во всяком случае, настолько правдоподобными, чтобы их нельзя было легко опровергнуть. Они должны содержать установочные данные; факты антинародной и антигосударственной деятельности; сведения, характеризующие личные антиморальные поступки: стяжательство, продажность, цинизм политубеждений и т. д.

Через несколько дней в Москву поступила шифровка за подписью Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в США и одновременно главного резидента советской разведки Александра Панюшкина («Владимира»):

...Было бы весьма желательно противопоставить антисоветской и антишпионской кампании американцев какие-либо эффективные мероприятия с нашей стороны.

В связи с этим резидентура просит рассмотреть следующее предложение. Ввиду того, что «Карл» является немцем по происхождению, жил и учился некоторое время в Берлине, «найти» в немецких архивах дело на «Карла», из которого было бы видно, что он является немецким агентом, по заданию гестапо занимался шпионской работой в США и по ее же заданию проник в американскую компартию. Если мы объявим об этом в нашей печати и опубликуем некоторые «документы», которые можно изготовить дома, то эффект от этого будет очень большой. За это сообщение ухватятся не только зарубежные компартии, но и прогрессивная печать во всех странах, в результате чего позиции Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, Гранд Жюри (Grand Jury — коллегия присяжных заседателей в США, определяющая обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо официальных обвинений. — А. К.) и других органов будут сильно подорваны.

Можно заявить также, что «Карл» как агент гестапо хорошо известен Комиссии и Гранд Жюри и другим американским органам, но руководители этих учреждений, будучи яркими ненавистниками СССР, компартии и прогрессивного движения вообще,

представили дело так, что «Карл» и др. занимались шпионажем якобы в пользу СССР, а не в пользу Германии.

Более того, некоторые из теперешних руководителей Комиссии, Гранд Жюри и др. ведомств сами являются агентами гестапо, о чем советские органы, захватившие немецкие архивы, имеют соответствующие документы, которые они могут в случае необходимости опубликовать.

Инициатива внимательно изучалась в кабинетах Комитета информации, и в декабре 1948 года на имя председателя Комитета поступила служебная записка за подписью зампреда Комитета Петра Федотова и руководителя Первого управления Константина Кукина:

Предложение резидентуры об изготовлении и опубликовании в нашей печати документов о том, что предатель Чемберс является немецким агентом, по заданию гестапо вел шпионскую работу в США и по заданию немцев проник в КП США, — не может быть принято. Опубликование подобных «документов», безусловно, крайне отрицательно отразится на нашей бывшей агентуре, выданной Чемберсом (Хисс Э., Хисс Д., Уодлей, Питман, Рено) и др., ибо зная, что они работали на нас, и, «превратившись» в немецких агентов, эти люди могут пойти, например, на сотрудничество с властями, дачу им откровенных показаний и т. д.

Кроме того, превращение этих лиц из предполагаемых агентов советской разведки в установленных агентов страны, воевавшей с США, никак не может им помочь с чисто юридической точки зрения. Предложение резидентуры об изготовлении и опубликовании документов, изобличающих некоторых руководителей «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности» и Федерального суда присяжных, как агентов гестапо, должно быть тщательно изучено и взвешено.

Действительно, все было тщательно изучено и взвешено, после чего прозвучала окончательная команда «отбой».

Тем временем в США разворачивался скандал, вошедший в историю под названием «Тыквенные бумаги». В 1948 году

Чемберс дал показания перед комитетом Палаты представителей по антиамериканской деятельности. Он поведал конгрессменам о том, что высокопоставленный сотрудник государственного департамента США Эдджер Хисс состоял членом одной из «нелегальных организаций» Коммунистической партии США, перед которой была поставлена задача «проникновения в американские правительственные учреждения». Эдджер Хисс, в свою очередь, отверг показания Чемберса и охарактеризовал их как измышления от начала и до конца.

С лета 1939 по май 1944 года Хисс занимал пост помощника Стэнли К. Хорнбека, советника по политическим вопросам Государственного департамента. «Эдджер, — вспоминал много позже Хорнбек, — пользовался моим полнейшим доверием и видел все, что видел я».

Дело Хисса дошло до суда, и Чемберс явился туда с копиями правительственных документов, которые, по его словам, Хисс передал ему в 1938 году. Среди них были четыре записки, написанные рукой Хисса (правда, в этих записках не было ничего компрометирующего), шестьдесят пять машинописных копий документов Государственного департамента и пять микрофильмов, содержащих фотографии документов Государственного департамента. В прессе эту подборку документов остроумно называли «Тыквенными бумагами», так как Чемберс прятал их — буквально! — в выдолбленной тыкве на своей ферме в Мэриленде. На суде он заявил, что Хисс регулярно снабжал свое партийное коммунистическое руководство секретной правительственной информацией и установил связи с неким «русским полковником Быковым».

Других доказательств шпионской деятельности Хисса не было, и суд признал его вину недоказанной; впрочем, его все равно осудили за лжесвидетельство, выявленное в ходе судебного процесса. Впоследствии, однако, по мере дешифровки материалов в рамках проекта «Венона», вся правда о нем — советском агенте под псевдонимом «Ales» — стала американцам известна.

Что касается Чемберса, то жизнь его завершилась трагически: в 1961 году он покончил жизнь самоубийством. «Вездесущая рука» КГБ здесь, похоже, ни при чем. Во всяком случае, считается, что он страдал психическим расстройством.

«Завещание Чжоу Эньлая»

Ему присвоили лестный для него псевдоним — «Кант», в честь великого немецкого философа Иммануила Канта. Считается даже, что Такудзи Ямане немного был похож на Канта: худощав, узколиц и сосредоточен. На советскую разведку этот японский журналист работал с 1960-х годов. По-немногу поднимаясь по карьерной лестнице, в мае 1982 года он возглавил японскую консервативную газету «Санкэй симбун» («Промышленно-экономическая газета»). И в редакции, и в тех кругах, в которых он вращался, «Кант» позиционировал себя как японского националиста с антисоветскими и антикитайскими убеждениями.

В январе 1976 года у него состоялась встреча с корреспондентом Агентства печати «Новости» (он же майор советской внешней разведки) Борисом Смирновым. Буквально за несколько дней до этого умер первый глава Госсовета КНР Чжоу Эньлай. И вот между кадровым разведчиком Смирновым и агентом «Кантом» состоялся примерно такой разговор:

- Вероятно, вы помните, что Ленин, умирая, продиктовал письмо к съезду. Оно известно как «Завещание Ленина».
- Да, конечно, — подтвердил «Кант».
- Сейчас у меня в руках, в этом конверте, лежит завещание покойного товарища Чжоу Эньлая...
- Но...

Они шли по заснеженной улице, снег похрустывал под ногами, словно заполняя возникшую паузу. Разговор продолжился в кафе «Дин-Дон», рядом с редакцией «Санкэй симбун». Смирнов и «Кант» заказали кофе.

Агент поднял глаза на своего собеседника.

— Да-да, понимаю ваш скепсис... — ответил Смирнов на немой вопрос. — Документ, о котором я говорю, — это плод творческих усилий большого коллектива наших товарищей. Мы хотели бы опубликовать его в уважаемой консервативной газете. Ваша газета подходит для этого как нельзя лучше.

— Но как я объясню, откуда у меня это завещание? Я не был близок к китайскому премьеру. И среди моих друзей и знакомых нет ни одного родственника Чжоу Эньлая... Получится неправдоподобно.

— А что, если вы скажете, что некий китаец нелегально доставил этот документ в Гонконг, а оттуда оно попало в Японию?

Агент подумал и скривил лицо:

— Не знаю, не знаю... А если японская контрразведка начнет расспрашивать меня об этом курьере, — что я отвечу?.. Могу предложить другой вариант. Я опубликую статью за собственной подписью со ссылкой на «завещание», пришедшее по почте в редакцию, мне лично, от анонима. Или, что еще надежнее, оставленное анонимом в конверте на входе в редакцию. Конверт без надписи, просто просили передать главному редактору. И при этом в публикации я оговорюсь, что не могу ручаться за подлинность этого документа, хотя он очень похож на подлинник.

— Хорошо, давайте так, — согласился Смирнов. — Держите конверт. И ждите моего подтверждения. Необходимо согласовать вариант, который вы предлагаете.

Японец спрятал плотный конверт во внутренний карман пиджака.

На Лубянке с предложением Такудзи Ямане согласились, и 23 января 1976 года в «Санкэй симбун» появилась его статья, в которой обильно цитировалась изготовленная в КГБ фальшивка под названием «Завещание Чжоу Эньлая». На следующий день ее перевод был размещен во многих советских газетах.

Статья сработала: на какое-то время в китайском руководстве возникло замешательство — в своем «завещании» ближайший соратник Мао Цзэдуна говорил о расколе пра-

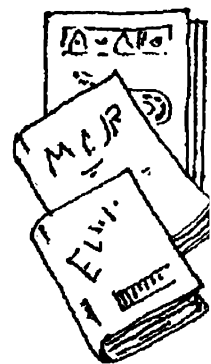
вяхих кругах Китая, предостерегал от повторения ужасов «культурной революции», во время которой была уничтожена политическая оппозиция, и призывал к более тесному сотрудничеству социалистических стран. Но в конце концов китайцы пришли к выводу, что это всего лишь искусная подделка. И все пошло своим чередом...

ЦРУ рапортует: это — любовь!

Морально стойкий капитан «Беременный»

В свои 25 лет Хильда Битц была опытным агентом. Это она, Хильда Битц, работая на немцев, читала ночью накануне казни приговоренному к смерти зятю Муссолини, графу Чиано, философские диалоги Сенеки. Это она охотилась по заданию нацистов за дневниками того же Чиано и сблизилась ради этого с опальной дочерью Муссолини — Эддой. Это она, Хильда, на случай своего разоблачения всегда носила с собой пузырек с ядом. Это она, когда узнала, что Гитлер в апреле 1945 года приказал уничтожить документы Чиано, закопала их копии в розарии возле своего дома. Этот тайник разрыли в июне 1945 года сотрудники контрразведки армии США.

Но став американским агентом под псевдонимом «Camise» («Камисса»), Хильда не смогла выполнить первое же задание. Ей было поручено завербовать советского капитана Скурина, которому было присвоено необычное кодовое обозначение — «Pregnant» («Беременный»). Скурин (к сожалению, ни в одном из рассекреченных документов нет его имени, только фамилия и псевдоним) был важным хранителем секретов, и перетянуть его каким-то образом на свою сторону было для американцев заманчиво.

Они знали, что Скурин завербовал бывшего абверовца, а после войны берлинского адвоката Ганса Кемрица. Адвоката арестовали в мае 1945 года, и после долгих допросов он дал согласие работать на советскую разведку. В свои адво-

катские офисы в Восточном Берлине Кемриц приглашал на «деловые встречи» коллег по абверу, которые, перейдя порог, попадали в руки советских оперативников, а те предлагали им нехитрый выбор: сотрудничество или арест.

Но практически одновременно Кемрица завербовали и американцы, у которых таким образом появилась возможность получать важную информацию о советских агентах. Но этого им показалось мало, и тогда созрел план с помощью очаровательной «Камиссы» заставить работать на себя ключевую фигуру среди советских вербовщиков — Скурина-«Беременного».

Был разработан хитроумный план. Двойной агент Кемриц при встрече с «Беременным» всячески рекламировал Хильду Битц как серьезного секретносителя, работающего в аппарате американской военной администрации. Была устроена вечеринка, дабы свести Хильду и Скурина, на которой агент «Камисса» должна была продемонстрировать себя во всей красе; ее американские кураторы рассчитывали, что Скурин заинтересуется ею и после вечеринки их отношения продолжатся. Но план не сработал: Скурин не клюнул на приманку.

После этого была сделана еще одна попытка завербовать Скурина с помощью переводчицы с Западной Украины Дуси (в рассекреченных документах ее имя транскрибировано как Доосіа), но она тоже сорвалась. И американцы оставили морально устойчивого коммуниста в покое.

А Хильда Битц тем временем получили новое задание.

Задача: взять «Телеграф»

Западноберлинская еженедельная газета «Телеграф» была основана в 1946 году журналистом и издателем Арно Шольцем. Офис газеты находился на подконтрольной англичанам части Берлина, и соответственно лицензию на ее выпуск выдали британские оккупационные власти.

«Телеграф» быстро стал популярен, его редакция обросла связями и тем привлекла внимание ЦРУ, которое решило

прибрать газету к рукам. Начали с Арно Шольца, который легко пошел на контакт, — ему было присвоено кодовое имя «Camlet» («Камлет»). О формах сотрудничества с ним говорит, например, рапорт от 9 июня 1947 года:

КАМЛЕТ сейчас просматривает досье «Телеграфа», отбирая фотографии российских чиновников, чтобы предоставить их нам... КАМЛЕТУ сообщили о нашей заинтересованности в получении дополнительной информации о намерениях ведущих немецких политиков и общественных деятелей просить союзников о содействии в создании общегерманского правительства.

Но то ли Шольц не внушал своим кураторам доверия, то ли у них были еще какие-то причины, но они решили подстраховаться и внедрить в редакцию еще одного агента. Этим агентом и стала Хильда-«Камисса», рекомендованная Шольцу через третье лицо, чтобы он не заподозрил ее связь с американцами. Красивая молодая женщина, энергичная и с чувством юмора, понравилась Шольцу, и он принял ее на работу в отдел политики.

Сохранился документ ЦРУ, датированный 22 июня 1948 года:

Проект КАМИССА.

Берлинская операционная база...

Предлагаемое прикрытие: законное трудоустройство в газете «Телеграф»...

Расходы по смете:

а) Статус контракта: отсутствует.

б) Ежемесячный паек: 4 фунта бекона, 4 фунта кофе, 4 фунта сахара, 2 коробки сигарет, другие продукты питания и косметические средства, в денежном выражении приблизительно 20 долларов в месяц...

Заметим, что, кроме этих 20 долларов, ЦРУ на Хильду не тратило ни цента. Она жила только на то, что зарабатывала в редакции газеты.

Почти сентиментальный рапорт

Дела у Хильды поначалу пошли неплохо. Она обнаружила в себе вкус к профессии журналиста — писала много и с удовольствием. И с еще большим удовольствием вращалась в кругах, в которые попала благодаря своему новому статусу. Американцы же через «Камиссу» контролировали деятельность газеты Шольца и получали информацию о его контактах. Шольц все глубже погружался в политику, и в ЦРУ опасались, что он захочет сорваться с крючка.

В июне 1949 года «Камисса» получила повышение по службе и возглавила филиал газеты во Франкфурте-на-Майне. Теперь она отвечала за выпуск версии «Телеграфа», которая во многом было идентична берлинской газете, но также предлагала читателям специальные материалы, представляющие интерес для жителей американской зоны оккупации (так называемые сменные полосы).

Битц контролировала все — от политики до полиграфии, у нее было около тридцати сотрудников, зарплата ее была высокой и стабильной, а ЦРУ новыми заданиями не напрягало. Казалось бы, все у нее складывалось хорошо. Но на встречах с контактными лицами она выглядела подавленной, нервной, рассеянной. На вопрос, в чем дело, отвечала, что в редакции появились экономические проблемы после того, как столицей ФРГ стал Бонн и произошло снижение политического значения Франкфурта, который до этого некоторое время рассматривался в качестве главного города Западной Германии. Поэтому, возможно, в рапорте ЦРУ причина ее депрессии сводится к нереализованному желанию переехать в Бонн. Шольц, дескать, считает ее недостаточно сильным и опытным журналистом, чтобы доверить ей боннское бюро «Телеграфа».

На самом же деле причина была совсем другая. Хильда влюбилась в своего непосредственного начальника по берлинской редакции, руководителя отдела политики публициста Йозефа Грюннера. Когда сотрудник ЦРУ, который контактировал с нею, наконец разобрался, что к чему, он на-

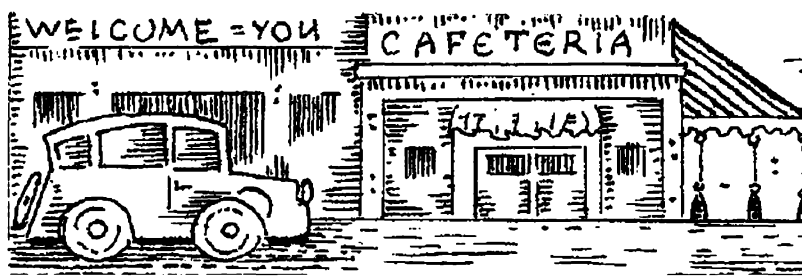
писал 27 декабря 1949 года рапорт, подобные которому — если иметь в виду эмоциональную окраску — в практике спецслужб, надо полагать, редки:

О любви КАМИССЫ к доктору Йозефу Грюннеру приходится говорить, поскольку она влияет на работу нашего агента. Их сближение началось, когда КАМИССА стала помощницей Грюннера в Берлине. Они в некоторой степени подходили друг другу, но с самого начала было ясно, что их связь не имеет перспективы, так как у Грюннера есть жена и двое детей, перед которыми он чувствует финансовую и моральную ответственность. После продолжительных выяснений отношений доктор Грюннер начал разрушать их роман, в результате чего КАМИССА впала в состоянии депрессии. Она очень мало ест, перестала интересоваться своей работой и в целом олицетворяет распространенную концепцию человека с «разбитым сердцем»... Неудивительно, что разведывательная отчетность КАМИССЫ не достигает ожидаемых стандартов...

Таким образом, у нас сложилась ситуация, когда мы обладаем контролируемым агентом необходимой квалификации и в желаемой должности, который не в состоянии продуктивно работать из-за эмоциональных трудностей, находящихся вне нашего контроля. Это неудовлетворительная ситуация... но мы не должны забывать о том, что КАМИССА не просто агент — она также женщина.

Последняя фраза, судя по всему, была обращена к руководству берлинской резидентуры ЦРУ. К сожалению, в рассекреченном документе замазано имя сотрудника, пописавшего этот прямо-таки душевный рапорт. Судя по всему, это был человек, которого не очерстила служба в разведке, где по понятным причинам больше востребованы цинизм, расчет и жесткость, чем любовь к ближнему. В конце рапорта сказано, что на «Камиссу» может положительно повлиять переезд в Бонн.

В 1950 году Хильда Битц действительно переехала в Бонн, а еще через год вышла замуж за журналиста и профсоюзного деятеля Карла-Хайнца Пурвина, который редактировал из-

дание «Welt der Arbeit» («Мир труда»). В ЦРУ поначалу рассматривали возможность использовать и его в своих целях, но Хильда, ставшая теперь Хильдегард Пурвин, отказалась от дальнейшего сотрудничества с американцами. Она сосредоточилась исключительно на политической журналистике и, надо сказать, добилась в этом деле заметных успехов.

Секреты по сходной цене от «патриота»

Ставка — миллион франков

Офицер бельгийской службы безопасности (Sûreté de l'État) осмотрел крепкую фигуру собеседника, сидевшего на стуле перед служебным столом, и отметил выправку гостя: спина прямая, не иначе — из военных. Предложил:

— Представьтесь, пожалуйста.

— Николай Свидин. Издатель русской эмигрантской газеты «Советский патриот».

— Ясно. Скажите, откуда, господин Свидин, у вас такие сведения, о которых вы нам написали?

Офицер помахал страничкой с приколотым к ней конвертом.

Свидин выдержал паузу. Потом ответил негромко, но уверенно:

— У меня есть копии из секретариата Политбюро — высшего органа компартии в СССР. Это было сверхсекретное заседание советской верхушки. Копия стенограммы получена через технического работника центрального аппарата партии. Поначалу я собирался опубликовать ее в газете, но, когда разобрался, понял, что это сверхсекретная и очень важная информация.

— Важная для кого?

— Для всех. Для мира.

— Ясно. Ну что ж... Я обязан доложить о вашем предложении и о ваших условиях. — Офицер что-то пометил на

листе бумаги и включил настольную лампу, так как на улице потемнело. — Скажите, что вы хотите получить взамен этой информации, если мы решим начать с вами переговоры?

— Позвольте листок бумаги, — попросил Свидин.

— Пожалуйста.

На листке Свидин твердым и уверенным почерком вывел: «1 миллион франков». Потом сказал:

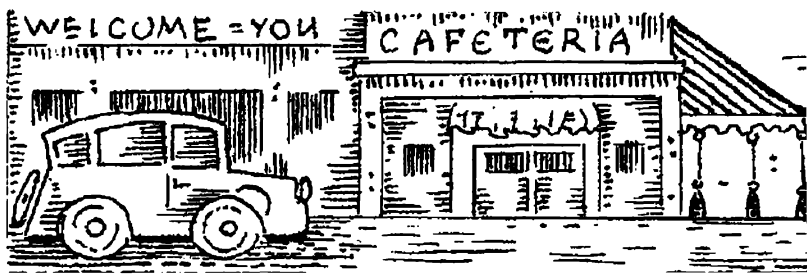
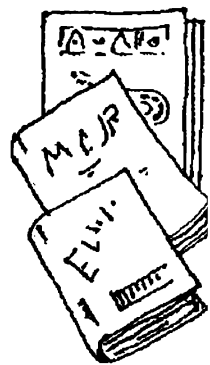
— Плюс к этому убежище в Северной или Южной Америке в том случае, если меня начнет преследовать советская разведка.

Что за странный разговор? Кто этот человек, пришедший в офис бельгийской службы безопасности не с чем иным, как с документами с заседания Политбюро ЦК ВКП (б)?

Николай Свидин не всегда был газетчиком. Родом из кубанских казаков, в прошлой жизни он служил офицером в казачьих частях. Гражданскую войну он провел бурно. Воевал за белых, одно время даже рядовым пулеметчиком. Участвовал в операции по доставке через болгарский порт Бургас вооружения белым частям, воевавшим на Кавказе. А когда пришлось все-таки из России бежать, принял участие в опасном мероприятии по сокрытию в тайниках на территории Болгарии и Турции вывезенных из России одним из генералов ювелирных изделий, да так удачно, что большую их часть сумел прикарманить, чем обеспечил себе относительно безбедное существование. Затем отсидел шесть месяцев за незаконный переход границы Югославии, а позже, в Бельгии, попал под следствие по обвинению в мошенничестве.

Тут, однако, началась война, и бельгийской полиции стало не до него. Во время войны Свидин получил предложение сотрудничать с оккупационными властями, но предпочел от этого уклониться. Когда война закончилась, полиция вспомнила о нем. Он с горечью написал по этому поводу: «Час освобождения для меня был омрачен несправедливым и жестоким решением полиции, которая потребовала в месячный срок покинуть страну!»

Но на помощь пришла некая влиятельная дама из министерства по репатриации. Она дружила с принявшим советское подданство инженером Бреловым, которого избрали

генеральным секретарем Союза советских патриотов — промосковского эмигрантского объединения, и порекомендовала ему Свидина как человека с коммерческой жилкой. И вскоре Свидин и Брелов уже вовсю торговали разными товарами — от станков до продовольствия. Но у Свидина были и литературные склонности. При участии Брелова он занял место издателя лояльной к СССР газеты «Советский патриот» и принялся с воодушевлением восхвалять советский строй. При этом часто подписывал статьи, указывая свое воинское звание — «капитан», не уточняя, правда, в какой армии он служил капитаном.

Так, однако, продолжалось недолго. Кресло издателя не было пределом мечтаний Свидина. Почувствовав себя в нем уверенно, он задумал интригу, которая, как казалось ему, должна была обеспечить его на всю оставшуюся жизнь.

Бомба: реальная или информационная?

В следующий раз Свидина принял один из руководителей бельгийской разведки.

— Что именно содержится в документах, которые вы нам предлагаете? — спросил он.

— Это копия протокола совещания, которое члены Политбюро провели с советскими военными руководителями в январе 1947 года. Обсуждались проблемы вооружения, в том числе создание атомной бомбы, — сказал Свидин.

Ему было известно, что после бомбежки американцами в августе 1945 года японских городов Хиросимы и Нагасаки в СССР был создан государственный комитет при Совнаркомме под руководством Лаврентия Берии, который курировал советский атомный проект; некоторые вопросы этого атомного проекта действительно, как можно было догадаться, обсуждались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП (б).

— Вот что хочу отметить: на заседании упоминалось имя высокопоставленного офицера армии США в качестве источника информации, — добавил Свидин.

— Называлась фамилия советского агента? — удивился бельгийский офицер.

— Так точно, — по-военному, без тени театральности, ответил Свидин.

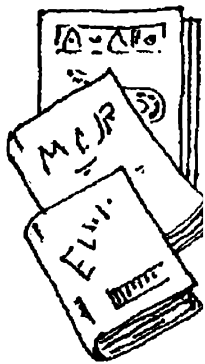
Тут он допустил первую ошибку. У бельгийского контрразведчика сразу зародились сомнения в серьезности информации, которую ему предлагал «советский патриот». Имена агентов никогда не оглашаются ни на каких совещаниях, в любой разведке они известны лишь небольшой группе лиц. Кто сидит перед ним? Аферист? Сумасшедший? Да еще просит миллион франков...

И в *Sûreté de l'État* решили так: раз этот странный человек заговорил об американце, работающем на русских, то лучше передать его в Управление стратегических служб США (которое менее чем через полгода поменяет название на Центральное разведывательное управление). И Свиديным занялась американская контрразведка.

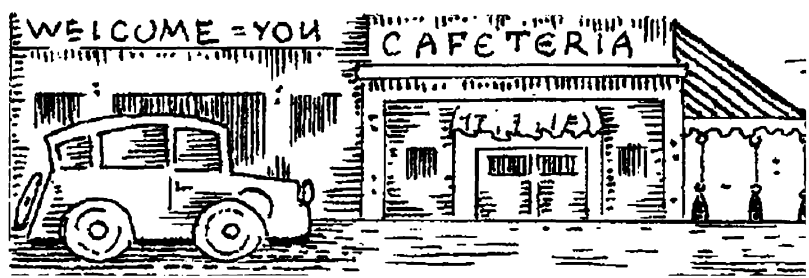

За дело берутся американцы

В марте 1947 года, во время встречи на конспиративной квартире с американцами, Свидин заявил, что он — посредник и действует от имени некоего советского дипломата. Назвать имя дипломата Свидин отказался. Но напомнил о миллионе франков: половину покупатели должны заплатить при передаче документов, остальное — через месяц. И еще — попросил в экстремальном случае убежище для двоих. После консультаций с бельгийцами американцы предположили, что истинным продавцом секретов может быть первый секретарь советского посольства в Брюсселе Николай Скобелев. В УСС понимали, что покупают кота в мешке у ненадежного источника, но все-таки пошли на сделку, заплатив Свидину при передаче документов — но не половину, как он просил, а лишь небольшую часть запрошенного гонорара.

Эксперты в штаб-квартире УСС в Вашингтоне быстро признали документ подделкой. Но отношения со Свидиным

порывать не стали, сочтя, что в любом случае он может быть источником информации. Свидин же, несмотря на первую неудачу, не оставил попыток добыть миллион.

Во время очередной встречи он вытащил новый козырь.

— Если вы настаиваете, — сказал он офицеру УСС, — то я сообщу источник информации. Это племянник Скобелева, работающий стенографистом в аппарате компартии в Москве.

Американец удовлетворенно кивнул:

— Хорошо. Это многое объясняет. И вот еще что. В беседе с нашими бельгийскими коллегами вы упомянули, что на заседании Политбюро называлось имя агента. Вы можете огласить его имя? В документах оно отсутствует.

— Стенографиста заставили удалить имя из протокола. Но он его запомнил и сообщил Скобелеву. А тот назвал это имя мне.

— Так вы можете назвать имя агента?

Повисла пауза.

— Смогу, когда получу гонорар полностью, — сухо ответил Свидин.

Торг продолжался.

Тем временем эксперты и аналитики УСС пытались разгадать, что же все это такое: личная инициатива Свидина или же подготовленная советскими спецслужбами провокация. В расшифрованном недавно документе из архива ЦРУ по этому поводу говорится следующее:

Ввиду того, что предполагаемые источники занимают официальные должности, с помощью которых они могли получить такие материалы, и убеждения ОСО (отдел специальных операций ЦРУ. — А. К.) в том, что при подготовке документов требовался доступ к информации из посольства СССР, нельзя исключать возможность их изготовления советскими спецслужбами. Если документы советского происхождения, то мотивом их изготовления может быть:

- а) получить деньги на нужды советской разведки;
- б) выяснить степень связи между различными западными разведывательными службами;
- с) обмануть и запутать Запад...

Все эти построения американских аналитиков опроверг сам Свидин. Пока в УСС решали, как быть с ним дальше, поступила новая информация: Свидин пытается продать тот же самый документ шведским представителям в Брюсселе. Американцы проинформировали шведов о ненадежности Свидина. Но тот не успокоился и, закусив удила, стал предлагать фальшивку разведслужбам Норвегии, Швейцарии, Португалии, Великобритании и Нидерландов. Причем из документа в архиве ЦРУ можно сделать вывод, что некоторые спецслужбы все-таки что-то ему заплатили, хотя разбогатеть с помощью сфабрикованных документов, судя по всему, у афериста не вышло.

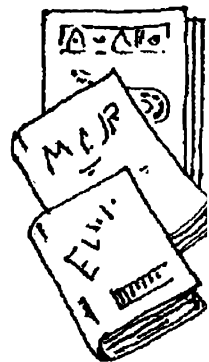

Держа ситуацию на постоянном контроле, американцы в конце концов поняли, что дипломат Скобелев, переведенный к тому времени на новое место службы в Швейцарию, не имеет никакого отношения к «советским атомным секретам» и что все это плод выдумки «советского патриота» Свидина.

После этой истории Свидин покатился по наклонной. ЦРУ продолжало на всякий случай отслеживать его судьбу. Спустя три года о нем упоминается в служебном рапорте:

...В июне 1950 года СВИДИН находился в тюрьме в Бельгии за попытку продать несуществующие пишущие машинки.

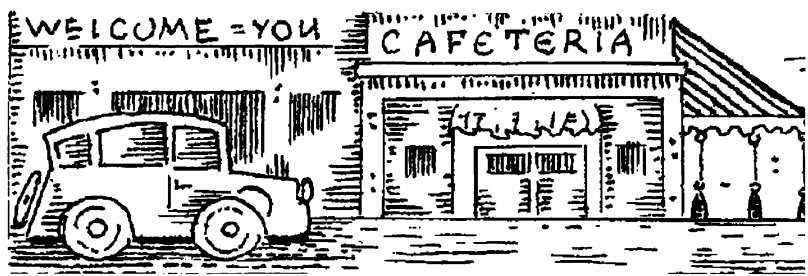
Далее следы бывшего офицера и издателя теряются.

Ватиканский аферист против трех разведок

Из порнобизнеса — в шпионы

Этим человеком были настолько очарованы в УСС, что легко проглотили поступившую от него в 1944 году явную нелепицу: донесение о том, что в недрах папской канцелярии разрабатывается план построить секретную взлетно-поса-

дочную полосу в парковой зоне Ватикана. Американскую спецслужбу не смутило то очевидное обстоятельство, что никакой самолет просто физически не сможет сесть на полосу длиной менее ста метров на склоне холма, не задев при этом многоэтажные здания и (боже упаси!) базилику Святого Петра, самую высокую постройку Рима.

Автором этого донесения был человек, имевший в картотеке УСС два псевдонима (романтический — «Корабль» и весьма прозаический — «Пыльный»), — Вирджилио Скаттолини. О нем позже скажут, что он был если не самым большим лжецом в мире, то уж точно единственным, чьи фантазии читали аж два президента США: Рузвельт и Трумэн. Рассекреченные документы ЦРУ проливают свет на интересные детали сотрудничества Скаттолини с американской разведкой.

Современники описывают его так: невысокого роста, довольно упитанный флорентиец, который многих раздражал своим всегда влажным рукопожатием. Это был лихой ремесленник от литературы, писавший в 1920–1930-х годах порнографические романы и пьесы, в которых фигурировали похотливые монахи, соблазненные богачами служанки, страстные амазонки и т. п. Чего стоят одни названия: «Эдакие женщины», «Кавалькада девственниц», «Амазонки на биде». На этой порномакулатуре Скаттолини неплохо зарабатывал. Но внезапно он перестал писать скабрёзные тексты и стал регулярно посещать католическую церковь. Толчком к этой метаморфозе послужил, как утверждается, брак Скаттолини с набожной католичкой. Некоторое время он служил в аппарате францисканского ордена, и в этом статусе опубликовал новое, не в пример прежним, произведение — поэму, восхвалявшую папу римского.

Осанна, спетая понтифику, сыграла свою роль: Скаттолини пригласили работать в ватиканскую газету «Римский обозреватель» («L'Osservatore Romano»). Но склонность к авантюрам сделала свое дело: считается, что именно в это время Скаттолини стал членом группы Энрико Пуччи, который, будучи неофициальным пресс-секретарем Ватикана, под

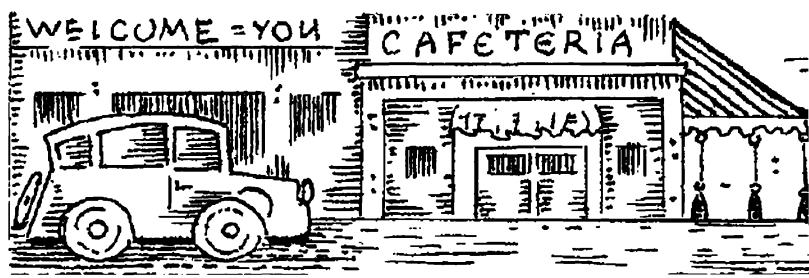
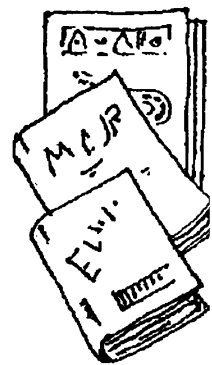
псевдонимом «Агент-96» шпионил на Муссолини в недрах Святого престола.

Монсеньор Пуччи был завербован еще в 1927 году начальником итальянской полиции Артуро Боччини. У «Агента-96» были хорошие отношения с миром прессы и папской администрацией, его высоко ценили в итальянской разведке. Пуччи был в курсе всего, что происходило во дворцах Ватикана, знал многое из того, о чем судачили в окружении понтифика, собирал сплетни о кардиналах, монахинях, солдатах швейцарской гвардии и папских библиотекарях.

Задачей Скаттолини, который стал ближайшим соратником Пуччи, было завязывать под прикрытием журналистской деятельности как можно больше новых знакомств и сообщать имена «политически нестойких» обитателей Ватикана своему шефу. Пуччи передавал эту информацию дальше, а затем уж итальянские спецслужбы решали, как быть в каждом конкретном случае. Ценную информацию в неформальных беседах сообщал хваткому журналисту симпатизировавший ему секретарь Государственного секретариата Ватикана Джованни Баттиста Монтини (с 1963 года папа Павел VI). Разумеется, Монтини не подозревал о том, что общается с осведомителем.

А теперь — на американцев...

Ситуация в Италии быстро менялась: в 1943 году смещен и отправлен под арест Муссолини, а 4 июня 1944 года Рим был освобожден от фашистов. На Вирджилио Скаттолини это не особенно отразилось: в новой ситуации он развил бурную деятельность и создал информационное агентство под названием «Общественный центр католического действия» — по сути, пресс-центр Святого престола, который поставлял редакциям газет и журналов информацию о жизни в Ватикане. В это же время он попал в поле зрения УСС и легко согласился сотрудничать с американцами.

Куратором Скаттолини стал руководитель Итальянского отдела контрразведки УСС Джеймс Джизес Энглтон; впрочем, Энглтон так ни разу и не снизошел до личной встречи, а общался с ним через связников. Работа в агентстве была отличным прикрытием. Среди тех, с кем контактировал Скаттолини, были собственные корреспонденты в Италии многих солидных газет и новостных агентств, в том числе корреспондент ТАСС.

Довольно быстро американцы поняли, что заполучили весьма ценного агента, способного поставлять уникальную информацию — Скаттолини имел доступ к ватиканским архивам. Он сообщил Энглтону:

Во время каждой аудиенции монсеньор Пио Россигнани, личный секретарь папы, записывает все, сказанное папой. Он готовит черновик записи, в который папа вносит свои исправления, прежде чем все это регистрируется в архиве.

То есть «Корабль» — «Пыльный» мог без труда узнать подробности всех переговоров, которые вел Ватикан. Вскоре он продемонстрировал это, отправив в Итальянский отдел контрразведки УСС детальные отчеты о двадцати папских аудиенциях. Американцы не преминули воспользоваться такой возможностью: Скаттолини получил задание добыть информацию о военных планах японцев в Тихом океане, и вскоре от него поступил отчет о тайной аудиенции, которую папа дал немецкому и японскому послам в Ватикане. Этот отчет содержал настолько важные сведения и, главное, показался УСС таким убедительным, что на его основе была составлена шифротелеграмма и отправлена в Белый дом. Личный секретарь президента Рузвельта — госпожа Грейс Талли написала руководству УСС в январе 1945 года: «Президент считает этот материал очень интересным и внимательно его перечитывает». После этого донесения Скаттолини были засекречены, и доступ к ним можно было получить лишь с санкции президента или госсекретаря США.

Вероятно, не менее внимательно изучал президент США и следующее сообщение Скаттолини — о том, что в высших

японских кругах растут антигерманские настроения и в Токио поговаривают о необходимости разрыва с рейхом. Там же говорилось о тайных, за спиной американцев, сепаратных переговорах между представителями советского командования и японскими высокопоставленными офицерами, на которых обсуждались варианты дальнейшего развития событий в акватории Тихого океана.

Затем «Корабль» — «Пыльный» сообщил, что папа обсуждает со своим ближним окружением вопрос о переводе из Нью-Йорка в аппарат Ватикана на высокую должность кардинала Спеллмана, американца по происхождению. Это открывало возможность избрания в дальнейшем американца главой Римско-католической церкви, в чем в Белом доме, по понятным причинам, были крайне заинтересованы.

Энглтон был очень доволен работой энергичного итальянца, который не только работал не покладая рук сам, но и сумел внедрить в Ватикан своего двоюродного брата Филиппо Сетаччолли. Отмечали работу Скаттолини и в штаб-квартире УСС, и в Белом доме.

«Бумажная фабрика» Скаттолини

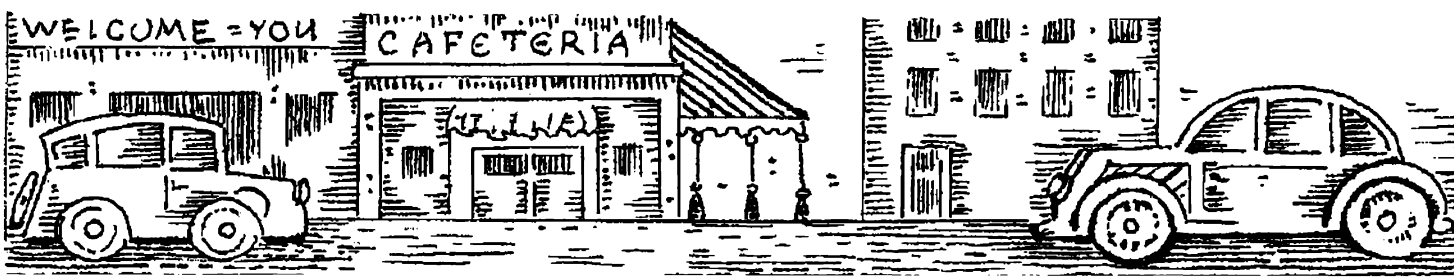
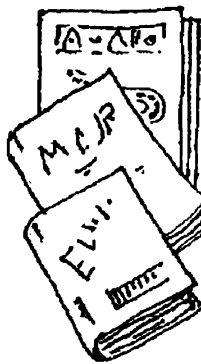
9 января 1945 года американские войска начали битву за Лусон — самый крупный остров Филиппинского архипелага. Президент Рузвельт постоянно контролировал ход военных действий. 11 января ему позвонил руководитель УСС Уильям Донован:

— Господин президент, получена информация такой важности, что я просил бы принять меня как можно скорее.

— Приезжайте немедленно.

Рузвельт был невозмутим, как обычно на людях, но можно представить себе его эмоции, когда он услышал от Донована:

— Из римской резидентуры доложили, господин президент. На днях состоялся разговор между папой римским Пием XII и одним из его кардиналов. Говорили о возможности посредничества Ватикана между союзниками и Японией. В Ватикане есть информация, что японский принц готовит

некий набор условий для обсуждения с США и Великобританией в целях достижения скорейшего мира. Даже обсуждались военные вопросы.

— Например? — спросил президент.

— Некий апостольский источник в Токио сообщил в Ватикан, что японцы недавно ввели в строй новый линкор, оснащенный девятью крупными, возможно, крупнейшими в мире, корабельными пушками. Этим кораблем командует адмирал Янучи. Отмечалось, что он католик. В донесении упоминается также наш посол в Ватикане Майрон Тейлор, который якобы встречался со своим японским коллегой.

— Идут переговоры, о которых мы ничего не знаем? — Губы Рузвельта слегка скривились. — Это не может быть дезинформацией? Перепроверьте все относительно Тейлора. Прошу вас сделать это максимально быстро. На Филиппинах гибнут граждане нашей страны. Какие еще переговоры?

Энглтон получил приказ Донована: немедленно проверить поступившую из Ватикана информацию и надежность ее источника. Настроение у него было хуже некуда — и тоже из-за Скаттолини, поскольку стало известно, что тот пытался продать сведения другим разведкам, в том числе британской и французской. У Энглтона даже возникли подозрения, что Скаттолини работает также на советскую разведку.

Сообщение Скаттолини о том, что в Ватикане состоялась встреча между американским послом Майроном Тейлором и послом Японии Кеном Харадой, на которой обсуждались вопросы перемирия в Тихом океане, было проверено — как по официальным, так и нелегальным каналам. В нем все было выдуманно от начала и до конца: Скаттолини всучил американцам заведомую «липу». Тем не менее до полного выяснения всех обстоятельств сотрудничество с ним решили не прекращать. Было не ясно: это система или единичный случай. От Скаттолини продолжили принимать донесения и платить ему за них по прежней ставке.

Точку на взаимоотношениях УСС и итальянского выдумщика поставил новый президент США Гарри Трумэн, который въехал в Белый дом после внезапной кончины Рузвельта. Ознакомившись с донесениями УСС, составленными на ос-

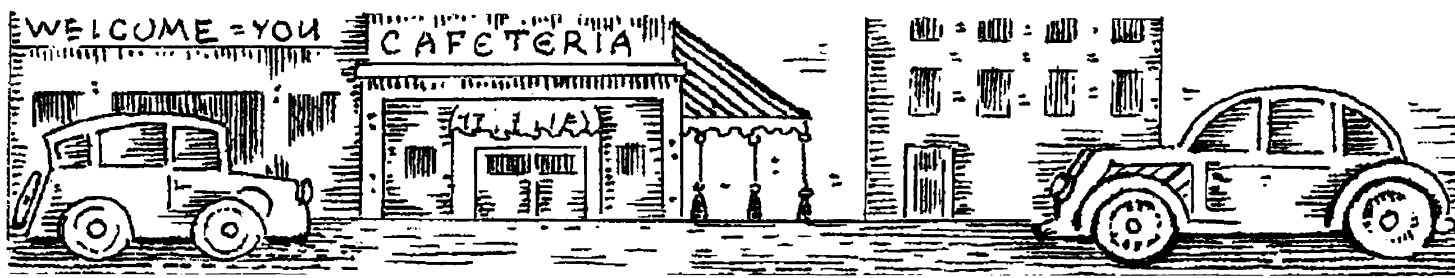
нове информации от «Корабля» — «Пыльного», он приказал перевести дело в уголовную плоскость. В сентябре 1947 года по представлению Отдела специальных операций УСС Скаттолини был арестован итальянскими властями. Арестовали и его правую руку Филиппо Сетаччолли, но вскоре, правда, отпустили, убедившись в том, что он был лишь техническим исполнителем и понятия не имел о масштабах фальсификаций своего родственника.

В УСС приложили немало усилий, чтобы выяснить, не был ли Скаттолини японским шпионом и не готовились ли его донесения с целью рассорить союзников по антигитлеровской коалиции. Но никаких доказательств работы на Токио найдено не было. Отрабатывали и такую версию, что Скаттолини был сотрудником итальянской разведки, которая намеренно поставляла американцам ложную информацию. Высказывалось и предположение, что такую спецоперацию могли разработать ватиканские спецслужбы.

Анализ полученных от Скаттолини с сентября по декабрь 1945 года 435 отчетов потряс сотрудников УСС: 35 процентов отчетов содержали правду «частично», 16 процентов были «абсолютной ложью», а остальные «не поддавались точной оценке». Выяснилось, что стенограммы папских аудиенций не велись, то есть в архивах Ватикана вообще не было документов, которые обильно «цитировал» в своих донесениях Скаттолини. Проще говоря, порнограф и авантюрист обильно кормил американцев фальшивками и полуправдой. И делал это за хорошие деньги: Энглтон передавал ему ежемесячно 500 долларов — сумму для тех лет весьма приличную.

Позже по результатам изучения деятельности Скаттолини ЦРУ выпустило обширную аналитическую записку под названием ««Бумажные фабрики» и фальсификации». «Бумажными фабриками» в ней именуются источники, поставляющие информацию из смеси достоверных сведений и вымысла, что, как правило, исключает их равновесное использование. В этой записке делается вывод:

Можно предположить, что материал (полученный от Скаттолини. — А. К.) способствовал дезинформации правительственных

чиновников США, ответственных за анализ внешней политики Ватикана в рассматриваемый период.

Удивительно, но на карьере Энглтона этот «прокол» никак не повлиял. Он продолжил уверенно двигаться к посту руководителя контрразведки ЦРУ, который и занял в 1954 году.

Что же касается Вирджилио Скаттолини, то его местные власти, поскольку Италии он никакого ущерба не нанес, через полгода выпустили из тюрьмы. Время, проведенное за решеткой, мало на него повлияло. Оказавшись на свободе, Скаттолини тут же бросился в пучину политической борьбы, начав на этот раз сотрудничать с компартией Италии. Из-под его пера рекой полились антиватиканские сочинения. Заметим, что писал бывший «Пыльный» лихо, ехидно и имел своего читателя. Позже в Швейцарии вышел подготовленный им двухтомный сборник материалов под названием «Тайная дипломатия Ватикана», который последний раз вознес Скаттолини на пик популярности. Материалы из сборника обильно цитировались коммунистической (да и не только коммунистической) печатью, но затем последовала целая буря опровержений.

Авантюрист и здесь не изменил себе, насочиняв многое из опубликованного. Упомянутые в книге люди возмущенно отвергали обвинения в свой адрес и обращались в суды. Репутация Скаттолини была окончательно подорвана, и куда бы он ни совался в дальнейшем, всюду получал отказ. По некоторым данным, он писал мемуары, но их, кажется, опубликовать не сумел. С человеком, который умудрился равным образом настроить против себя западные спецслужбы и коммунистов, никто не хотел иметь дела. А ему так хотелось вершить судьбами людей и, может быть, даже целых государств... Хотя лучше бы, пожалуй, он вернулся к сочинениям про развратных девственниц и амазонок, и тогда вряд ли кто-нибудь стал придирается к тому, что родила его фантазия.

Лауреат Пулитцеровской премии и криптография

«Вернуть отправителю»

Правая половина конверта была крест-накрест перечеркнута, а рядом написано: «Вернуть отправителю». И еще одна пометка: «Местонахождение неизвестно». Речь шла о полковнике военной разведки США Джоне Ловелле, которому журналист Луи Лохнер написал это письмо. Но оно вернулось в нераспечатанном конверте.

Через знакомых Лохнер узнал подробности: Джон Ловелл два года назад попал в плен в Корею — сбили самолет, на котором он летел. С того времени о полковнике не было никаких сведений.

Луи Лохнер познакомился с Джоном Ловеллом в мае 1942 года. Он, корреспондент информационного агентства «Ассошиэйтед пресс» в Германии, в 1941 году был интернирован в лагере неподалеку от Франкфурта-на-Майне, а Ловелл был в числе тех, кто занимался обменом пленными, который привел к его освобождению. Теперь же он искал встречи с Ловеллом, поскольку принимал участие в судьбе изобретателя шифровальной машины, который хотел сотрудничать с американцами.

Луи вскрыл конверт и перечитал собственное письмо — то самое, которое предназначалось пропавшему без вести полковнику:

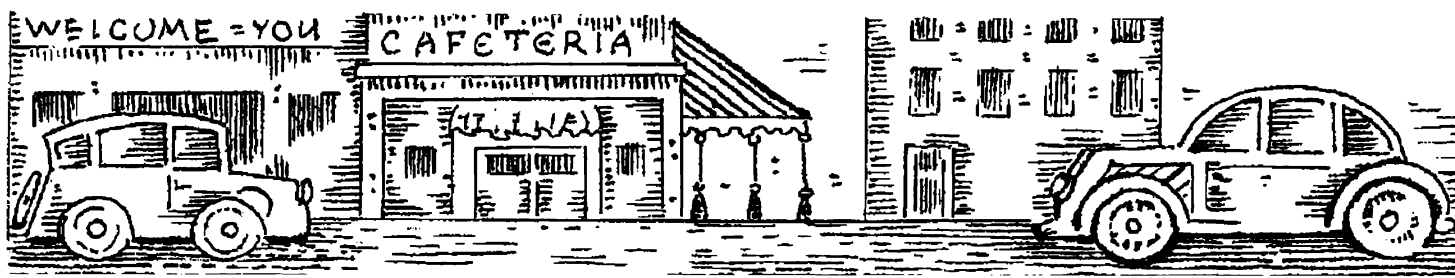
13 мая 1952 г.

Полковнику Дж.Р. Ловеллу.

Пентагон, Вашингтон.

Дорогой Джек!

Давненько не виделись, как говорится. Мне даже интересно, дойдет ли это послание до тебя в Вашингтоне. Ты ведь можешь быть где-то в другом конце мира и, как всегда, занят важными делами. Кроме того, я не знаю, какое у тебя сейчас звание. Если

ты стал генералом, то прости меня, что я тебя «понижил» — меньше всего я хотел бы тебя задеть.

Суть моего письма в следующем: перед Второй мировой войной я познакомился с украинским изобретателем (конечно же, антикоммунистом), который жил в Берлине и разработал замечательную машину кодирования и декодирования. Об этой машине выдающиеся математики говорили, что врагу просто невозможно будет расшифровать что-либо, зашифрованное ею.

Этот человек, Александр фон Криха, пережил войну и снова занялся бизнесом в Гамбурге-Альтоне (его адрес: Hohenzollerning, 86). Сейчас он находится в поездке по Южной Америке, где, очевидно, убеждает местных господ в мундирах в том, что его машина — The Real McCoy (дословно: «Настоящий Маккой» — идиома, означающая что-то по-настоящему ценное. — А. К.). В июле он прибудет в Нью-Йорк.

Естественно, он хочет увидиться с подходящими людьми в Вашингтоне. У меня есть отличные проспекты его машины на немецком языке и один на английском, который несколько неверно переведен с немецкого. Я не прилагаю эти документы к этому письму, потому что сначала хочу убедиться, что оно до тебя дойдет.

Ты знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я вовсе не витаю мечтательно в облаках или пытаюсь затеять дела с проходимцем. Машина этого человека уже используется рядом правительств как для военного, так и для дипломатического обмена сообщениями.

Поэтому, пожалуйста, дай мне знать, что это послание до тебя добралось...

Послание не добралось. Позже журналист узнал, что его друг-полковник в то время, когда он писал ему письмо, был уже мертв после пыток в контрразведке КНДР.

Но был жив послуживший немцам во время войны украинец Александр фон Криха, который хотел теперь быть полезен Америке.

Талантливый харьковчанин

Александр фон Криха родился 31 октября 1891 года в Харькове. Понятно, что частица «фон» в его фамилии тогда отсутствовала, а сам он был просто Сашей. Во время Первой мировой войны Криху мобилизовали рядовым в российскую армию. А после Октябрьской революции он эмигрировал в Германию, получил немецкое гражданство и поселился Берлине.

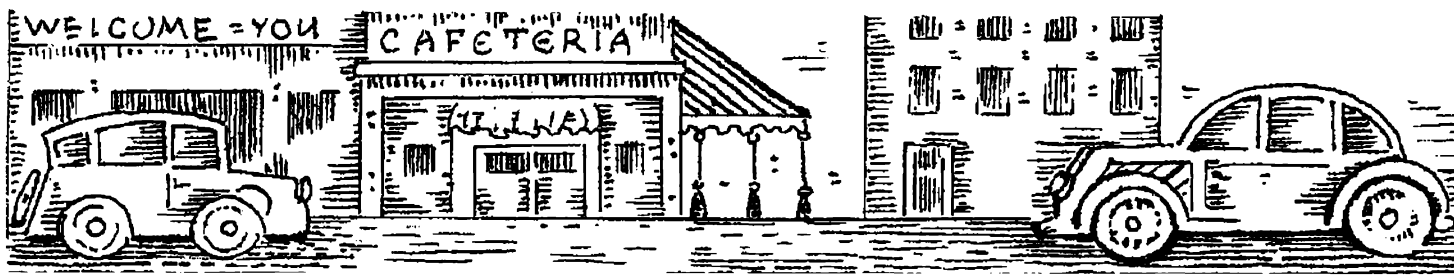
Здесь склонный к изобретательству талантливый харьковчанин придумал шифровальную машину, которой дал свое имя — «Kryha-Standard» («Криха-стандарт»). Потом появились ее модификации — уменьшенная версия «Kryha-Liliput» («Криха-лилипут») и «Kryha-Elektroschreibende» («Криха-электрописарь»). Шифровальная машина Александра фон Крихи, весившая всего 4 килограмма, стоившая 1500 марок и гарантировавшая, как считалось тогда, полную секретность сообщений, была успешно испытана в 1928 году во время перелета дирижабля через Атлантику.

Во время Второй мировой войны германские дипломаты широко пользовались ею для шифрования своих депеш и не догадывались, что все это читается американцами. Те смогли разобраться, на чем основано изобретение Крихи. После войны это обстоятельство вскрылось, и шифровальная машина Крихи оказалась на свалке.

Луи Лохнер познакомился с Крихой до войны, когда тот был на пике славы. Потом они несколько раз встречались на технических выставках и всегда по-доброму общались. С тех пор много воды утекло. Лохнер приобрел известность, получил Пулитцеровскую премию, а Криха оказался не у дел и практически без средств к существованию.

По новому адресу

Получив известие об исчезновении Ловелла, Лохнер не успокоился. Ему пришло в голову, что Криха, вспомнив о своих корнях, предложит свои услуги советской разведке. И тогда

он решил обратиться напрямую в ЦРУ, тем более что был знаком с его начальником Алленом Даллесом.

Он вложил в конверт письмо, не дошедшее до Ловелла, и еще одно — сопроводительное:

30 мая 1952 г.

Господину Аллену В. Даллесу,
Центральное Разведывательное Управление,
Вашингтон.

Дорогой Аллен!

Когда я писал это письмо, я не знал о том, что мой друг Джек Ловелл пропал без вести...

Я решил избавить себя от переписывания того, что содержится в письме к Джеку, — я, пенсионер, не могу позволить себе роскоши в виде секретаря, — и поэтому просто пересылаю Вам письмо, которое адресовал ему. Могу ли я попросить Вас написать мне о том, стоит ли г-ну фон Крихе связаться с Вами или Вашим агентством, когда он прибудет сюда в июле? Вероятно, к тому времени я буду в Германии, где намереваюсь собрать материал для новой книги, и, следовательно, не смогу представить его лично.

С уважением,
Искренне Ваш...

Ответ руководителя ЦРУ пришел 21 июня 1952 года. Даллес писал журналисту:

Уважаемый Луи!

Я должен извиниться за задержку с ответом на Ваше письмо от 30 мая 1952 года, касающееся шифровальной машины КРУНА; нам, поскольку наше агентство не имеет прямого отношения к криптографии, необходимо было связаться с соответствующими правительственными органами, заинтересованными в этом вопросе.

Я принял необходимые меры, чтобы г-н фон Криха мог связаться, если он того пожелает, с [...] (фамилии в копии рассекреченного документа замазаны. — А. К.). [...] организует любые

встречи с должностными лицами правительства США, если в этом возникнет необходимость.

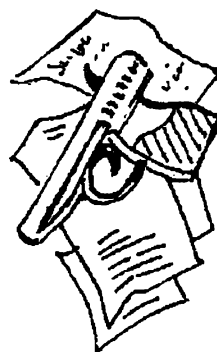
Ваша заинтересованность в доведении до нашего сведения информации о г-не фон Крихе искренне приветствуется.

Искренне Ваш...

Надо полагать, Аллен Даллес назвал в письме имя кого-то из ведущих криптологов США. Состоялась ли встреча с ним Крихи? Об этом нет данных. Но можно утверждать, что эта встреча, если она была, не привела к сотрудничеству. Криха вернулся в Европу, окончательно впал в бедность и, потеряв всякую надежду обрести достойное место в жизни, в 1955 году в Баден-Бадене покончил жизнь самоубийством; ему было 63 года.

Лохнер пережил его на двадцать лет и написал за это время несколько книг. Одна из них — «Кровавый контракт. Круппы, Боши, Сименсы и Третий рейх» — получила известность в России. В ней автор на основе тщательно изученных документов и фактов раскрывает историю взаимоотношений крупных немецких промышленников и гитлеровского режима. По сути, Лохнер был антифашистом.

Тем не менее его имя оказалось замешано в скандале, когда журналистов агентства «Ассошиэйтед пресс» обвинили в сотрудничестве с нацистским режимом в Германии.

Сотрудничало ли «Ассошиэйтед пресс» с Гитлером?

В марте 2016 года в британской газете «Гардиан» появилось интервью историка Гарриеты Шарнберг, которая высказала предположение, что «Ассошиэйтед пресс» сохранило доступ к информации во время правления в Германии Гитлера лишь благодаря взаимовыгодному сотрудничеству с нацистами. В частности, Шарнберг сказала:

«Ассошиэйтед пресс», которое называет себя «корпусом морской пехоты журналистики» («всегда первыми вступаем и послед-

ними отступаем»), было единственным западным новостным агентством, которое не было закрыто в гитлеровской Германии и продолжало работать до вступления США в войну в 1941 году. Таким образом, оно оказалось в очевидно выгодной ситуации главного источника новостных репортажей и фотографий из тоталитарного государства... «Ассошиэйтед пресс» уступило нацистам контроль над своей продукцией, подписав так называемый редакционный закон и пообещав не публиковать никаких материалов, рассчитанных на ослабление мощи рейха в стране и за ее пределами.

В подкрепление своей позиции историк привела такой аргумент:

Вместо фотографий продолжавшихся несколько дней погромов во Львове, в ходе которых погибли тысячи евреев, американская пресса получала только фотографии жертв советских органов и «беспощадных» военных преступников из Красной армии.

В «Ассошиэйтед пресс» засуетились. После некоторого замешательства был опубликован официальный ответ вице-президента и директора по связям со средствами массовой информации агентства Пола Колфорда. Он заявил:

«Ассошиэйтед пресс» отвергает предположение о сотрудничестве с нацистским режимом в какой-либо период времени. Скорее, наоборот, «Ассошиэйтед пресс» подвергалось давлению со стороны нацистского режима в период от прихода Гитлера к власти в 1933 году до того момента, когда агентство было изгнано из Германии в 1941 году. Сотрудники «Ассошиэйтед пресс» сопротивлялись давлению, одновременно прикладывая все усилия к тому, чтобы собирать точную, важную и объективную информацию для всего мира в это опасное время.

Историческое исследование г-жи Шарнберг касается дочерней структуры британского офиса «Ассошиэйтед пресс» — немецкого фотоагентства, созданного в 1931 году, за два года до прихода к власти нацистов. В 1935 году эта «дочка» вынужденно

подчинилась закону о прессе и продолжила работать в Германии и позже за ее пределами, в странах, оккупированных Германией.

Впрочем, Колфорд согласился с тем, что американские СМИ публиковали фотографии, полученные через эту структуру. Но при этом утверждал, что снимки подвергались американской цензуре (то есть в печать шло далеко не все) и снабжались соответствующими подписями.

Особенно же вице-президент «Ассошиэйтед пресс» упирал на то, что работа агентства в 1930-е годы помогла предупредить мир о фашистской угрозе, а глава берлинского бюро Луис Лохнер противостоял требованиям уволить сотрудников-евреев, а позже, спасая их жизни, перевел их на работу в корпункты за пределами Германии.

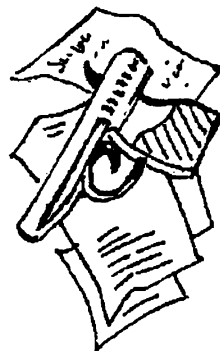
В отношении Лохнера вопросов нет, а вот в отношении «Ассошиэйтед пресс», думается, они остались.

«Эликсир молодости» увезли контрабандой

Секретные формулы

Они все обсудили и обо всем договорились, пока ехали в Шереметьево на его «Волге». Ольга волновалась, опасаясь, что на таможне ее заставят открыть сумочку и найдут записи с химическими формулами. Пойдут расспросы, снимут с рейса, а потом, кто знает, что может случиться: суд, тюрьма, позор...

Показалось здание аэропорта. Ольга подумала, что могла бы отказаться от просьбы Всеволода — и так хватает забот с попыткой вывезти маму к себе в США, но отказать Замкову она не могла: ведь это его отец вылечил ее от слепоты. Было это в Москве в 1942 году, когда она училась в консерватории. Замков-старший исцелил ее с помощью лекарства, формула которого лежит в ее сумочке. Это гравидан. Тот самый скандальный гравидан, и им теперь занимается сын Алексея Замкова — Всеволод.

Знаменитая фамилия

Встретившись с гражданкой США Ольгой Бакеро, бывшей своей соотечественницей, Всеволод рисковал нарваться на неприятности с КГБ: та, которую он подвозил сейчас к аэропорту, перебралась в Германию, потом вышла замуж за гражданина Колумбии и в конце концов уехала в США. В 1964 году такая биография вызывала вопросы не только у властей, но и у простых людей, еще помнивших войну, борьбу с «врагами народа» (в том числе и после победы над Гитлером) и регулярно читавшими советские газеты.

Общение с таким человеком было не к лицу выходцу из знаменитой советской семьи. Мама его была прославленным скульптором, автором группы «Рабочий и колхозница», отец — ученым, врачом-экспериментатором, мечтавшим победить старость. Вера Мухина и Алексей Замков — эти имена и по сей день говорят о многом.

Всеволод пошел в науку по стопам отца. На это, помимо прочего, повлиял эпизод из детства: подростком он долго болел костным туберкулезом, ему готовились отнять ногу, но отец вылечил его своим «эликсиром» под названием гравидан.

В 1930-х годах Замков-старший оттолкнулся от открытия биолога Ашгейма и эндокринолога Цондека, обнаруживших в моче беременных женщин большое количество гормона, который положительно влияет на половую сферу животных и человека. Он предложил использовать в лечебных целях мочу беременных, особым образом обработанную, и создал препарат, который назвал гравиданом (от латинского «гравидитас» — беременность).

Начались опыты с животными, которые показали: гравидан не только стимулирует сексуальную сферу, но в ряде случаев дает общий омолаживающий эффект. Полудохлые, полысевшие мыши после инъекций гравидана превращались в бойких Микки-Маусов. Поразительные результаты показали опыты с лошадьми: старый рысак, которого готовили к за-

бою, после уколов гравидана обрел в отличную физическую форму, в том числе в сексуальной сфере.

Алексей Замков продолжил опыты на себе. Вот как он описал свои ощущения после приема гравидана: «Будто выпил бутылку шампанского! Длился этот подъем, ну, дней десять». Потом в эксперименты включились добровольцы. Показательный пример: у 85-летнего старика появилось сильное половое влечение после 27-летнего «антракта». Гравидан помогал избавиться от ломки наркоманам, купировал приступы психических расстройств. В какой-то момент стало казаться, что вот она — вожденная панацея от всех болезней.

Это был звездный час Алексея Замкова. Его назначили руководителем специально организованного Института урогравиданотерапии. А однажды в дверь квартиры Замкова и Мухиной позвонил посланец короля Таиланда, который пригласил доктора Замкова возглавить местную медицинскую академию. Но доктор и не думал покидать СССР — он хотел работать на благо своей страны.

Новый метод внедряли в поликлиниках, опорные точки гравиданотерапии создавались на предприятиях и в учреждениях. Но со временем выяснилось, что новинка действует на каждый организм по-своему и дает множество неприятных побочных эффектов. Это обрадовало завистников и недоброжелателей Алексея Замкова. Институт закрыли и переоборудовали под больницу для алкоголиков, аппаратура для производства новых модификаций гравидана была заброшена и со временем пришла в негодность. Правда, на фармацевтических фабриках гравидан производить не перестали, и в советских аптеках он продавался до 1964 года, пока, после ряда критических публикаций, приказ Минздрава СССР не поставил в его судьбе окончательную точку. Это был конец мечтам не только уже покойного (он умер в 1942 году) Алексея Замкова, но и его сына — Всеволода. Неужели то, над чем работал отец и что помогло стольким людям, отныне никому не нужно?

Генри и его русская жена

Ольга открыла свой чемодан, показала пакеты, отворила зев белой дамской сумочки. Насупленный таможенник в сумочке копать не стал, махнул рукой — можете проходить.

Через несколько часов записи с формулами усовершенствованного медицинского препарата, разработанного его отцом, прибыли в США. Это вариант гравидана предназначался для лечения от радиоактивного поражения.

Идея спасти плоды отцовского труда пришла к Всеволоду сразу после запрещения продажи гравидана в СССР. Он — пусть и не медик, но все-таки ученый, специалист в области молекулярной физики, кандидат наук — искренне верил в гравидан.

Поначалу Замков-младший думал передать отцовские материалы американскому журналисту Генри Шапиро через его русскую жену — Людмилу. Генри Шапиро был известным американским журналистом, он возглавлял в Москве корпункт информационного агентства «Юнайтед пресс интернейшнл» — ныне уже исчезнувшее, но тогда одно из крупнейших в мире. В СССР он работал с 1933 года — корреспондентом газет «Нью-Йорк геральд трибьюн», «Морнинг пост» и информационного агентства «Рейтерс».

В 1937 году Генри Шапиро женился в Москве на советской гражданке Людмиле Никитиной. В том же году последовало его назначение руководителем корпункта «Юнайтед пресс интернейшнл» в Москве. Шапиро писал для американских читателей об убийстве Кирова, о «московских процессах», он первым из западных журналистов побывал во время войны в Сталинграде. До сих пор остается загадкой, каким образом Генри Шапиро при жесточайшем контроле со стороны советских властей узнал о смерти Сталина до официального сообщения и передал эту информацию в США.

«Шапиро ничего не боится и все может», — был уверен Замков. Но лично Шапиро он не знал, поэтому договорился о встрече с его женой, которой и рассказал о своей затее. Она

обещала передать все мужу, и они условились встретиться снова.

На вторую встречу, у памятника Пушкину, Всеволод пришел с портфелем, в котором лежала приготовленная для Шапиро плотно набитая папка. Но Людмила остудила его пыл:

— Всеволод, мне очень жаль. Но Генри отказывается. Он считает, что это будет классический научно-технический шпионаж. Если все обнаружат, за соучастие его вышлют из СССР в течение 24 часов. Меня, кстати, тоже. Такого поворота судьбы мы не жаждем... Извините... Мы не можем рисковать... И будьте осторожны. Мы на вашей стороне.

Беседа в Ранкине

После этого Всеволод Замков стал искать и нашел другой вариант. Тут его ждал успех: Ольга Бакеро, пианистка и гражданка США, увезла формулы за океан.

После этого в прессе писали о том, что в США производится некий препарат, который рекламируется как дженерик гравидана; при этом добавляли, что не могут сказать, какое отношение это имеет к настоящему гравидану. Но теперь рассекреченный документ ФБР позволяет предположить, что это был тот самый гравидан. В рапорте сотрудника ФБР от 13 июля 1964 года о беседе с Ольгой у нее дома в небольшом городе Ранкине (штат Иллинойс) говорится:

Замков сказал ей, что ему не нужно никаких финансовых выгод от этой формулы, но если она окажется успешной, он в конечном итоге хотел бы, чтобы имя его отца было известно...

Всеволод Алексеевич Замков ушел из жизни в 2003 году. Ни в одном из своих интервью он ни разу, даже намеком, не коснулся этой истории.

Теперь поздно оценивать этот его поступок. Нельзя узнать все обстоятельства и можно только догадываться о моральном состоянии ученого после запрета гравидана.

А американский журналист Генри Шапиро проработал в СССР до брежневских времен. Возможно, он ничего не знал о попытке вывезти секретные формулы — не исключено, что его жена перестраховалась и отказала Всеволоду Замкову в помощи, даже не поставив мужа в известность.

Два мира — два Шапиро

С американским журналистом Генри Шапиро связана популярная байка, ключевой фразой которой стало выражение «Два мира — два Шапиро». Его употребляют, когда хотят подчеркнуть разницу в менталитете и привычках жителей разных стран.

Писатель Владимир Войнович излагает историю, породившую крылатую фразу, так:

Корреспондент агентства ЮПИ Генри Шапиро, проходя мимо здания ТАСС, увидел валивший оттуда дым. Он позвонил в дверь. Никто не отозвался. Он позвонил по телефону. Трубку снял дежурный Соломон Шапиро.

- У вас пожар, — сказал ему Генри.
- А кто это говорит? — спросил Соломон.
- Шапиро.

Советский Шапиро решил, что его разыгрывают, и бросил трубку. Американский Шапиро сообщил по телефону в Нью-Йорк, что в Москве горит здание ТАСС. Сообщение ЮПИ было по телетайпу принято советским Шапиро. Он открыл дверь в коридор и тут же убедился, что лживая американская пресса не врет — коридор был в дыму. Пожар как-то потушили, но память о нем сохранилась в шутке: два мира, два Шапиро.

Разумеется, это байка, но, согласитесь, весьма остроумная.

Ария из чужой оперы

Из-за острова на стрежень...

В начале 1960-х годов эта история поразила США и Европу, но не добралась через фильтры цензуры до читателей советских газет. Речь шла о провале внешней разведки КГБ, и хвастаться особо было нечем: 37-летняя оперная певица примерно год водила за нос советскую спецслужбу в Восточной Германии.

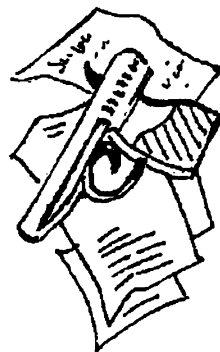
Звали обладательницу так называемого вагнеровского сопрано Габриэлой Кармен Хаммерштейн. На сценах американских театров она поражала слушателей мощным голосом с диапазоном от соль малой октавы до до третьей. Ей прекрасно удавались партии Турандот, Электры, Саломеи, Изольды.

У Габриэлы была мечта: петь в берлинской опере и сделать карьеру в Европе. Дело в том, что Германия была ее родиной, — родители вывезли ее оттуда, когда начались преследования евреев. И хотя с 1949 года театр оказался в советском секторе, Габриэла, приехав в Германию в 1960 году, твердо решила заключить с ним контракт. Она жила предвкушением выступлений в Staatsoper, пусть даже при коммунистах, но на родной земле. Однако подстраховалась: квартиру сняла в британском секторе, в пригороде Берлина — Халензе.

Директор театра приболел, и переговоры на несколько дней были отложены. Габриэла решила посвятить это время обустройству своего жилища — переставить кое-что из мебели, повесить картины, протереть пыль. Посреди хозяйственных хлопот зазвонил телефон.

Габриэла подняла трубку и услышала мужской голос, говоривший по-немецки с сильным русским акцентом:

— Здравствуйте, госпожа Хаммерштейн. Это Ваулин. Во время нашей последней встречи вы предложили мне встретиться за чашкой кофе, когда вы будете в Берлине. Могу ли я принять ваше предложение?

Ваулин, Ваулин... какой такой Ваулин? Ах да! Габриэла, наконец, вспомнила:

— Здравствуйте, господин Ваулин. Я вас сразу узнала. Спасибо, что позвонили. Буду рада встретиться и пообщаться.

Ваулин был атташе по культуре советского посольства в Восточной Германии. Габриэла познакомилась с ним, когда во время своего предыдущего визита в Берлин вела предварительные переговоры о контракте. Это была ее просьба к администрации Staatsoper: пусть при переговорах присутствуют представители СССР. Габриэле казалось, что уж лучше иметь дело с теми, у кого в руках реальная власть.

Ваулин спросил:

— Вы не возражаете, если я приеду с коллегой? Мы сидим в одном кабинете, очень достойный человек.

В кафе Ваулин приехал с неким Алексеем Раковым. Подарили даме большой букет роз. И во время беседы предложили выступить в советском посольстве. Габриэла приняла предложение — ее подкупило обещание, что на вечере будет несколько влиятельных немецких музыкальных критиков, которые, при содействии советских властей, создадут выгодный фон для нового этапа ее карьеры.

Через неделю Раков привез Габриэле ноты русских песен, среди которых певице особенно нравилась народная, про Стеньку Разина: «Из-за острова на стрежень...» Она ходила по квартире и напевала ее вполголоса...

Настроение певицы, однако, сильно ухудшилось после посещения консульства США. Габриэла поделилась новостями с консулом Бруком, который немного ей покровительствовал. Тот посмотрел на нее озадаченно:

— Здесь, Габи, что-то не так... Ни одному американцу еще не предлагали выступить с концертом в русском посольстве.

Консул пригласил в кабинет Роберта Беннетта (позже Габи узнала, что он был штатным работником ЦРУ).

Беннетт выслушал историю про приглашение в посольство и сказал:

— Соглашайтесь, госпожа Хаммерштейн. Но будьте осторожны.

Габриэла пообещала. Она чувствовала себя на подъеме, она жила музыкой, искусством, все остальное казалось ей слишком мелким и скучным, а уж вся эта политика — и вовсе делом второстепенным...

Концерт под портретом Ленина

Алексей Раков ждал Габриэлу возле оперного театра, куда она в очередной раз приезжала на переговоры, которые никак не заканчивались. Он распахнул перед ней дверцу маленького черного «фольксвагена», и настроение певицы начало поправляться. В отличие от людей из дирекции театра, Раков производил весьма приятное впечатление.

Габриэла рассчитывала, что ехать им придется всего несколько минут — посольство Советского Союза находилось всего в двух или трех кварталах от Staatsoper. Но юркий «фольксваген» набрал ход, и вскоре стало понятно: они едут в сторону Карлсхорста, где находилась штаб-квартира советских войск в Германии.

Раков улыбнулся:

— Ситуация изменилась, мы приглашаем вас спеть для наших офицеров.

Контрольно-пропускной пункт, часовые, проверка документов... Машина въехала на закрытую территорию с советскими флагами и плакатами на русском языке. Еще немного — и вот уже Габриэла в сопровождении Ракова входит за кулисы...

Задник сцены украшал огромный портрет Ленина в обрамлении флагов советских республик. Габриэла исполнила партию Брунгильды из оперы Вагнера «Валькирия», потом спела несколько русских народных песен, в том числе и ту самую, про Стеньку Разина. Популярное в те годы танго «Поцелуй огня» из репертуара Луи Армстронга ее просили спеть на бис пять раз.

Потом был шикарный фуршет, и кружилась голова от шампанского и сверкающих погон и медалей.

Но главная партия, вовсе не вокальная, ее ждала впереди.

Завербуй меня нежно

Певица продолжала встречаться с Раковым. Они посетили несколько дружеских вечеринок. Там в честь Габриэлы поднимали бокалы с шампанским и говорили красивые тосты.

Однако постепенно Габриэла стала замечать, что интересы сотрудника атташата по культуре приобретают странный уклон. Так, однажды Раков попросил ее перечислить друзей-американцев в Западном Берлине. Она рассказала об этом в американском консульстве, и Беннетт дал на это добро, но так как друзей было не особо много, Габриэла по собственной инициативе включила в свой список несколько выдуманных имен.

Приукрасила она и свой рассказ Ракову о поездке в Западную Германию, сообщив о «колонне американских танков неподалеку от границы», которые грохотали гусеницами лишь в ее воображении. В какой-то момент Габи сама, без подсказки Беннетта, поняла, что ее пытается использовать русская разведка. Но если КГБ поможет ей с контрактом, заключение которого все откладывалось, — почему бы и не поиграть с русской спецслужбой?

Декабрьским утром ей позвонил Раков и сообщил, что у него есть «влиятельный друг», который сейчас в Германии и хочет встретиться с ней. Этот друг, сказал Раков, участвовал в отборе музыкантов для участия в Международном конкурсе имени Чайковского в Москве и был одним из тех, кто поспособствовал карьере знаменитого Ван Клиберна.

Знакомство с другом Ракова, похожим на скандинава мужчиной с редкими рыжевато-светлыми волосами, состоялось в Карлсхорсте. Друг представился Евгением Хедровым. На самом деле это был полковник КГБ Евгений Алексеевич Заостровцев.

Разговор продолжился в небольшом ресторане. Хедров хвалил творчество Габриэлы, говорил, что много раз слушал магнитофонные записи с ее оперными партиями и русскими песнями, заметив, что бобины с записями передали ему сослуживцы из Карлхорста.

— А вы по своей работе как-то связаны с искусством? — спросила Габриэла.

Хедров улыбнулся:

— Можно сказать так: я политический деятель с культурным уклоном... Я немного пишу об искусстве. Хочу что-нибудь написать о вас. Печатаюсь в «Огоньке», в основном... А знаете что? — Хедров неожиданно воодушевился. — Предложу-ка я журналу очерк о том, как возвращается на родину талантливая певица. Она жила когда-то в Веймарской республике, потом немного при Гитлере, эмигрировала в США. И вот теперь она снова в Германии, поет для слушателей Германской Демократической Республики! И понимает, что только здесь ее талант откроется во всей своей полноте... Ее будут знать в других странах, ставших под крылом Советского Союза на социалистический путь... Кстати, у меня для вас приятный сюрприз, — неожиданно объявил Хедров ошарашенной Габриэле.

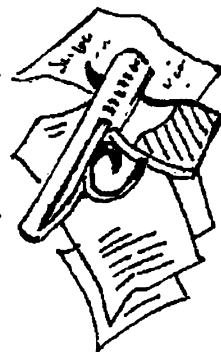

Сюрприз действительно был приятный: это были два контракта на сольные концерты в Дрездене и Лейпциге. Габриэла, разумеется, их подписала и стала благодарить благодетеля, но тот отмахнулся:

— Для меня это было не очень сложно. А вы, госпожа Хаммерштейн, этих контрактов достойны.

— Можно просто Габи.

— Спасибо. Тогда зовите меня Евгением. Давайте встретимся еще. Я буду... ну что ли... пропитываться вашими мыслями, настроениями, вашим отношением к миру. Все это пригодится для будущего очерка. А теперь — немного шампанского!

В какой-то момент несколько неожиданно для себя Хаммерштейн спросила:

— Я могу быть вам чем-то полезна?

Хедров выдержал длинную паузу:

— Вы знаете, Габи, я ведь в первую очередь политик. Мои интересы — политика. А политика — это люди. Люди, принимающие решения. Вот если бы вы помогли бы мне познакомиться, пусть пока заочно, с людьми из вашего окружения — политиками, военными, чиновниками — я был бы

вам очень благодарен. Можно вас попросить быть моим, так сказать, гидом по американской жизни в Германии?

Габриэле хотелось сказать: «У меня нет особых знакомств, я не знаю людей, которые могут вас заинтересовать. Я ведь певица. Мое окружение — импресарио, дирижеры, солисты, директора театров». Но вместо этого она ответила:

— Постараюсь быть вам полезной.

В тот же день она позвонила Беннетту, попросила о встрече и рассказала об этом разговоре.

— Послушайте, Беннетт. Они мне помогают. Хедров предложил публикацию обо мне в советской прессе. Это серьезная реклама. Вы меня должны понять... Послушайте, раз уж так получилось, то пусть я буду двойным агентом и стану работать на правительство США, — предложила Габриэла. — Я могла бы продавать КГБ фальшивую информацию.

Беннетт пожал плечами:

— Вы к этому не готовы, Габи. Подумайте хорошенько, надо ли вам связываться с русскими. Ведь вы рискуете. Может быть, вам лучше вовсе вернуться в США? — предложил он.

Возможно, Беннетт сильно ошибся, отказавшись от шанса внедрить своего агента в стан противника. А может быть, наоборот, проявил дальновидность.

Как бы то ни было, его предостережения прошли мимо ушей Габриэлы. Она твердо решила, что не упустит свой шанс.

Проглотил крючок, леску и грузило

Габриэла Хаммерштейн была порывистой, увлекающейся, но далеко не глупой женщиной. Что делать теперь, когда она сказала русским «да»? Переписывать для них газетные новости? Раскусят сразу.

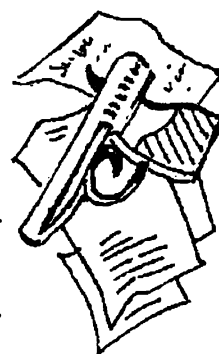
И Габриэла решила опереться на свой прежний опыт. В годы войны она работала в USO — американской некоммерческой благотворительной корпорации, устраивавшей развлекательные программы для вооруженных сил США

и социальных учреждений. Одно время ей пришлось там заниматься документацией. Затем, с 1950 по 1953 год, она трудилась в американской администрации во Франкфурте-на-Майне, в частности занималась кадрами, и хорошо помнила, как выглядели «личные дела» в американских правительственных учреждениях.

Габриэла купила в канцелярском магазине коробку плотных карточек нужного формата. Затем посетила несколько фотоателье, где за небольшие деньги приобрела неостребованные фотографии для документов, объяснив, что они нужны для съемок фильма. Наверное, если бы ее стали спрашивать, было бы непросто рассказать, что это за фильм, но сотрудники ателье в подробности вникать не стали.

После этого оставалось только оформить картотеку. В карточки были вклеены фотографии и впечатаны «оперативные псевдонимы», сведения об «опыте работы» и т. д. Разными чернилами и, по возможности, разным почерком внесены подписи выдуманных должностных лиц. На обороте каждой карточки она отметила разные суммы и даты «платежей», с указанием через какой западноберлинский банк они прошли. В картотеке «агентов ЦРУ», коих на свете никогда не было, оказалось аж шестнадцать человек. Агенты эти якобы действовали в Восточной Германии, Чехословакии, Польше, а двое — даже в самом Советском Союзе.

Хаммерштейн сфотографировала одну из карточек и передала пленку Хедрову. Вспоминая свой «шпионский» дебют много позже, она остроумно заметила в беседе с американским журналистом Петером Ханом, что Хедров, изучив принесенную пленку, «проглотил не только крючок с приманкой, но и леску с грузилом».

Скромненький пестрый платочек

Свежеиспеченная шпионка встречалась с Хедровым только в Восточном Берлине, с соблюдением строжайшей конспирации и в соответствии с выработанной схемой контактов.

Сначала она посылала ему открытку с просьбой о свидании, но встречались они ровно на неделю позже, чем было объявлено. У них было несколько мест свиданий, которые менялись по сложному графику. Если Хедров не появлялся в условленном месте, она, подождав его двадцать минут, возвращалась туда же через два часа. Иногда они созванивались и говорили на эзоповом языке.

Министерство культуры ГДР широко анонсировало концерт Габриэлы Хаммерштейн в Дрездене. Все прошло великолепно. Когда занавес закрылся, Габриэла с цветами вошла в свою примерку. Там ее уже ждал Евгений Хедров. Он преподнес ей букет и достал из портфеля пакет с пестрым носовым дамским платочком:

— Надеюсь, этот платочек тебе понравится, Габи, — молвил он.

Габриэла несколько растерялась: подарок показался ей излишне интимным, такие преподносят обычно близкие мужчины. Но Хедров развеял неловкость:

— Платок с секретом. Смотри!

Оказалось, что в уголке платка прикреплена миниатюрная фотокамера. Можно было в случае опасности скомкать платок в руке вместе с камерой; и даже промокнуть на щеке слезу — кто заподозрит в сентиментальной оперной певице шпионку со спецоборудованием в кулачке?

Потом наставник спросил:

— А ты хорошо знакома с господином Смитом?

Габи сначала не поняла, о ком речь, но потом сообразила, что Хедров интересуется мифическим, ею придуманным сотрудником ЦРУ.

— Да, знакома. — Габриэла поняла уже, о чем ее будет просить Хедров. — Тяжелый и неприятный человек, — попыталась она увильнуть от следующего задания.

— Ничего, — успокаивающе произнес Хедров. — Пусть будет хоть каким. Постарайся заинтересовать его. Он, конечно, знает о твоих контактах в ГДР. Возможно, он захочет тебя завербовать. Как-нибудь помоги ему в этом, ладно?.. И фотографируй любые документы, к которым имеет отношение этот господин Смит.

Миниатюрная фотокамера скопировала оставшиеся пятнадцать сфабрикованных Габриэлой карточек. Хедров был доволен. Он пытался вручить Хаммерштейн деньги за работу, но та отказалась. Тогда он организовал ей тур в Москву с показом достопримечательностей столицы СССР. Она жила в шикарном номере гостинице «Берлин», в самом центре Москвы, ее возила по городу и по Подмосковию новенькая черная «Волга» с гордым оленем на капоте. С доброй и немного заговорщицкой улыбкой сопровождавшие говорили о том, что знают о будущей публикации в «Огоньке»... Да, на нее в КГБ делали серьезную ставку.

Ловушка

В 1961 году Габриэла продолжила пополнять картотеку КГБ сказочными персонажами. Фотокамера в углу скромного платочка выдавала один за другим микрофильмы с «секретной информацией».

Но в один из дней Хедров явился на встречу хмурым и раздраженным. Они встретились в парке, сели на скамейку. Людей вокруг не было.

— Габри, я в некотором недоумении. Речь о картотеке.

— А что случилось? — Габриэла заволновалась. Появилось тоскливое предчувствие разоблачения.

— А вот что. Наши специалисты считают, что описания деятельности агентов противоречат их внешности на фото. Не те возраст, физические данные... Но это лишь предварительное заключение.

Габриэла запаниковала. Но виду не подала. В скором времени ей надо было ехать в США для переоформления паспорта. Самое время выйти из игры. Уехать из ГДР и продолжить карьеру певицы дома. Совладав с волнением, она сказала Хедрову, что собирается съездить ненадолго в США, чтобы уладить дело с паспортом. Хедров оживился:

— Ты пригодишься нам в США! Но тебе нужны дополнительные навыки... Вот что — ты не могла бы освободиться от дел на пару дней? Я устрою тебе что-то вроде ускоренных тех-

нических курсов. Это важно и нужно, прошу тебя. Кстати, скоро покажу тебе, что у меня получается с очерком. Что-то добавим, что-то поправим, в редакции уже ждут. А ты пока будешь повышать уровень своей технической грамотности. Ладно?

— Ну конечно...

Через несколько дней, в сопровождении Хедрова, она уже ехала в сторону Мюггельзе, самого крупного из берлинских озер. Машина свернула в лес, под колесами захрустел январский снег покрывший грунтовую дорогу. Они остановились возле ворот в высоком заборе. Хедров вышел из машины, о чем-то поговорил с козырнувшим ему старшим лейтенантом. Потом они вместе сели в машину, ролевые ворота откатились в сторону, и машина въехала в расположение советской воинской части.

— Выходи, Габи, — неожиданно довольно резко сказал Хедров. — Этот офицер проведет тебя в дом, где ты будешь жить. Вон в той вилле.

Старший лейтенант взял сумки с ее вещами, проводил Габриэлу на второй этаж и распахнул перед ней дверь номера. Она оглядела комнату, в которой, как считала, ей предстояло провести несколько дней. На журнальном столике лежал красочный календарь на только что начавшийся 1962 год, газеты на русском и на немецком.

Габриэла начала распаковывать вещи, но тут внезапно, без стука, в номер вошла строгого вида женщина. Она показала, где находится ванная комната, бесцеремонно заглянула в приоткрытые сумки Габриэлы и вышла, захлопнув дверь и провернув снаружи ключ в замочной скважине. И тут вдруг Габриэла с ужасом поняла, что ей ключ не дали, что ее просто заперли в этой комнате.

На двери изнутри даже не было ручки. Это была ловушка.

Суд и тюрьма

Ее долго допрашивали следователи КГБ и восточногерманской Штази. Приходил на допросы и Хедров-Заостровцев. Он не мог поверить в то, что его, профессионала, провела

какая-то оперная певичка, вошедшая (не на сцене, а в реальной жизни!) в роль Маты Хари.

На суде в ГДР ей зачитали обвинение:

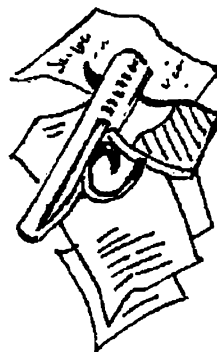
1. Шпионаж против «социалистических братских государств».
2. Активное проникновение в структуру советской госбезопасности.
3. Вербовка восточногерманских граждан для разведки в пользу США.
4. Введение в заблуждение сил безопасности «социалистических братских государств» и удержание их от выполнения других важных задач.

Ее приговорили к шести годам заключения. Однажды в лагерной библиотеке она интереса ради взяла полистать журнал на русском языке, тот самый «Огонек», о статье в котором, как теперь она понимала, ей все это время врал Хедров.

Габриэла отсидела 27 месяцев, после чего ее обменяли на советских разведчиков. Надо полагать — настоящих, не из оперы. И тогда публикации о ней появились во многих западных изданиях. Вот она, известность! Но слишком велика была цена этой известности...

На сцене она больше не появилась и работала скромным переводчиком. Попыталась писать мемуары, но дело не заладилось. Умерла Габриэла Хаммерштейн в феврале 2017 года, всеми к тому времени забытая.

Корреспонденты взламывают архивы

Un momentito!

Он вышел из автобуса не как обычно, в 7 часов вечера, а позже почти на час, когда на окраине Буэнос-Айреса уже стемнело. Немолодой господин в мешковатом пиджаке включил фонарик и неспешно зашагал от автобусной остановки в сто-

рону своего загородного дома. Фонарик осветил пустынную улицу и машину с поднятым капотом, под которым копался в моторе человек.

Человек с фонариком был уверен, что поблизости никого больше нет, как внезапно его окликнули сзади по-испански:

— *Un momentito, señor!* (Минуточку, господин!)

Ответить он не успел: едва повернулся, как ему сдавили шею, повалили на землю, а потом втащили в машину с поднятым капотом. Все это заняло 20 секунд. Хлопнул капот, машина сорвалась с места. Свидетелей происшедшему не было.

Так 11 мая 1960 года был похищен спецгруппой израильской политической разведки «Моссад», а позже тайно, накачанный наркотиками, вывезен самолетом в Израиль Адольф Эйхман, человек, который в Третьем рейхе руководил отделом гестапо, занимавшимся «окончательным решением еврейского вопроса». Это был тот самый Эйхман, который в августе 1944 года отчитался перед Гиммлером об уничтожении 4 миллионов евреев. В мае 1945 года он был арестован американцами и помещен в лагерь для интернированных, но оттуда бежал. После чего оформил себе через сочувствующих нацистам монахов-францисканцев аргентинский паспорт на имя Рикардо Клемента и в 1950 году перебрался в Аргентину, где устроился на работу в местное отделение «Мерседес-Бенц».

Что характерно, в Аргентине Эйхман не очень-то и скрывался. Во всяком случае, в 1957 году он дал под запись интервью голландскому журналисту (в прошлом члену нацистской партии) Виллему Зассену, в котором откровенно изложил свое кредо. Пленки сохранились, и сегодня можно услышать:

Если бы мы убили 10,3 миллиона наших заклятых врагов, то только тогда наша миссия была бы выполненной.

15 декабря 1961 года Эйхману в Израиле зачитали смертный приговор, которым он признавался военным преступником, виновным в злодеяниях против еврейского народа и против человечности. В ночь с 31 мая на 1 июня 1962 года его повесили в тюрьме города Рамле. Возмездие свершилось.

О похищении Адольфа Эйхмана, одного из организаторов холокоста, написано немало, сняты фильмы. Казалось бы, история эта известна по минутам. Но недавно важные ее детали были поставлены под сомнение.

Версия Габриэлы Вебер

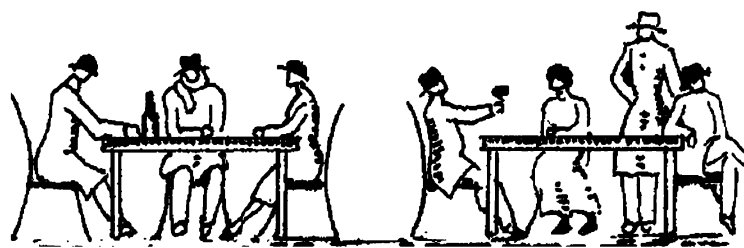
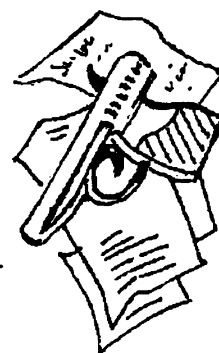
Первое и довольно радикальное сомнение в точности привычной картины высказала в сентябре 2010 года работающая в Аргентине немецкая журналистка Габриэла Вебер, которая имеет ученую степень и специализируется на исследовании германо-латиноамериканских отношений.

Вебер отрицает официальную версию, согласно которой израильский «Моссад» потратил многие годы на поиски Эйхмана и, наконец, похитил его в ходе операции в мае 1960 года в Буэнос-Айресе. Она утверждает, что располагает архивными документами, которые показывают, что все было совсем иначе. Допуск к этим документам, по ее словам, дался ей не легко: пришлось бороться и даже судиться со спецслужбами.

Так, Вебер подала в суд на БНД, которая отказывалась ознакомить ее с документами, связанными с похищением Эйхмана. И в результате кое-что ей удалось заполучить. Из добытых ею документов следует, что БНД и ЦРУ с самого начала знали, что Эйхман находился в Аргентине. У обеих разведок были свои люди, внедренные в нацистское сообщество в этой стране.

То, что в ЦРУ могли знать о местонахождении Эйхмана, подтверждает и рассекреченное недавно архивом ЦРУ письмо «охотника за нацистами» Симона Визенталя президенту Всемирного еврейского конгресса Науму Гольдману. Отправленное из Австрии в Нью-Йорк, оно, вероятно, было перехвачено и скопировано американской спецслужбой и таким путем попало в архив ЦРУ. Письмо датировано 30 марта 1954 года. Визенталь пишет:

В июне 1953 года я встретил барона Маста, который был младшим офицером в австрийской армии, а затем был связан и с аме-

риканской, и с немецкой разведками. Маст, до мозга костей монархист, антинацист и антикоммунист, знал, что я занимаюсь делом Эйхмана.

Маст показал мне письмо, написанное ему бывшим немецким офицером из Аргентины. Письмо было получено в мае 1953 года и гласило, что автор письма встречал Эйхмана в то время в Буэнос-Айресе. Также было сказано, что Эйхман жил в окрестностях Буэнос-Айреса, — я полагаю, речь шла о радиусе в 100 км, — и участвовал в строительстве электростанции. В свое время Эйхман учился два года в Линце в Высшем федеральном институте электротехники, машиностроения и строительства.

В письме также упоминались другие люди, известные барону Масту. Маст, хороший офицер разведки, многое определяющий «кончиками пальцев» и имеющий хорошую репутацию, счел эту информацию абсолютно достоверной.

В июле 1953 года в Вене и в Бельгии у меня были беседы с Генеральным директором по общественной безопасности г-ном Паммером (Максимилиан Паммер возглавлял в то время Главное управление общей безопасности МВД Австрии. — А. К.) по совершенно другому вопросу, и речь случайно зашла об Эйхмане. Паммер также сказал мне, что у него есть информация, согласно которой Эйхман теперь находится не в Австрии, а живет в Аргентине.

Конечно, я не могу дать вам 100-процентную гарантию того, что Эйхман сейчас в Аргентине или был в этой стране 1953 году. Однако косвенные доказательства породили во мне убеждение, что вероятность пребывания Эйхмана в Аргентине существует.

Прилагаю, уважаемый господин Президент, личное дело Эйхмана с его собственным резюме, написанным им лично (что очень важно для образца почерка), его фотографии в форме и в штатском, правда, 1938 года, фотографии его жены... Я всем сердцем готов сделать что-нибудь еще, если это поможет делу.

Визенталю ответил один из помощников Гольдмана, сообщив, что Эйхман, возможно, находится в Сирии.

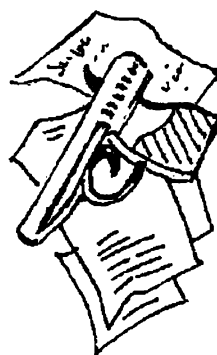
Но вернемся к Габриэле Вебер. В ЦРУ и БНД, по ее словам, было принято решение скрыть информацию о местонахождении Эйхмана. Но заботились вовсе не о нем. В США

и ФРГ опасались, что при аресте Эйхман может сообщить о нацистском прошлом Ганса Глобке, который занимал тогда пост главы секретариата канцлера ФРГ Конрада Аденауэра.

Глобке был очень влиятельной фигурой, одним из ближайших помощников Аденауэра и главным связующим звеном немецкого правительства с НАТО и ЦРУ.

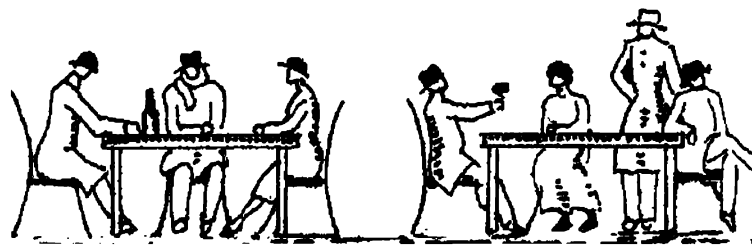
Но потом власти ФРГ все же решили выдать Эйхмана Израилю, оговорив это условием, как считает Вебер, нераспространения его показаний в отношении Глобке. Израиль, по ее версии, согласился на это, поскольку был заинтересован в получении от Западной Германии денежных субсидий и помощи немецких специалистов в разработке ядерного оружия. В своих публикациях Вебер настаивает на том, что причиной похищения Эйхмана израильтянами были не только его преступления, но и его болтливость в сочетании с осведомленностью о контактах израильтян с немецкими физиками-атомщиками, оказавшимися в Аргентине. Она уверена: эффектная история похищения Эйхмана «Моссадом» была в свое время придумана, а затем, в 1970-х годах, закреплена мемуарами агентов израильской спецслужбы.

Публикации Габриэлы Вебер вызвали бурную реакцию в мире, и в первую очередь в Израиле. «Высосанной из пальца» назвал версию Вебер лично участвовавший в операции по похищению Эйхмана командир опергруппы «Моссада», ставший впоследствии руководителем одной из израильской спецслужб Рафи Эйтан. Он настаивает на том, что местонахождение Эйхмана было установлено без помощи западногерманской разведки.

Путь могла подсказать газета «Путь»

Свою версию похищения Эйхмана, основываясь на материалах из архивов БНД, предложили в январе 2011 года журналисты немецкой газеты «Бильд». Доступ к этим материалам был предоставлен изданию после того, как в апреле 2010 года Верховный суд ФРГ по иску Габриэлы Вебер

обязал БНД рассекретить сведения, касающиеся военного преступника.

«Бильд» также отвергает устоявшую картину событий, согласно которой власти ФРГ узнали о местоположении Эйхмана только в 1958 году. По мнению газеты, западногерманская разведка выследила нацистского преступника еще в 1952 году, то есть за восемь лет до его захвата «Моссадом». «Бильд» утверждает: разведслужбы вышли на Эйхмана в тот момент, когда он организовал выезд из Австрии в Аргентину своих жены и детей.

«Бильд» опубликовала учетную карточку БНД, текст которой гласит:

Штандартенфюрер Эйхман находится не в Египте, а под фамилией Клемент проживает в Аргентине. Адрес Эйхмана известен главному редактору издающейся в Аргентине немецкой газеты «Путь».

«Радио Свобода» приводит на этот счет комментарий немецкого историка, доктора исторических наук Беттины Штангнет:

Сведения на учетной карточке невероятно точны и исчерпывающи. Не надо было быть секретным агентом, чтобы по таким сведениям найти Эйхмана. На карте указана фамилия, под которой Эйхман скрывался, и адрес, через который его можно найти, — это издательство, это газета и ее главный редактор, который точно знал в 1952 году, где конкретно живет Эйхман. Любой, кто отправился в Аргентину с этими сведениями и выдал бы себя за немецкого беженца, пришел бы в редакцию и сказал бы главному редактору, которого звали Эберхард Фритч: «Я приехал из Германии. Адольф Эйхман сказал мне, что он живет здесь под фамилией Клемент. Можешь ты помочь мне его найти?» И Фритч несомненно ответил бы: «Конечно!» Потому что эта газета была не столько газетой, сколько местом контактов бывших нацистов, бежавших в Аргентину и искавших там старых знакомых. Так что эта карточка — о многом говорящий документ...

Внушает ужас вот что: в течение восьми лет Германия не сделала того, что могла и что было сделано израильянами в 1960 году. Это можно объяснить только тем, что никто не желал привлечь Эйхмана в Германии к судебной ответственности. Это связано не только с тем, что разведка была укомплектована бывшими нацистами, а в большей степени с тем, что представляло собой государство ФРГ в то время. Процесс над Эйхманом был в этом государстве нежелательным ни в 1952-м, ни даже в 1960 году...

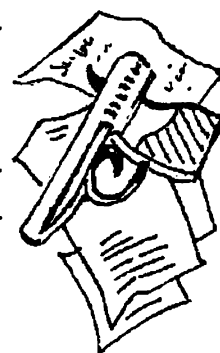

Кстати, Беттине Штангнет удалось найти 600 страниц мемуарных заметок Эйхмана, из которых становится ясно, что палач гордился своим вкладом в «окончательное решение еврейского вопроса».

Поиск истины продолжается

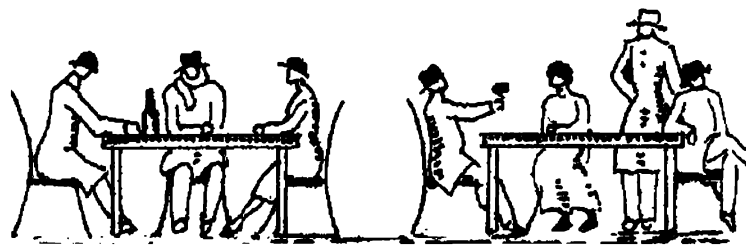
Но если заявления Габриэлы Вебер вызвали скандал и даже возмущение, то публикацию «Бильд» словно не восприняли всерьез. Дело, видимо, в устоявшейся репутации этого таблоида, падкого на сенсации и разоблачения.

Тем временем Вебер продолжила свое расследование. В апреле 2018 года она попыталась заполучить в аргентинских архивах переписку между Израилем и Аргентиной, касающуюся похищения Эйхмана, но потерпела неудачу. Ответ пришел удручающий: по ее запросу ничего обнаружить не удалось.

Справедливости ради надо признать, что с некоторых документов, связанных с Эйхманом, все же сдули пыль. Один из них, обнародованный в 2011 году, поистине сенсационен. Это написанное в 1950-х годах письмо Эйхмана из Аргентины федеральному канцлеру Конраду Аденауэру, из которого следует, что он — ни много ни мало — планировал свое возвращение в ФРГ. Палач пишет:

Пришло время выйти из анонимности и представиться. Имя: Адольф Отто Эйхман... Как долго судьба позволит мне время

жить, я не знаю, но я знаю, что должен быть кто-то, кто опишет грядущим поколениям эти события (то есть массовое уничтожение евреев. — А. К.)... Мне пришлось руководить и управлять большими частями этого комплекса в те годы.

«Комплексом» Эйхман называет сеть концлагерей. Для него фабрики смерти — это конгломерат промышленных предприятий.

Что касается вывоза нациста в Израиль, то пока в учебниках истории фигурирует мossaдовская версия событий. Но поиск истины продолжается, и, возможно, со временем она подвергнется ревизии.

Создать событие и описать его

Авиакатастрофа на пляже

Мотор «Хейнкеля» гулко закашлял, зачихал, потом замолк. Горючее кончилось, и самолет начал, подвывая, терять высоту.

Пилот обернулся в сторону салона и с тревогой посмотрел на штандартенфюрера Дегреля.

— Мы падаем.

— Вижу. — Дегрель был невозмутим. Он ободряюще кивнул еще двоим сидевшим в салоне самолета, одетым, как и он, в гражданское; в их глазах был ужас. — Садимся брюхом на пляж, прямо на песок.

Под ними были золотистые пески пляжа испанского Сан-Себастьяна. Увидев падающий самолет, люди стали панически разбегаться. «Хейнкель» поднял серо-желтую бурю, искореженный пропеллер отвалился. Незнакомые люди помогли раненым пассажирам выбраться из-под обломков, была вызвана скорая помощь.

Так, 8 мая 1945 года, в очередной раз Леон Дегрель обманул смерть. Сколько раз она подстерегала его, основателя

и лидера бельгийской профашистской Рексистской партии (от *Christus Rex* — Царь Христос)?..

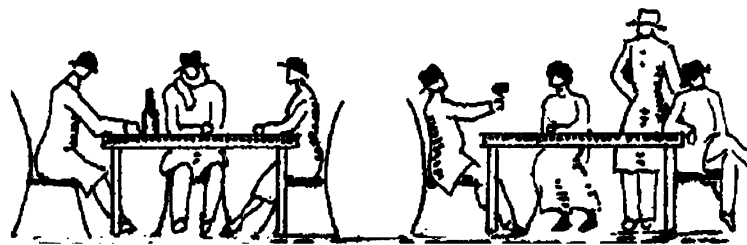
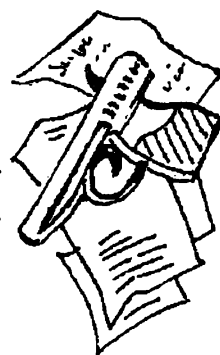
Гитлер однажды назвал Дегреля «единственным приемлемым для нас бельгийцем, которого нужно поддерживать». Сформированный им из бельгийцев добровольческий корпус «Валлония», приданный немецкой группе армий «Юг», участвовал в форсировании Днепра, а летом 1942 года принимал участие в операциях вермахта на юге СССР.

В 1943 году корпус Дегреля был передан из вермахта в войска СС и стал официально называться штурмовой бригадой СС «Валлония». В ноябре 1943 года бригаду перебросили под Днепропетровск, где шли ожесточенные бои. В январе-феврале 1944 года «Валлония» вместе с другими частями вермахта и СС попала в Черкасский котел в ходе наступательной Корсунь-Шевченковской операции советских войск. Дегрель был тяжело ранен, но продолжал командовать «Валлонией» при прорыве окружения. Позже Гитлер объявит его главным творцом спасения из Черкасского котла.

Осенью 1944 года Дегрель получил из рук Гитлера Рыцарский крест Железного креста с дубовыми листьями (за всю войну эту награду получили всего лишь 890 человек) и Золотой знак за ближний (рукопашный) бой — это была высшая награда для пехотинца. А всего в общей сложности Дегрель получил к концу войны 22 германские боевые награды. Гитлер присвоил ему генеральское звание, но оно Дегрелю уже не пригодилось — война была проиграна, и надо было спасать свою шкуру. Сначала Дегрель бежал в Норвегию. Именно оттуда, с одного из аэродромов, взлетел «Хенкель», так тяжело приземлившийся, а частично приводнившийся на морском побережье Испании.

Испания была единственной страной, где сразу после войны недобитые фашисты чувствовали себя в относительной безопасности... Там, под крылом диктатора Франко, Дегрель в конце концов и обосновался, перевезя, как только появилась возможность, свою семью. Франко отвергал все просьбы о его выдаче.

И тогда выкрасть Дегреля, чтобы передать его в руки правосудия, решили... журналисты. Две фигуры в этой истории —

Цви Алдуби и Виктор Александров — в некоторой степени связаны с нашей страной.

Израильский журналист Цви Алдуби родился в Черновцах. Этот город, ставший советским накануне войны, был в 1941 году оккупирован воевавшей на стороне Гитлера Румынией. Семья Дубинских (настоящая фамилия Алдуби) успела вовремя сориентироваться — она уехала в Палестину и, таким образом, избежала участи многих других евреев.

Виктора Александрова, уроженца Петрограда, родители еще ребенком увезли в Париж. В годы войны Александров был военным корреспондентом в передовых частях американской армии.

Нежданный гость

В мае 1961 года в дверь парижской квартиры Александрова позвонили. На пороге стоял молодой, лет тридцати, человек с пышной шевелюрой, одетый в серый костюм. Он поздоровался и спросил по-французски с сильным акцентом:

— Вы — Александров?

— Да. А кто вы?

Незнакомец перешел на английский:

— Я — Цви Алдуби, журналист. Я привез вам рекомендательное письмо от нашего общего друга Квентина Рейнольдса из Нью-Йорка. Вот оно.

Александров пробежал глазами письмо, потом жестом пригласил гостя войти. Позже, когда они пили чай, Алдуби рассказал, что работает в США собственным корреспондентом израильского военного журнала «Бамахане» и одной из тель-авивских радиостанций. А к Александрову пришел, зная, что тот, как журналист и писатель, занимается тем, что следит за перемещениями военных преступников, скрывшихся от правосудия.

— Завтра я отправляюсь в Женеву, Берлин и Рим. Мне нужно сейчас же рассказать вам об очень важном деле. — Цви выпрямился в кресле. — Мне необходима ваша помощь.

Знаете, впервые в жизни я хочу не просто написать о сенсационном событии, а самому его создать. Я хочу не найти, а породить острый сюжет! Моя будущая публикация заполнит первые полосы всех крупных газет Европы и США. В этом мне помогут мои друзья. Я действую не один, мне оказывают моральную и финансовую поддержку несколько организаций бывших узников концлагерей и участников Сопротивления...

— Из какой страны? — перебил собеседника Александров.

— Из Бельгии.

Александров все понял.

— Давайте не будем темнить, — предложил он. — Вы ведь намерены отправиться за Пиренеи, чтобы похитить бывшего главаря бельгийских рексистов Леона Дегреля и судить его в Бельгии? Так ведь?

Цви Алдуби кивнул.

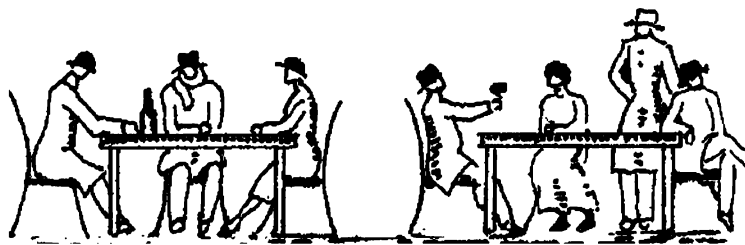
— Каким образом вы намерены это сделать?

Дальнейший рассказ молодого журналиста разочаровал Александрова. Он понял, что точного плана у него нет. Все сводилось к общим словам об энтузиазме, решительности и бесстрашии тех, кто намеревается захватить бельгийского нациста. Неприятно задело Александрова и то, что Цви много говорил о деньгах, о том, что ему уже выданы авансы и обещаны повышенные гонорары за будущие публикации. По его словам, нью-йоркский журнал «Лук» готов заплатить 100 тысяч долларов за «подробное» интервью арестованного Дегреля при условии, если в нем будут содержаться сведения о местонахождении Мартина Бормана, вовсе не погибшего при бомбежке Берлина в 1945 году...

— Центр по розыску военных преступников во Франкфурте пообещал мне такую же сумму, — увлеченно рассказывал Алдуби.

— Дайте мне два дня на размышление, — сказал ему на прощание Александров.

Он понял, чего от него ждал гость: плана действий по поимке Дегреля.

План Александрова

На разработку плана ушло намного больше времени, чем два дня. Следующая встреча Виктора и Цви состоялась в середине июня 1961 года. Александров описал ее в своей книге «Мафия СС», вышедшей в том числе и на русском языке:

В середине июня 1961 года я пригласил Цви выслушать мои основательно документированные соображения.

— В вашем проекте есть два слабых места: прежде всего, не рассчитывайте на какое-либо содействие со стороны бельгийских властей. Это было бы иллюзией. Прошло шестнадцать лет, и многое изменилось. Кроме того, вы придаете слишком большое значение роли Дегреля в международной сети уцелевших эсэсовцев. Совершенно очевидно, что не он осуществляет постоянную связь с Борманом. Скорее это генерал СС Дорман, который настолько скрытно живет в Сантандере, что всегда отказывал в интервью даже «симпатизирующим» журналистам... Не рассчитывайте также на помощь со стороны американского журнала «Лук».

Я открыл папку с документами и протянул ему две большие фотографии:

— Вот два совсем недавних снимка Дегреля. Он очень изменился с тех пор, как живет в изгнании... Вы бы его вряд ли узнали. Мне их доставил английский журналист. На увеличенной, но очень четкой фотографии, которая у вас в руках, Дегрель стоит рядом с бывшим сотрудником-хорватом, которого легко узнать по его маленькой черной шапочке. Дегрель с руками, скрещенными на груди, кажется мрачным в своем темном костюме. Это фото сделано в мае 1958 года по случаю поминальной мессы в годовщину смерти Гитлера, которая состоялась в церкви Сан-Ильдефонсо в Мадриде...

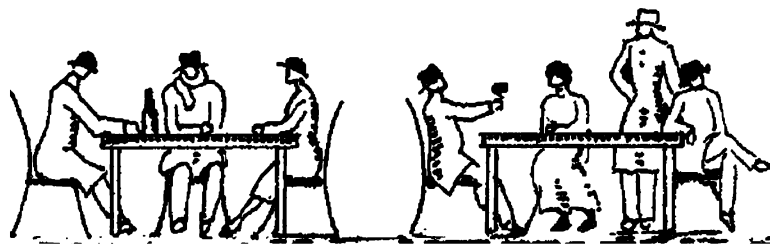
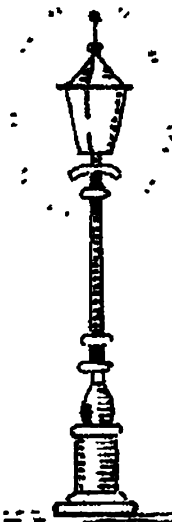
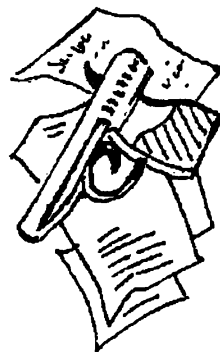
— Bravo, — воскликнул Алдуби. — Мне же после посещения шести крупных фотоагентств удалось достать только клише 1943 года. Какой же у вас план?

Далее разговор приобрел предметность. Александров рассказал о предлагаемом им пошаговом плане действий группы Алдуби. Он считал, что единственная возможность схватить Дегреля, — это выманить его на побережье. В нужном месте будет пришвартована яхта для увеселительных прогулок, снабженная мощным мотором. За одну ночь можно будет, не форсируя моторы, покинуть испанские воды и выйти в открытое море.

Из воспоминаний Александрова, который даже в 1978 году, когда вышла его книга, не стал раскрывать имена тех, кого он рекомендовал для участия в похищении Дегреля:

— Капитан В., — резюмировал я, — бывший пилот английской авиации, разгромленной в 1940 году близ Дюнкерка, провел три года в лагере в Саксе, перед тем как совершить фантастический побег. Он бегло говорит по-немецки, может сойти за шведа или ирландца. Курьезная деталь — второй член экипажа, по имени Вольфганг, был лейтенантом гитлеровского флота. Он чистокровный пруссак, его брата повесили на крюк мясники во время репрессий летом 1944 года. Эти два моряка, спаянные дружбой, ненавидят всей душой все, что имеет отношение к Гитлеру и его последователям. За вознаграждение в 5 тысяч долларов Вольфганг фон С. обещал «забыть» всю авантюру после ее успешного осуществления.

Чтобы заманить Дегреля, Алдуби должен был направить в Константину, пригород Севильи, прекрасного актера. Например, Вольфганга, играющего роль случайного репортера неонацистской газеты, издаваемой в Западной Германии. В ходе беседы с Дегрелем надо было рассказать о своих взаимоотношениях с бывшими друзьями Ялмара Шахта, финансового гения фюрера — Германа Абса, директора «Дойче банк», и со всей кликой западногерманских бизнесменов, столь же процветающих, как и скорбящих о «славном прошлом». В разговоре должны проскользнуть некоторые конкретные факты, касающиеся ХИАГ (международной организации бывших эсэсовцев), чтобы вызвать доверие бельгийца (в текст книги В. Александрова вкралась неточность: НИАГ — не международная, а западногерманская организация «Союз бывших солдат войск СС». — А. К.). Как

крайнее средство, если он не решится сесть в машину и доехать до яхты, чтобы там пообедать, была предусмотрена вторая встреча. В этом случае шефу рексистов было бы вручено поддельное рекомендательное письмо, написанное от руки за подписью Эрика Кернмейера, неонацистского публициста, автора многочисленных писаний о «зверствах союзников» во время Второй мировой войны...

Александров излагал свой план четко и конкретно, чего и ждал от него Алдуби:

Оказавшись на яхте и получив сильное снотворное, Дегрель будет упакован в джутовый мешок и помещен в закоулок якорной камеры. В одиннадцать часов вечера яхта отплывет на «рыбалку»... В открытом море судно сменит флаг и устремится к французскому берегу в районе Коллиура. Бывшие участники Сопротивления, французские каталонцы, должны будут немедленно отвезти этот тюк в багажнике дипломатического «ситроена» на маленькую пограничную станцию на франко-бельгийской границе.

Я предусмотрел и такое: если испанская полиция поднимет тревогу, тюк будет перегружен в международных водах. Моя собственная яхта «Бриак», 15-метровое судно, выполнит эту задачу... Вызванный условной радиограммой, канадский пилот, владелец двухмоторного самолета «Бичкрафт», мог бы подняться со спортивного аэропорта, расположенного в Италии, и перелететь ночью в Бельгию.

После этого разговора Александров еще трижды виделся с Алдуби в его номере в отеле «Коммодор». Его коробила хвастливость молодого журналиста: тот с гордостью показывал пачку 100-долларовых банкнот и толстую чековую книжку, а в парижском кафе «Бонапарт» вывалил кучу денег на стол и предложил гарсону «не стесняться». Подвыпив, Алдуби громко разглагольствовал о своей роли исполнителя правосудия и необходимости «выкуривать» военных преступников. В общем, Александров еще раз с досадой убедился в его легкомысленности.

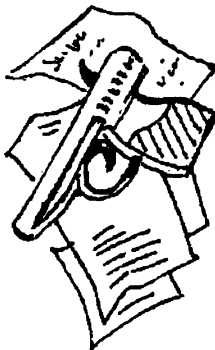
В Испании

Восстановить подробности дальнейших событий нам поможет отчет ФБР от 25 октября 1961 года, в котором сообщается о рапорте информатора под кодовым обозначением «NY T-3». Этот информатор докладывает своему куратору из ФБР Дэвиду Эвансу, что познакомился с Алдуби в феврале 1961 года в Париже через общего знакомого, который был другом детства журналиста. Снова они встретились в марте или в начале апреля 1961 года, и Цви поделился с «NY T-3» своими планами. В отчете говорится:

АЛДУБИ намекнул, что он едет в Испанию за нацистом, и упомянул его имя — ЛЕОН ДЕГРЕЛЬ. АЛДУБИ также сообщил «NY T-3», что он был одним из тех, кто участвовал в похищении в Аргентине АДОЛЬФА ЭЙХМАНА.

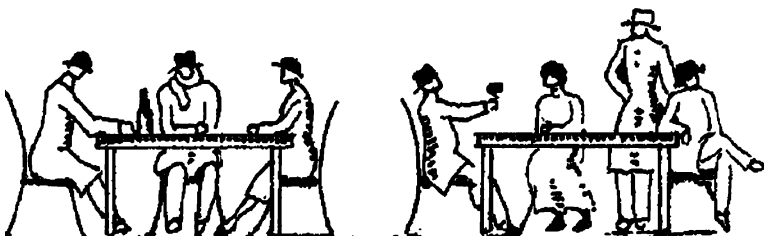
Здесь потребуется пояснение. Израильский журналист приврал в беседе с осведомителем ФБР. Алдуби не принимал участия в похищении Адольфа Эйхмана, но весьма удачно примазался к этой операции «Моссада», став одним из соавторов книги о ней и заработав на этом приличную сумму. Книга эта, по сути, была пересказом сообщений израильской прессы, но это не мешало Алдуби постоянно ссылаться на нее, изображая из себя опытного «охотника за нацистами». Одновременно он не стеснялся делать туманные намеки на свою работу в прошлом в израильской спецслужбе, хотя ничего похожего в его биографии не было.

Но вернемся к отчету ФБР:

«NY T-3» сообщил, что АЛДУБИ был движущей силой заговора с целью похитить ДЕГРЕЛЯ, и в его комнате в отеле было проведено много дискуссий о том, как это лучше всего сделать. «NY T-3» заявил, что имя ДЕГРЕЛЯ никогда не упоминалось; его нужно было называть «наш друг в Испании»...

Он сообщил, что это походило на просмотр захватывающего фильма. Информатор заявил, что, по-видимому, группа в целом делала это по идеологическим причинам, о финансовом вознаграждении не упоминалось.

гражденин никогда не упоминалось. Однако АЛДУБИ попросил всех подписать обязательство, что в случае успеха АЛДУБИ будет обладать исключительными правами на публикацию этой истории.

Цви Алдуби, похоже, не понимал, что за такие дела нельзя браться, пренебрегая конспирацией. Ему казалось, что успех уже в кармане, и он принялся болтать о том, что собирается сделать, друзьям, знакомым и даже не очень знакомым людям. Виктор Александров вспоминает, как однажды Алдуби с воодушевлением сообщил ему, что привлек к делу двух парней из преступного мира.

— Они аполитичны и совершенно не рискуют привлечь внимание полиции, — пояснил он озадаченному Александру. — Эти двое, а также мой друг и я отправляемся в Испанию в начале июля.

Наконец, настал день начала операции — «День Д», как называл его Алдуби. Первым отправился в Испанию на яхте, в трюме которой уже был приготовлен джутовый мешок для Дегреля, известный израильский писатель, а прежде капитан полиции Игал Моссенсон.

Вот как дальнейшие события описываются в отчете ФБР:

«NY T-3» сообщил, что в самом начале июля 1961 года, точная дата не упоминается, группа, состоящая из ДЖАНО ДЖАНАЙ-ВЕРА и его невесты (имя неизвестно), БАРБАРЫ (фамилия неизвестна), ЖАКА ДИАЛОСА и ДИДЬЕ (фамилия неизвестна), отправилась на подержанной машине в Испанию... Эта первая группа должна была осмотреться на месте, с тем чтобы к ней позже присоединились АЛДУБИ и ФЕЙНСТОН... Затем группа должна была продолжить путь к месту, где находился ДЕГРЕЛЬ, похитить его, посадить на борт и отправиться в Бельгию.

Но все эти планы рухнули. Впоследствии Игал Моссенсон напишет:

За нами, видимо, с самого начала следили, потому что Алдуби был большим трепачом. Он мог обсуждать эту операцию по теле-

фону. Все его подружки, а их у него было великое множество, знали о его планах.

Пренебрежение конспирацией сказалось: Алдуби и его французский напарник Жак Фейнстон были арестованы 14 июля 1961 года, как только пересекли франко-испанскую границу. Узнав об этом из выпусков теленовостей, их подельники, упомянутые в ответе ФБР, поспешили во Францию.

Моссенсона испанская полиция арестовала на борту яхты, но его вызволил в течение считанных часов лично премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, который был поклонником его писательского таланта.

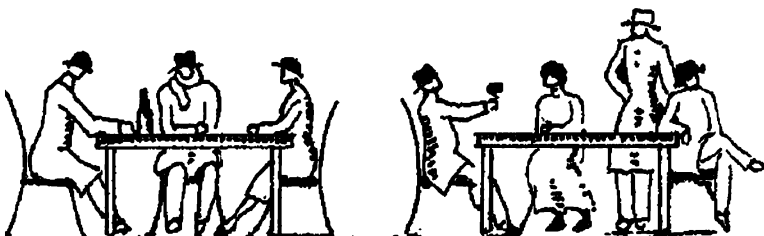
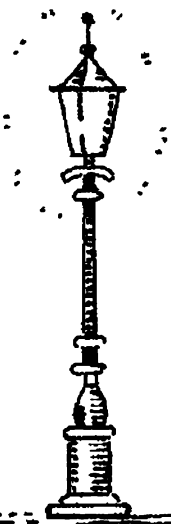
Через несколько дней в европейских и американских газетах появилось сообщение:

Мадрид, 30 июля. Прокурор военного трибунала потребовал длительного тюремного заключения для четырех обвиняемых, признавшихся в том, что они пытались похитить на испанской территории бывшего шефа бельгийской партии рексистов Леона Дегреля. Главные обвиняемые — израильский журналист Цви Алдуби и француз Жак Фейнстон. Двое испанцев из Севильи, где должно было произойти похищение, будут отвечать за соучастие (вероятно, это те самые уголовники, о которых Алдуби говорил Александрову; дальнейшая их судьба неизвестна. — А. К.). Названные Алдуби и Фейнстон арестованы 6 июля на пограничном посту Ла-Хункера. Оружие, боеприпасы и подстрекательские листовки изъяты из машины с французским номерным знаком...

Алдуби и Фейнстон были приговорены к семи годам лишения свободы, но спустя какое-то время освобождены. Кто-то называет действия Цви Алдуби «мальчишеством», кто-то сравнивает его, ни много ни мало, с Дон Кихотом. И то, и другое не совсем верно.

Леон Дегрель, к сожалению, так и не был судим за свои военные преступления. В Испании он открыл строительную фирму и стал преуспевающим бизнесменом. Был в приятель-

ских отношениях с Аленом Делоном; сохранилась их совместная фотография, на которой знаменитый французский киноактер наряжен в маску и плащ Зорро.

По следам Мартина Бормана

Наградить Штирлица

Кульминацией всеобщей любви к бесстрашному и интеллигентному советскому разведчику стало желание генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева отметить Исаева-Штирлица высокой правительственной наградой. Вот как вспоминала об этом режиссер-постановщик телефильма «Семнадцать мгновений весны» Татьяна Лиознова:

Как-то Леонид Ильич позвонил по телефону актрисе Екатерине Градовой, которая играла радистку Кэт. Расспрашивал о здоровье, о детях — так разволновался. Приказал своим помощникам немедленно разыскать настоящего Штирлица и достойно наградить его. Андропов объяснил, что Штирлиц — персонаж вымышленный. «Жаль», — покачал головой генсек.

Кто же был прототипом Штирлица-Исаева? И был ли вообще такой человек, которому удалось подобраться к самому верху нацистской властной вертикали? Одна из версий гласит: Штирлицем был наци № 2 Мартин Борман.

Тема, оказывается, не закрыта

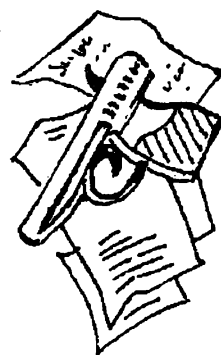
В 1972 году на территории Берлина были найдены останки, которые по косвенным признакам — перелому ключицы, расположению пломб в зубах — эксперты идентифицировали как принадлежавшие одному из нацистских бонз, замести-

телю Гитлера по партии Мартину Борману. В 1998 году был проведен ДНК-анализ, подтвердивший принадлежность останков скелета Борману. На этом основании историки и политики предложили «тему закрыть» и перевести в разряд фантастики версию о том, что Борману удалось эвакуироваться в 1945 году из горящей германской столицы и дожить свой век где-то в Латинской Америке. Что касается останков, то они были сожжены и развеяны над Балтийским морем 16 августа 1999 года.

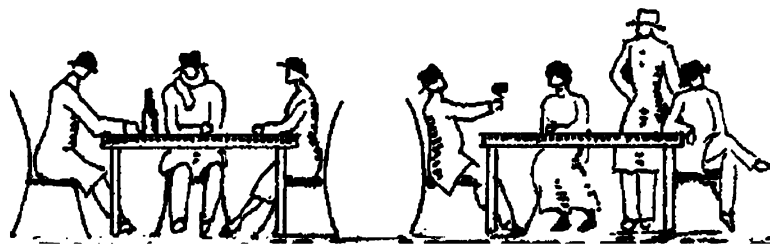
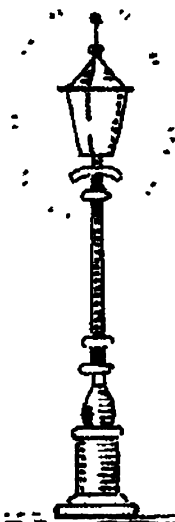

Но прошло время, и результаты генетического теста, проведенного два с лишним десятка лет назад, стали подвергаться сомнению. Эксперты утверждают: методы ДНК-анализа девяностых годов часто давали ложноположительные результаты, и особенно в тех случаях, когда останки долго пролежали в земле. Таким образом, гибель в 1945 году того, кого называли серым кардиналом Третьего рейха, оказалась под вопросом. И снова заговорили о возможной причастности Бормана к советской разведке.

Родился Мартин Борман 17 июня 1900 года в городе Вегелебене, на северо-востоке Германии. В 1918 году он был призван в армию и спустя год, когда его полк вошел в Прибалтику в боестолкновение с частями Красной армии, попал в плен и оказался в лагере в районе Осташкова. Этот лагерь находился в подчинении Региструпра, давней предтечи современного Главного разведывательного управления Генштаба РФ — ГРУ, что и породило первые версии о вербовке Бормана советской разведкой.

Карьерный взлет Бормана начался в 1933 году, с приходом нацистов к власти. Он становится начальником штаба заместителя фюрера Рудольфа Гесса в ранге рейхсляйтера — высшего партийного функционера. Штаб Гесса, в сущности, был параллельным министерством внутренних дел. В 1935 году Борман контролировал строительство резиденции фюрера Бергхоф в Баварских Альпах. Он постоянно находился возле вождя, когда тот приезжал в свою резиденцию, конспектировал беседы и высказывания фюрера и вскоре превратился в его личного секретаря.

Опознан по родинке на носу?

После внезапного перелета Гесса в Великобританию (предположительно для тайных переговоров с Черчиллем или его ближайшими сотрудниками) и помещения его там под арест функции по управлению нацистской партией были переданы в партийную канцелярию, главой которой был рейхсляйтер Мартин Борман. Геббельс в своих дневниках отмечал, что фюрер отстраняется от проведения внутренней политики, и ею теперь занимается Мартин Борман, который умело создает у Гитлера иллюзию, что бразды правления по-прежнему находятся у него.

В продиктованном 29 апреля 1945 года политическом завещании Гитлер назначил Бормана министром по делам партии и распорядителем ее имущества. Потом еще было бракосочетание Гитлера и Евы Браун в подземном бункере, на котором Борман выступил в качестве свидетеля.

Он покинул обреченное убежище 1 мая. А что было дальше — никто точно не знает. Вот что говорят об этом рассекреченные документы ЦРУ и ФБР:

Рапорт ЦРУ, сентябрь 1947 года:

Утверждается, что Мартин Борман в настоящее время скрывается в окрестностях Санкт-Лоренцена, Пустерталь, Южный Тироль, под видом священника. Говорят, что его дочери живут в семье Хеллвегера в монастыре Сан-Лоренцо, а один из сыновей изучает теологию в Зальцбурге.

5 февраля 1952 года в штаб-квартиру ЦРУ из резидентуры Берлина поступила телеграмма о том, что Борман дал интервью корреспонденту немецкого журнала:

...Эберхард Штерн (бывший чиновник нацистского министерства вооружений и военного производств. — А. К.)... видел Бормана в Италии. Интервью с ним появится в мюнхенском иллюстрированном журнале. Борман отказался фотографироваться, но

фотография была получена без его ведома. Облачен в одежду монаха. С ним в монастыре находится его сын.

Штерн знал Бормана и нужен был интервьюеру, дабы удостовериться его личность, что он и сделал, опознав бывшего рейхсляйтера по родинке на носу. Вскоре в печати появились фотографии «брата Мартина», который был похож на Мартина Бормана как две капли воды. Но затем последовало опровержение: генерал ордена францисканцев Августинус Серпинский заявил, что на фотографии монах Ромуальдо Антонуцци, а никак не Борман.

Продолжим читать документы.

Из донесения в штаб-квартиру ЦРУ, от 25 марта 1957 года:

Курьер из Ватикана въехал в Испанию через Францию. Там он познакомился с Мартином Борманом, живущим под именем Хосе Гучия в Сабаделе, Каталония.

Из рапорта сотрудника ФБР, от июля 1960 года:

Информатор по работе познакомился... с капитаном Байоном Ваго, который сказал ему, что Мартин Борман прибыл из Германии в Патагонию и затем в Буэнос-Айресе ему сделали пластическую операцию на лице. Впоследствии информатор узнал от одного из сотрудников, от кого именно, он точно не помнит, но, возможно, это был капитан Ваго, что Борман поселился в монастыре в Корринтесе, расположенном недалеко от границы Парагвая. Позже неназванный клерк показывал информатору фотографию, на которой изображен человек, в монашеском одеянии звонящий в монастыре в колокол. Мужчина стоял к камере спиной. Клерк утверждал, что это был Мартин Борман.

Еще один документ ФБР, датированный ноябрем 1973 года:

«NY T-1» (псевдоним агента, женщины. — А. К.), которая всегда предоставляла достоверные сведения, недавно сообщила, что... познакомилась с мужчиной, который обладает нижеследующей информацией касательно Мартина Бормана.

Он сообщил, что Мартин Борман... живет в Цюрихе, Швейцария, под именем доктора Хаснера. В последние дни Второй мировой войны Борман стал обладателем большого количества предметов искусства и долларовых облигаций из нацистских хранилищ, которые переправил в Швейцарию. Затем Борман получил дипломатический паспорт Ватикана, используя личность покойного швейцарца, и отправился в Южную Америку, чтобы присоединиться к другим нацистам...

Свидетельства «царевича»

В 1960 году перебежавший на Запад польский разведчик Михал Голеневский в докладе, представленном ЦРУ, утверждал, что Борман и Мюллер были связаны с советской разведкой. «Хакке» (по-немецки: кирка, мотыга, топор) — так называлась якобы созданная Борманом сверхсекретная сеть, с которой, по словам Голеневского, сотрудничал ни много ни мало министр государственной безопасности СССР Виктор Абакумов.

Будто бы «Хакке» Борман начал создавать в 1944 году втайне от Гитлера, и, таким образом, к концу войны появились базы нацистов в Испании, Португалии, Аргентине, Японии и Италии, которые и были использованы после поражения Германии. Экономической основой сети «Хакке» стали вывезенные из рейха золото, драгоценности и наличные деньги. Стратегическая же цель «Хакке», как заявлял Голеневский, заключалась в создании нового, Четвертого рейха.

О «Хакке» и предполагаемых связях Абакумова с Борманом, Мюллером и другими нацистами написал также в своей скандальной книге «Досье Сарагоса» бывший участник Сопротивления, сотрудник французской разведки и историк спецслужб Пьер де Вильмаре. Но никаких документов де Вильмаре не привел. Как, собственно, и Голеневский, чья карьера в ЦРУ довольно скоро прервалась. Там пришли к выводу, что он, мягко говоря, не вполне адекватен, и утвердились в этом мнении после того, как он начал повсеместно

представляться русским царевичем Алексеем, который чудом избежал гибели от рук большевиков. Одним из проявлений шизофрении Голеневского признали в Лэнгли и его показания о Бормане.

Но поисками Бормана занимались не только спецслужбы, не только сочинители захватывающих историй вроде Голеневского и де Вильмаре, но и серьезные журналисты. Среди них был и наш знаменитый журналист-международник Игорь Фесуненко.

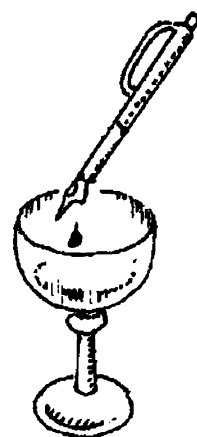
Расследование Игоря Фесуненко

В апреле 1972 года в журнале «Вокруг света» вышел очерк Игоря Фесуненко «Игра в прятки по-парагвайски». Журналист рассказал о своем бразильском коллеге, кинодокументалисте Адольфо Шадлере, который занимался поиском Йозефа Менгеле по прозвищу «Доктор Смерть» и Мартина Бормана. По версии Шадлера, Менгеле и Борман оказались под покровительством диктатора Парагвая Альфредо Стресснера.

Игорь Фесуненко пишет о Шадлере:

...Собирая материалы о его (Менгеле. — А. К.) жизни в Парагвае, он наткнулся на человека, который несколько лет назад видел не только Менгеле, но и нацистского преступника «номер один» — Мартина Бормана. Это был парагвайский врач по имени Отто Бис.

— Этот врач очень известен в Асунсьоне, — рассказывает Адольфо Шадлер. — Он пользуется большим авторитетом, имеет хорошую практику, и я не сомневаюсь, что все сказанное им правда. Так вот, Отто Бис сообщил мне, что однажды ночью к нему домой явилась неизвестная сеньора, чем-то чрезвычайно взволнованная. Она хорошо говорила по-немецки и стала умолять Отто Биса оказать срочную помощь ее больному мужу. Врач отправился с ней. Они приехали в аристократический квартал Фернандо-дела-Мора, вошли в особняк. Больной лежал на со-

фе, у него был приступ печени. Этот человек, по словам Отто Биса, очень плохо владел испанским языком и вообще весьма неохотно отвечал на вопросы врача. И вдруг Отто Бис понял, что лицо больного ему хорошо знакомо; причем знакомо по многочисленным фотографиям, которые он раньше встречал в газетах и журналах. И все же поначалу Отто Бис не смог вспомнить, кто этот человек. Продолжая осмотр пациента, он вдруг увидел, что в дверях комнаты стоит еще один человек, который тоже показался ему смутно знакомым. Впоследствии, изучая многочисленные фотографии, Отто Бис пришел к выводу, что больной, к которому он был вызван, — Мартин Борман, а человек, появившийся в дверях комнаты, — Йозеф Менгеле. Неделю спустя доктор Отто Бис решил нанести еще один визит, чтобы осмотреть больного и проверить свои выводы. Но дом оказался пуст. Его владелец заявил, что жильцы, снявшие недавно особняк, неожиданно выехали.

Менгеле избежал прижизненной кары. Обосновавшись в конце концов в Бразилии, он умер 7 февраля 1979 года — во время купания в океане у него случился инсульт. Его могилу обнаружили в 1985 году, останки эксгумировали и, получив неопровержимые доказательства, что они принадлежат именно Менгеле, передали их на факультет медицины Университета Сан-Паулу, где они и сейчас используются в качестве учебного пособия.

Наш человек?

Возвращаемся к теме, которая лишь кажется спекулятивной: не был ли Мартин Борман советским разведчиком?

В начале 1970-х годов глава БНД Рейнхард Гелен написал мемуары. Пока книга готовилась к изданию, газета «Вельт» опубликовала отрывок из нее. Это была настоящая сенсация! Огромные заголовки шокировали: «Борман был советским шпионом. Он умер в Советском Союзе несколько лет назад».

Газета мгновенно повысила свой тираж. Гелен писал:

Тайно встречаясь в кафе под Берлином, мы обсуждали проблему с главой абвера — адмиралом Канарисом. Работа советской разведки была попросту великолепна — они моментально узнавали обо всех разговорах в высших кругах Германии. Кто был информатором русских? В ноябре 1943-го мы точно узнали — радиопередачи в Москву идут... прямо из кабинета Бормана: то есть он установил русскую радиостанцию под носом у Гитлера! Но любая попытка слежки за Борманом означала смерть под пытками и для меня, и для Канариса. Тем не менее через три месяца адмирал был снят с должности, в июле 1944-го арестован и за месяц до капитуляции Германии казнен. Возможно, Борман узнал, что Канарис копает под него.

И еще одна примечательная цитата:

Русская разведка тогда была лучшей, и ей было под силу завербовать даже Бормана.

Сенсация о Бормане подавалась малыми порциями, и издатели газеты пообещали, что все доказательства будут опубликованы в одном из ближайших номеров. Но когда долгожданный субботний выпуск «Вельт» вышел, читатели, ждавшие факсимиле советских документов, были разочарованы. Гелен лишь сослался на неких «совершенно надежных информаторов» и на давно покойного адмирала Канариса.

Американские и европейские газеты объявили историю с Борманом «несерьезной». Советские газеты на этот раз были с ними солидарны.

В средствах массовой информации в начале 1990-х годов промелькнуло сообщение, что на Введенском кладбище Москвы установлена могильная плита с надписью готическим шрифтом: «Martin Bormann. 1900—1973». Год рождения (не говоря уже об имени и фамилии) совпадали. Фотография могилы тоже была представлена. Но вскоре после публикации надгробный камень исчез. Не исключено, правда, что это был фотомонтаж — кто-то просто погнался за дешевой сенсацией.

В 2011 году корреспондент «АиФ» Георгий Зотов обратился за официальными комментариями к старшему сыну наци № 2 — Мартину Борману-младшему. Тот был эмоционален:

Да, я слышал мнение Гелена и пришел в ужас. Я примчался к своему дяде и спросил его дрожащим голосом: «Неужели это правда? Отец работал на русских, а я и мама ничего не знали?» Однако дядя имел свою точку зрения. Он сообщил, что Гелен и многие другие генералы вермахта служили американцам, как лакеи. Им нужно было моральное оправдание, что другие еще хуже, поэтому они и придумали версию о шпионаже Бормана на СССР. Это полная ерунда. Мой отец верил в Адольфа Гитлера, как в Бога, за три недели до взятия Берлина он сказал мне: «Германия одержит победу, даже умирающий лев может нанести лапой смертельный удар».

Но теперь появилась новая версия.

Отдохнуть в пансионате с партайгеноссе

В книге историков спецслужб А. Колпакиди и Д. Прохорова «Внешняя разведка России», основанной на архивных документах, читаем:

В июне 1941 г. Б.М. Афанасьев прибыл в Берлин для восстановления полезных для разведки связей и, в том числе, для попытки выхода на рейхсляйтера НСДАП Мартина Бормана.

Речь идет о Борисе Мануиловиче Афанасьеве (Атанасове), советском разведчике болгарского происхождения. Том самом, который вместе с Владимиром Правдиным в сентябре 1937 года ликвидировал в Швейцарии предателя-перебежчика из Иностранного отдела НКВД Натана Порецкого.

Но если Афанасьев прибыл в Берлин для восстановления связей с Борманом, то, значит, они, эти связи, когда-то уже были установлены?

В своей книге «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы» советский разведчик, генерал-лейтенант Павел Судоплатов писал:

Когда Борман был еще никому не известным рядовым функционером нацистской партии и проживал в 1930 году в скромном пансионате под Веной, с ним поддерживал «полезное знакомство» крупный нелегал нашей разведки Борис Афанасьев.

В сообщениях Афанасьева Центру давались развернутые характеристики и оценки личности Бормана, вносились предложения об его активной разработке. Но Афанасьев, к сожалению, «засветился» в ряде наших операций во второй половине 1930-х годов, и его попытки перед самой войной восстановить полезные знакомства и былые связи в Германии и Швейцарии успехом не увенчались.

Не будем спешить с выводами. Каждое слово такого человека, как Павел Судоплатов, дорого стоит. Слово, как известно — серебро, а молчание — золото. Возможно, Судоплатов не имел права даже намекать на реальные события.

Версия журналиста Цветанова

Что же произошло после контактов Афанасьева с Борманом? Чем занимался Афанасьев в дальнейшем? Считается, что в июле 1941 года, с началом войны, вместе с другими советскими гражданами Афанасьев был интернирован из Берлина и через Турцию прибыл в СССР.

В книгах о советской внешней разведке говорится о том, что в годы войны он был одним из ближайших соратников Павла Судоплатова: руководил разведывательно-диверсионной работой в тылу немецких оккупантов, выезжал в краткосрочные заграничные командировки... Также сообщается, что в 1947 году его уволили из органов внешней разведки. Вот и вся открытая информация. Но о каких таких заграничных командировках Афанасьева в годы войны идет речь?

На мой запрос в пресс-бюро Службы внешней разведки РФ пришел лаконичный ответ за подписью его руководителя С. Иванова:

Всю информацию о Б. М. Афанасьеве можно взять в открытых источниках, в том числе в «Очерках истории российской внешней разведки». Большой информацией не располагаем.

Такой реакции удивляться не приходится. А вот болгарский журналист Борис Цветанов, который лично знал Афанасьева, уверен в том, что в последние годы войны Борис Мануилович был внедрен в одну из немецких структур в Берлине и находился на связи с Борманом, через которого добывал важную информацию. О своей гипотезе Цветанов написал в болгарском еженедельнике «Десант на патриотичния печат».

Но опять то же самое «слабое место» — версия Цветанова основана только на беседах с Афанасьевым и не подкреплена документами. А Афанасьева теперь уже ни о чем не спросишь, он умер в 1981 году, до последнего дня работая в журнале «Советская литература (на иностранных языках)».

Борман умер в Костроме?

С Борисом Афанасьевым был знаком журналист и писатель Кирилл Ковальджи. В своем цикле очерков «Литературные заметки, зарисовки, портреты» он рассказал о своей работе в 1970-х годах ответственным редактором французской версии журнала «Советская литература (на иностранных языках)». Там он и подружился с Афанасьевым, который был первым замом главного редактора.

Как вспоминает Ковальджи, Афанасьев был сибаритом и любителем кофе. Иногда за чашкой кофе он рассказывал всякие почти невероятные истории. Ковальджи вспоминает одну из таких:

Например, — как он выбрался из Берлина в 1941 году. Он находился там нелегально. Узнав о начале войны рано утром 22 июня, Афанасьев немедленно покинул место своего обитания, чтобы больше туда не возвращаться. Прошел мимо нашего посольства, увидел, что оно уже оцеплено, заблокировано. Что делать? Поняв, что все равно деваться некуда, направился прямо к воротам посольства, кинул через плечо по-немецки «Надо!» и... беспрепятственно прошел...

Однажды Ковальджи завел речь о Мартине Бормане. И тут Афанасьев обронил реплику: «Борман? А ведь он умер в Костроме...» Но комментировать не стал, перевел разговор на другую тему...

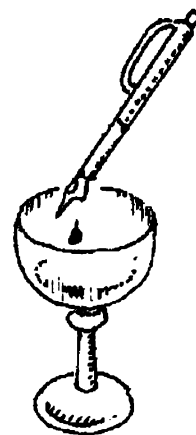
Пожалуй, не стоит спешить отвергать версию о том, что Мартин Борман, один из приближенных Гитлера, был на самом деле «Штирлицем». Собранные журналистами по крупицам обрывки сведений, возможно, сложатся со временем в нечто большее, чем сегодняшние рыхлые версии. И здесь, к сожалению, нам не помощники российские архивы, постоянно держащие сургуч горячим, чтобы еще что-нибудь засекретить и запечатать надолго.

Как американский разведчик
«спасал» Василия Сталина

Сделка с Канарисом

Легко предположить, что вторую часть жизни он завидовал себе прежнему, из первой половины. Юлиус Амосс начал в разведке на высокой ноте, но потом все пошло под откос. А ему так не хотелось уступить себе прошлому...

Родившийся в 1895 году — по некоторым данным, он имел русские корни и предки его носили фамилию Амосов, — Юлиус Амосс во время Первой мировой войны некоторое время работал в «Young Men's Christian Association» («Юно-

шеская христианская ассоциация»), занимаясь в Греции помощью перемещенным лицам и беженцам. А затем успешно занимался предпринимательством, в том числе поставками боеприпасов.

В годы Второй мировой войны он сделал стремительную карьеру в американской армии, дойдя до должности заместителя начальника штаба авиадивизии, а затем продолжил службу в рядах УСС, где в зоне его ответственности были балканские страны, а также Египет. В Египте Амосс подготовил несколько групп диверсантов, которые нанесли ощутимые удары по германским целям в Северной Африке, Швейцарии, Испании и Португалии.

Деятельность Амосса считалась особо секретной. Дошло до того, что в какой-то момент он был публично уволен из УСС, хотя на самом деле оставался на службе. Сделано это было в целях дезинформации — чтобы сбить с толку возможных «кротов», которые, по мнению руководства УСС, обязательно должны были им заинтересоваться.

О том, чем занимался Амосс, говорит уровень его общения. Так, он готовил визит в США беглого греческого короля Георга II; лично встречался, и не раз, с еще одним монархом в изгнании — двадцатилетним Петром II Карагеоргиевичем, последним королем Югославии, который после того, как германские, итальянские и венгерские войска вторглись в Югославию, бежал в Афины, а оттуда в Каир; переписывался с архиепископом и экзархом Северной и Южной Америки Афинагором (будущим патриархом Константинопольским), который в годы войны мобилизовал греческую молодежь США на борьбу с Гитлером.

Уровень в стане врага, на который выходил Амосс, был также весьма высок. В январе 1943 года он рапортует Уильяму Доновану:

...Греческий магнат Бодосакис, находящийся сейчас в этой стране, близок к адмиралу Канарису. Бодосакис... убедил меня, что наша организация должна использовать его для связи и с ренегатом Канарисом, и некоторыми нацистскими и пронацистскими лидерами в Румынии, Болгарии и Испании.

Я уверен, что смогу разработать план, с помощью которого мы сможем обеспечить Бодосакису полную безопасность и, после того как его работа будет завершена, устранить его, если это будет необходимо в наших интересах.

В рапорте от 10 марта 1943 года тема Канариса получает развитие:

...Адмирал Канарис, грек-экспатриант (Канарис не был экспатриантом, он родился в Пруссии, но у него были греческие корни. — А. К.), верховный глава немецкой секретной разведки... готов заключить «делку» с УСС; он приглашает нас встретиться с ним в Турции; приглашает меня встретиться с ним в Дрездене или Швейцарии...

В аналитических записках Юлиуса Амосса, которые он составлял для УСС, порой содержались важные выводы, касающиеся, без преувеличения, будущего Европы. Весной 1943 года он предупредил свое начальство:

Когда российские войска достигнут границ Румынии, Болгарская аграрная и Коммунистическая партии изгонят короля Бориса и объявят Болгарию республикой в рамках СССР.

И ведь почти не ошибся.

Убежище для Берии

После войны Амосс, дослужившийся до звания полковника, ушел из УСС, но не из разведки. Он создал ни много ни мало частную разведывательную структуру — International Service of Information Foundation (ISI; «Международный фонд информационных услуг»). ISI издавала периодические бюллетени «Информ» и «Информэйшн», которые распространялись в государственных и частных структурах США и Великобритании. Амосс лично редактировал каждую публикацию.

Офис ISI располагался в особняке Амосса на острове Гибсон в Чесапикском заливе. Каждый день сюда доставлялась обширная корреспонденция из многих стран мира.

Он точно просчитал: в западном обществе, встревоженном «советской угрозой», будет запрос на информацию о том, что происходит за «железным занавесом». И он решил предоставлять своим подписчикам такие сведения.

Летом 1953 года подписчиков бюллетеня «Информ» ждала сенсация из СССР: «Берия не арестован. Он скрывается. Это информация от надежного источника ISI». Далее следовал рассказ о том, что Берия «в настоящий момент находится за пределами России», а в Тбилиси подобран его двойник. Этот двойник прошел необходимую подготовку и уже отправлен в Москву, где и содержится в тюрьме вместо настоящего Лаврентия Павловича. В интервью репортеру «Вашингтон пост» (оно опубликовано в номере от 16 ноября 1953 года) Амосс рассказал о встрече в Мюнхене с человеком, представлявшим, по его словам, интересы Берии:

Ко мне пришел человек. Он представился майором российской полиции безопасности (так в тексте. — А. К.). Он... представил документ, подписанный Берией. Он сказал, что ему разрешено узнать у меня, мог бы Берия в случае побега за границу получить убежище где-нибудь на Западе.

Я сказал, что не могу дать ему официальный ответ. Но еще я сказал, что если Берия готов поделиться информацией, он, несомненно, получит убежище.

Майор сказал: «Хорошо, я удовлетворен», — и ушел.

Вскоре, однако, появились сообщения о казни Берии, и дутую сенсацию Амосса забыли. Он же взвалил вину за выпущенную на страницы газет утку на своего неназванного информанта. И при этом и не думал униматься.

Спустя всего несколько дней в бюллетенях ISI взорвалась новая информационная бомба, на этот раз речь о попытке вывезти из СССР сына Сталина — Василия. К Амоссу опять заспешили за комментариями журналисты ведущих американских изданий. Он принялся раздавать интервью

и сам написал несколько статей для американских газет. Так, 8 ноября 1953 года в еженедельнике «Америкэн уикли» в статье под названием «Чудной этикет шпионажа» он поделился деталями спецоперации по «спасению» Василия Сталина:

Когда я попытался организовать переезд Василия Сталина через немецко-чешскую границу после смерти его отца, мне пришлось иметь дело со шпионской шайкой в Мюнхене, состоящей из холеной девицы по имени Лили, ее мужа, ее любовника, ее миловидной старой матери, которую все звали Фрау, и еще двух мужчин. Мой план по доставке Василия в Соединенные Штаты, где он был бы ценным информатором, потерпел неудачу — во многом потому, что русские шпионы обставили меня. Позже я узнал, что Лили — в немецкой тюрьме, куда ее уpekла ее собственная мать.

Высосанные из пальца сенсации и странные комментарии привели к тому, к чему, собственно, и должны были привести: репутация Амосса оказалась сильно подмочена, а респектабельные подписчики бюллетеней стали открыто высказывать скепсис в отношении его деятельности.

Тут важно отметить, что Амосс не только издавал бюллетени, но и продолжал сотрудничать с ЦРУ и британской разведкой, поставляя своим бывшим коллегам «эксклюзивную» информацию. Но в ЦРУ к этому времени быстро поняли, что с Амоссом происходит что-то не то. Например, в феврале 1951 года в ЦРУ поступила от него аналитическая записка, озаглавленная «Авиационная промышленность: СССР / Чехословакия». Специалисты оценили этот документ как «содержащий частично ложные и частично сомнительные, но не поддающиеся проверке данные, а также частично правдивую информацию, которую можно получить из прессы или от беженцев и вернувшихся домой военнопленных».

Что касается бюллетеней Амосса, то по их поводу в составленном в 1952 году внутриведомственном аналитическом докладе-обзоре ЦРУ говорилось:

Единственный мотив АМОССА — деньги. В 1949 году он сказал двум американским офицерам в Лондоне, что на его «доклады» подписались «множество чертовых дураков, которые платят по двести долларов в год».

Назвал доклад и источники Амосса — это были прежде всего русские эмигранты в Великобритании, которые, как подчеркивалось, не могли обладать ценными сведениями. А кроме того:

Некоторые из статей в периодических изданиях АМОССА были написаны его женой Вероникой ГРОГАН-АМОСС, англичанкой, работавшей в отделе психологической войны МИ-6 в Каире, где АМОСС познакомился с ней во время Второй мировой войны.

Словом, ЦРУ постепенно переставало воспринимать Амосса как надежного поставщика информации. А его бюллетени, словно он стремился соответствовать этому мнению, приобретали все более странный вид — там публиковались советские пропагандистские плакаты и песни, портреты Хрущева и т. д. Они продолжали выходить, но неуклонно теряли подписчиков. Когда читаешь «Информ» и «Информэйшн», иногда кажется, что Амосс развлекался и сознательно, как сказали бы ныне, троллил своих читателей.

Выпуск бюллетеней прекратился лишь со смертью бывшего разведчика, которая последовала 9 ноября 1961 года.

Американский скандал с греческой начинкой

План похищения был почти готов

Вскоре после падения в 1974 году в Афинах хунты «черных полковников» были частично открыты архивы Греческой службы национальной разведки (КΥР). И стало известно, что

хунта планировала похитить в США находившегося в эмиграции греческого журналиста Элиаса Деметракопулоса и тайно доставить его в Афины. Предполагалось вывезти его самолетом или подводной лодкой.

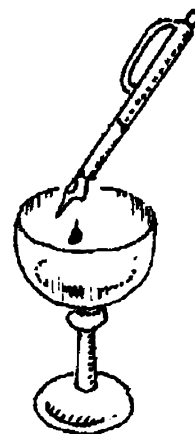
Уже были назначены следователи по его делу. К счастью для Деметракопулоса, этот план не осуществился — сначала «черные полковники» сочли его слишком рискованным и вернули КΥР с заданием доработать, а потом судьба переменялась, и они оказались за решеткой.

Не так часто журналиста пытаются похитить спецслужбы. Но тут был случай особый. «Ни один другой греческий журналист не упоминался так часто в американских и британских СМИ», — писала в 2009 году о Деметракопулосе афинская газета «Апогевматини». Жизнь этого человека — яркий пример борьбы одиночки против государства. И даже двух государств, потому что ему пришлось бороться не только против властей Греции, но и — позже — против властей США.

«Черные полковники» за Никсона

Элиас Панайотис Деметракопулос родился в Афинах в 1928 году. В 1943 году нацистские оккупанты заключили его, подростка, в тюрьму, откуда, правда, вскоре выпустили. Но этот свой опыт он запомнил навсегда. После Второй мировой войны Элиас закончил Афинскую школу экономики и бизнеса, но занялся не предпринимательством, а журналистикой. Работал в греческих газетах, потом стал собственным корреспондентом в Греции нескольких американских изданий.

Однажды в 1951 году, когда он еще постоянно жил в Греции и бывал в США только наездами, ему было сделано неожиданное предложение. Журналист вспоминал: в вашингтонской гостинице его посетил сотрудник ЦРУ (позже выяснилось, что его звали Джон Циммерман). Разговор не клеился, агент что-то мямлил, говорил намеками. А потом

вдруг предложил журналисту сотрудничать со своим ведомством.

— Вы хотите завербовать меня? — спросил Элиас, сдерживая раздражение.

— Это звучит для вас, наверное, резковато... — спокойно ответил Циммерман. — Давайте так. Мы просим вас, информированного человека, о помощи. Давайте дружить, встречаться, разговаривать, делиться новостями.

Элиас взял себя в руки. Ответил вежливо, но твердо:

— Увы, я еще не готов нести такую ответственность... Рад был познакомиться.

Деметракопулос указал гостю на дверь.

Несколько десятилетий спустя он через суд сумел доказать, что ЦРУ уже тогда незаконно прослушивало его телефон. И продолжило делать это, когда в 1967 году Деметракопулос бежал от «черных полковников» и оказался в США.

Первое время в США он чувствовал себя комфортно. Еще будучи собкором американских газет, он обзавелся хорошими связями. Он любил свою работу и здесь тоже много писал, его читали, его ценили.

Но спустя год все переменялось, и Деметракопулос стал фигурой, негодной теперь не только властям Греции, но и США. Все началось с разочарования в человеке, которого он долгое время считал своим другом. Речь идет о Спиро Агню, который в то время был губернатором американского штата Мэриленд.

Спиро Теодор Агню (урожденный Спирос Анагностопулос), будучи носителем эллинских корней, принимал активное участие в работе Американско-греческого прогрессивного просветительского союза. Когда началась предвыборная кампания Ричарда Никсона, тот объявил, что его напарником — кандидатом в вице-президенты — будет «старый друг» Агню. Элиас Деметракопулос, как он позже вспоминал, испытал «ложное чувство оптимизма» в момент, когда узнал эту новость. Он знал, что с Агню они если не полные единомышленники, то, во всяком случае, близки в своем отношении к «черным полковникам», и, следовательно, администрация Никсона, если его изберут президентом США,

будет придерживаться как минимум нейтралитета в отношении афинской хунты.

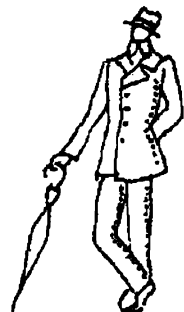
Но уже первое крупное публичное выступление Агню в качестве кандидата в вице-президенты повергло Деметракопулосу в уныние. Когда в Национальном пресс-клубе Агню спросили, что он думает о военной диктатуре в Греции, он картинно вытащил из кармана листок бумаги и прочитал, а затем продемонстрировал журналистам незамысловатый текст: «На 1000 процентов поддерживаю диктатуру».

Деметракопулосу было ясно, что здесь дело нечистое: не мог человек просто так кардинально поменять свои взгляды. Используя свои многочисленные связи, он углубился в изучение американо-греческих отношений последнего времени и получил сведения, которые шокировали его не меньше, чем выступление Агню в Национальном пресс-клубе. Из Афин пришла информация от надежного источника, что по приказу хунты спецслужба КΥР перевела через греко-американского бизнесмена Тома Паппаса на президентскую кампанию Ричарда Никсона почти 550 тысяч долларов. «Черные полковники», таким образом, участвовали в финансировании предвыборных расходов кандидата в президенты США.

За несколько недель до выборов 1968 года Деметракопулос ознакомил с собранными им документами Лоуренса О'Брайена, одного из ведущих политических деятелей демократической партии США. О'Брайен выпустил пресс-релиз с требованием, чтобы Никсон и Агню объяснили свои отношения с предпринимателем Паппасом. Но шли последние дни перед выборами, и пресс-релиз при большом потоке информации, что называется, «не выстрелил». Ричард Никсон выиграл выборы. Спиро Агню стал вице-президентом.

Деметракопулос решил продолжить борьбу. В 1971 году он предъявил материалы о коррупционной цепи «греческая хунта — Паппас — Никсон» подкомитету Палаты представителей США по иностранным делам. В это время на встречу с ним напросился адвокат Никсона Мюррей Чотинер и в приватной беседе посоветовал:

— Элиас, вы проводите неумную политику. Отстаньте от Паппаса. Это может плохо для вас кончиться.

Предупреждали Элиаса о возможных неприятностях и крупные политические фигуры. Так, Генеральный прокурор США Джон Н. Митчелл обсуждал ситуацию с греческой журналисткой Луизой Гора, которая потом написала Деметракопулосу: «Митчелл зол на тебя за твои показания против Паппаса. Он угрожает тебе депортацией».

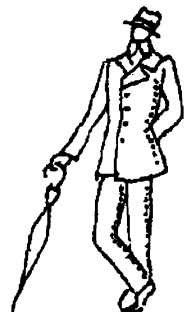
О расследовании журналиста узнал госсекретарь США и советник по национальной безопасности Генри Киссинджер. Недавно обнародован меморандум Киссинджера президенту Никсону (копия сохранилась в архиве ЦРУ), где о Деметракопулосе говорится, в частности, следующее:

...Вам, возможно, интересно узнать, что он долгое время был раздражителем в отношениях США и Греции... Он вызвал рекордное количество противоречий между греческими и американскими чиновниками... Министерство обороны и США и ЮСИА (United States Information Agency — Информационное агентство США. — А. К.) неоднократно предупреждали чиновников о Деметракопулосе; однако ему удалось, например, получить эксклюзивное интервью у вице-президента Линдона Джонсона в 1961 году. Ему сопутствовал такой же успех в других местах в правительстве и на Холме (имеется в виду Капитолийский холм, местопребывание Конгресса США в Вашингтоне. — А. К.). Полностью ли проинформированы сенаторы о бэкграунде Деметракопулоса, пока неясно. Тем не менее они находят возможным с его помощью критиковать нашу политику в Греции.

Под грифом «COSMIC: Eyes Only»

Ричард Никсон тем временем готовился к переизбранию на второй срок. 17 июня 1972 года, за четыре месяца до выборов, грянул так называемый Уотергейтский скандал. Полиция арестовала пятерых человек в вашингтонском отеле «Уотергейт», где находилась штаб-квартира конкурента Никсона — кандидата в президенты от Демократической партии Джорджа Макговерна. Взломщики, скрытно про-

никнув в нее, принялись настраивать подслушивающую аппаратуру и, предположительно, фотографировали документы демократов. Как утверждали влиятельные американские журналисты, и в первую очередь Элиас Деметракопулос, пятеро злоумышленников надеялись найти и похитить среди прочего документы, подтверждающие связь Никсона и Паппаса. В прессе высказывалась версия, согласно которой в обмен на финансовую помощь Паппас просил Никсона оставить на прежнем посту американского посла в Греции Генри Таску, необходимого ему, дабы проворачивать какие-то свои дела.

Никсон был избран, но Уотергейтский скандал продолжал раскручиваться, и все кончилось тем, что 9 августа 1974 года перед лицом неминуемого импичмента он вынужден был уйти в позорную отставку.

В том же 1974 году в Греции рухнула диктатура «черных полковников». Деметракопулос получил доступ к делам секретной полиции в Афинах и добыл документы, которые подтверждали помощь греческой хунты избирательному штабу Никсона.

Нашлись и новые материалы, связанные с планами похищения в США отважного журналиста. Документ греческой спецслужбы под грифом «COSMIC: Eyes Only» (это означает высший уровень секретности) свидетельствовал, что греческие власти готовили его убийство. При этом в одной из телеграмм категории COSMIC говорится: «Мы можем полагаться на сотрудничество с учреждениями правительства США...»

Деметракопулос поставил перед собой цель: выяснить, в чем именно заключалось сотрудничество греческой спецслужбы с американцами. В 1976 году с помощью адвоката Уильяма А. Добровира он получил доступ к ряду документов Государственного департамента, ФБР, ЦРУ, Министерства юстиции и Пентагона. Ничего особенного в них ему обнаружить не удалось. Но ниточка потянулась к Генри Киссинджеру, поскольку выяснилось, что самые важные документы были переданы в Совет национальной безопасности и лично ему.

Последовал запрос на документацию, поступавшую в адрес госсекретаря. Ответ последовал не сразу и в неожиданной для Деметракопулоса форме (хотя как раз чего-то такого, наверное, и следовало ожидать). Киссинджер с формулировкой «по соображениям национальной безопасности» дал указание прекратить любое содействие этому расследованию. Бизнесмен Паппас так никогда и не был обвинен в «Уотергейтском скандале». Хотя в 1976 году Генри Таска, уже не будучи послом США в Греции, подтвердил перевод денег от греческой хунты на избирательную кампанию Никсона. А затем, когда были обнародованы записи администрации Никсона, стало известно, что от своего секретаря Роуз Мэри Вудз президент США требовал «убедиться, чтобы не было никаких записей о визите Паппаса в предвыборный штаб». Значит, было что скрывать...

В марте 1977 года на свет божий был извлечен документ за номером 7 024 513 из архива Государственного департамента. Это была короткая записка Киссинджера: «Смерть Деметракопулоса в тюрьме в Афинах». Деметракопулос счел ее подтверждением планов по своему устранению, причем с одобрения Белого дома (и как, собственно, иначе можно расценить этот красноречивый текст?). Он отреагировал на публикацию этой записки с присущей ему иронией: «Во-первых, мистер Деметракопулос все еще жив. И во-вторых, он не умер в афинской тюрьме. Вы можете это как-то объяснить?»

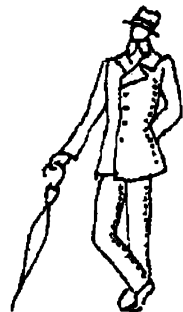
Деметракопулос до конца жизни — а умер он в 2016 году — продолжал бороться с ЦРУ, ФБР и лично с Генри Киссинджером. Через суд он добился официального признания, что две службы много лет незаконно прослушивали его телефон. Правда, наказания за это не понес никто. Он также подал в суд на ЦРУ за распространение ложных сведений через «Нью-Йорк таймс» и другие средства массовой информации о том, что он якобы «связан с югославскими и израильскими разведывательными службами». Сведения эти были опровергнуты, но это никак не отразилось на их заказчиках.

Последние годы Деметракопулос жил в Вашингтоне, снабжая журналистов сюжетами из своего «архивного сундучка».

Он пережил греческую хунту и одержал победу в суде над американскими спецслужбами. Одного он не дождался — объяснений и извинений от Генри Киссинджера.

Георгий Марков: диссидент или шпион?

Укол зонтиком на мосту Ватерлоо

В конце 2017 года в Англии прогремел скандал, который тут же отозвался в Болгарии. А именно: из Национального архива Великобритании исчезло досье, относящееся к гибели в 1978 году в Лондоне болгарского журналиста и писателя, диссидента Георгия Маркова. За четыре года до этого, в 2013 году, болгарская прокуратура объявила о прекращении расследования этого дела, в котором за 35 лет так и не появились ни обвиняемые, ни подозреваемые. Истек срок давности, и было принято решение сдать дело в архив.

Георгий Марков бежал в Англию в 1969 году. Он поселился в Лондоне, женился на англичанке и стал работать на радиостанции Би-би-си. Его передачи, аудиторией которых были в основном жители Восточной Европы, разили острой критикой просоветские режимы.

Вечером 7 сентября 1978 года Марков вышел из здания, где располагался офис радиостанции, чтобы перепарковать свой автомобиль поближе к входу. На мосту Ватерлоо журналист внезапно почувствовал укол в икру ноги. Он обернулся и увидел человека, который подбирал упавший зонтик. Тот извинился, позвонил такси и уехал. Марков счет инцидент исчерпанным. Он перегнал автомобиль, вернулся в офис и вскоре уже сидел за микрофоном.

Домой Марков вернулся поздно, лег спать. А утром почувствовал недомогание, поднялась высокая температура. Он позвонил на работу и остался дома в надежде отлежаться. С каждым часом, однако, ему становилось все хуже. Стало понятно, что это не грипп, как предположила жена Мар-

кова. Журналиста срочно отвезли в одну из лондонских клиник.

Врачи были в недоумении: с такими симптомами никто из них никогда не сталкивался. И тогда Марков высказал врачам предположение, что его отравили с помощью зонтика с ядовитым наконечником. Врачи подумали, что больной начал бредить, но полицию на всякий случай вызвали. Когда полицейские приехали, Марков уже был в коме. Через несколько часов он умер, не приходя в сознание.

Патолого-анатомическое исследование подтвердило отравление. Позже картина стала четче: Маркова отравили высокотоксичным ядом рицином — в шесть раз более ядовитым, чем цианистый калий.

На Западе практически сразу заговорили о том, что убийство Маркова — дело рук болгарских спецслужб, которые не обошлись без активной помощи советской разведки. Позже об участии КГБ и его болгарского аналога с тем же названием — Комитет за държавна сигурност (сокращенно ДС) — в устранении диссидента говорил бывший советский генерал госбезопасности Олег Калугин, эмигрировавший в США.

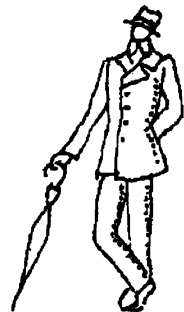
В 1993 году Олега Калугина задержали представители британских правоохранительных органов в лондонском аэропорту Хитроу, куда отставной генерал КГБ прибыл по приглашению Би-би-си. Основанием для этого послужили его собственные неоднократные заявления о причастности КГБ к убийству Маркова.

Калугина доставили в полицейский участок. Там он дал показания, что непосредственно к покушению не причастен, однако выразил готовность сотрудничать со следственными органами. По его словам, убить диссидента приказал лично руководитель болгарских коммунистов Тодор Живков, а что касается орудия убийства, то оно было изготовлено в СССР и передано болгарам.

Из книги Олега Калугина «Прощай, Лубянка!»:

Моя причастность к делу Маркова состояла в том, что я присутствовал при рассмотрении этого вопроса в кабинете Андропова, что мой сотрудник Голубев выезжал в Болгарию для

инструктажа, но не я направил его туда, а Крючков (Владимир Крючков возглавлял тогда Первое главное управление КГБ СССР — внешнюю разведку. — А. К.), и что я знал от болгар, по завершении операции, как она готовилась. Переписки по этому поводу между Москвой и Софией не было. По телефону такие проблемы не обсуждают...

«Пикадилли» отпустили

Первый серьезный прорыв в расследовании этого дела произошёл в начале 1990-х годов, когда британские и датские следователи вышли на след человека, которого новые, уже антикоммунистические болгарские спецслужбы подозревали в непосредственном исполнении убийства. Звали этого человека Франческо Гуллино. Бывший агент ДС под оперативным псевдонимом «Пикадилли», он был итальянцем по происхождению и имел датское гражданство.

В 1993 году в Копенгагене Гуллино был задержан. Датчане устроили ему шестичасовой допрос. Но Гуллино причастность к убийству диссидента категорически отрицал и был отпущен, так как болгары не предоставили своим датским коллегам никаких доказательств его причастности к делу Маркова.

Но десять лет спустя косвенные доказательства того, что убийцей Маркова был все-таки «Пикадилли», удалось получить болгарскому журналисту Христо Христову. Его расследование серьезно осложнялось тем, что в 1989 году, во время краха в Болгарии коммунистической идеологии, были уничтожены многие документы (в том числе, кстати, и дело по оперативной разработке Маркова; его уничтожил последний начальник болгарской социалистической разведки генерал Владимир Тодоров, за что впоследствии был приговорен к 14 месяцам лишения свободы), но тем не менее Христов нашёл документы, связанные с Гуллино. Они позволили установить, что в 1970-х годах прошлого века агент «Пикадилли» четыре раза посещал Лондон. Христов считает, что Гуллино

приезжал в британскую столицу для слежки за объектом «Скитникът» (то есть «Скиталец», «Странник» — таков был псевдоним Маркова в документах болгарской спецслужбы).

Христов нашел также документы о подготовке «Пикадилли» в структурах болгарского ДС и сведения о получении им медали вскоре после убийства Маркова. Хорошо было бы задать новые вопросы Франческо Гуллино, но после допроса в Копенгагене он бесследно исчез и вряд ли теперь уж когда-нибудь объявится.

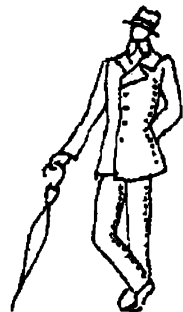
Казалось, о деле Маркова начали забывать. Но оно опять попало на страницы газет после сообщения о пропаже британского досье. Что удивительно, «потерялось» досье в Министерстве иностранных дел Великобритании, которое его зачем-то запросило. Впрочем, пресса, прежде всего болгарская, которую эта история интересует, по понятным причинам, больше всего не верит, что имела место простая халатность. Высказываются предположения, что к исчезновению досье причастны спецслужбы Великобритании и США, которые и... убили Георгия Маркова.

Калугин — американский шпион?

Один из тех, кто связывает смерть Георгия Маркова с англичанами и американцами, — известный болгарский журналист, главный редактор газеты «Строго секретно» Красимир Иванджийский.

В своем расследовании Иванджийский обращает внимание на предположения сотрудников КГБ, служивших в вашингтонской резидентуре в 1960-х годах. По их мнению, в 1958 или 1959 году Калугин предложил свои услуги ФБР, и это предложение, надо полагать, было принято. В 1973—1979 годах, когда он руководил внешней контрразведкой КГБ, ни один офицер американской разведки не был завербован и ни одного агента противника обнаружено не было. Но при этом последовала цепь странных неудач КГБ по всему миру. Это, разумеется, вызывает вопросы.

Иванджийский считает, что объявленная Калугиным версия убийства Маркова была состряпана в недрах американских и/или английских спецслужб, на которые Калугин давно работал. Косвенно это подтверждается тем, что после своих показаний перебравшийся жить на Запад Калугин не был привлечен к ответственности за соучастие в убийстве. По мнению Иванджийского, убийство совершили англичане и/или американцы, недовольные тем, что Марков понемногу начал критиковать уже западный мир — стал как бы «дважды диссидентом». И когда он обратился с письмом в ЦК Болгарской компартии, в котором выразил готовность вернуться на родину и посвятить себя только литературной деятельности, они приняли решение о его устранении, ибо в противном случае западные страны могли потерпеть серьезное поражение в пропагандистской войне.

Этим, собственно, и объясняется потеря досье Маркова, документы из которого могли бы вывести на след его настоящих убийц. Так, во всяком случае, считает главный редактор газеты «Строго секретно».

Завороженные словом «компьютер»

Есть и другая версия, еще более радикальная. После сообщения об исчезновении в Лондоне досье Маркова в Болгарии заговорили о том, что, возможно, были правы те, кто утверждал, что Марков на самом деле — вовсе не диссидент, а агент болгарской разведки, и работал он на коммунистический режим. Тогда, мол, понятны мотивы его устранения в Лондоне контрразведками Великобритании и США.

Слухи о том, что Марков на самом деле не бежал из Болгарии, а был отправлен за границу в качестве тайного агента, начали гулять давно — вскоре после перемен в Болгарии в 1989 году. Летом 1991 года болгарский журналист Георгий Тамбуев объявил в интервью газете «Факс», что «пришел к истине с помощью специальной компьютерной программы, в которую он заложил 17 фактов из биографии Маркова».

И эта программа якобы дала ответ: Марков — высокоуровневый агент болгарской госбезопасности, который собирал информацию в странах НАТО, и особенно в Англии.

Сегодня история с загадочной компьютерной программой воспринимается скорее как курьез, но в начале 1990-х годов нашлось немало тех, кто поверил Тамбуеву. Вероятно, они были заморожены новой для себя компьютерной терминологией. Позже эта байка обросла новыми деталями и распространилась довольно широко.

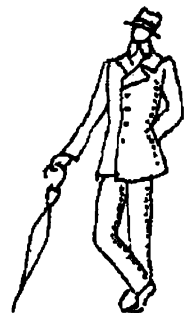
В 2019 году свое расследование начал болгарский журналист, писатель и поэт Димитр Кенаров. Информационную и документальную поддержку ему оказывал историк Валерий Кацунов. По результатам их изысканий появилась статья Кенарова на сайте болгарской редакции «Радио Свобода». В ней автор пытается понять сторонников версии о том, что Марков был связан с ДС:

Как мог не быть Георгий Марков агентом госбезопасности, если он пользовался многими привилегиями в Болгарии и даже приглашался на прогулки лично Тодором Живковым? Как он мог не быть агентом, путешествуя свободно за границей? Как он мог не быть агентом, когда одним из его близких друзей был полковник Костадин Кьюлумов, главный идеолог Шестого отдела ДС? Это, конечно, вполне разумные аргументы, которые нельзя недооценивать. В то же время ни один из этих доводов не является фактом, подтверждающим связь Маркова и ДС, но обществом они воспринимаются как факты.

В опровержение этих доводов Кенаров приводит устные свидетельства бывших руководителей госструктур ушедшей в историю Народной Республики Болгария. В частности, ему удалось встретиться в США с Константином Добревым, бывшим сотрудником Государственного следственного управления, который в 1972 году был главным следователем по делу Георгия Маркова (тогда диссидент был заочно приговорен к шести с половиной годам тюремного заключения). Добрев заявил, что, по его информации, Георгий Марков никогда не был агентом ни госбезопасности, ни военной разведки.

Мне были предоставлены все документы по делу. Если бы Георгий Марков был частью госбезопасности, я бы об этом знал. Таких документов не было.

Но главное, Кенарову и Кацунову удалось найти важный документ, который опрокидывает версию о Маркове-разведчике. Это ответ на запрос в 1990 году Главного следственного управления Болгарии в адрес Национальной разведывательной службы (НРС). Ответ был подготовлен Димитром Кендименовым (бывшим офицером разведки и резидентом в Великобритании во время убийства Маркова) и Радко Тодоровым (главой правительственного архива); подписал его тогдашний глава НРС генерал-майор Румен Тошков.

В ответ на ваше письмо мы информируем вас о том, что в результате изучения оперативного отчета НРС было установлено, что писатель ГЕОРГИЙ МАРКОВ не принадлежал к негласному аппарату службы и что с ним не поддерживались связи на агентурно-оперативной или другой основе.

Не исключено, что найдутся любители конспирологии (да и находятся уже), которые скажут, что и этот документ есть результат фальсификации спецслужб — не важно каких. Но это уже совсем другая история.

Как французская спецслужба обманула Чаушеску

«Она должна стать живым трупом...»

Расправы с негодными журналистами практиковались и в других странах социалистического лагеря. Так, например, румынский диктатор Николае Чаушеску распорядился «наказать» радиоведущую Монику Ловинеску. Она вещала

на Румынию в эфире антикоммунистической радиостанции «Свободная Европа», где у нее была собственная программа «Тезы и антитезы».

Как вспоминал на страницах журнала «Вашингтониан» бежавший в США генерал румынской спецслужбы Секуритате Ион Михай Пачепа, Чаушеску приказал своей политической полиции:

Ловинеску надо заставить замолчать. Не убить, нет. Нам сейчас не нужны французские и американские расследования. Она должна быть избита до полусмерти и остаться со сломанными челюстями, зубами и руками, чтобы никогда больше не могла говорить или писать — и избита в своем собственном доме, чтобы она и другие поняли, что нигде не спрятаются людям, которые клеветают на диктатуру пролетариата, даже в своих домах. Она должна стать живым трупом, наглядным примером для других.

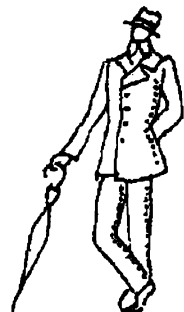
За дело взялись два боевика Организации освобождения Палестины, сотрудничавших с Секуритате. Вот как описала встречу с ними в 1977 году сама Моника Ловинеску:

В пятницу, 18 ноября, я возвращалась домой в 17.30. Во дворе перед домом мне встретились два незнакомца (второй вышел из-за куста только в последний момент). Первый подошел и спросил меня по-французски с акцентом, не являюсь ли я «госпожой Моникой». Я сразу поняла, что дело связано с румынами (во Франции обращения «господин» или «госпожа» не употребляются с именем). У него был в руке большой конверт, и он сказал мне, что это некое сообщение, и лучше прочесть его в доме. Мне показалось это подозрительным, и я отказалась. Он настаивал на том, чтобы войти в дом. Я снова отказалась. Потом появился второй, они кивнули друг другу. Внезапно я стала терять сознание, закричала. Тут подбежал прохожий (почтовый работник), и они скрылись.

Моника попала в реанимацию после избиения, но, к счастью, пострадала не так сильно, как хотелось Чаушеску, и продолжила журналистскую деятельность.

Ион Михай Пачепа вспоминал еще об одном случае:

Эмилю Джорджеску, программному редактору радиостанции «Свободная Европа» в Мюнхене, которого Чаушеску приказал убить в 1978 году, нанесли 28 июля 1981 года 22 ножевых ранения в собственном доме; он едва выжил. Этот приказ сыграл решающую роль в моем окончательном разрыве с Бухарестом.

В арсенале авторучка

В 1982 году Чаушеску распорядился ликвидировать в Париже двух журналистов и писателей-диссидентов — Вирджила Танасе и Паула Гому. Поводом к этому послужили их публикации в эмигрантской прессе с резкой критикой румынского режима. Так, возмутил официальный Бухарест опубликованный в парижском журнале «Актуэль» памфлет Танасе под заголовком «Чаушеску I, царь-коммунист». И окончательно бухарестский диктатор пришел в бешенство, прочитав книгу Паула Гомы «Собаки смерти» о румынских концлагерях.

Но секретный агент Матей Павел Хайдуку из директората внешней разведки Секуритате, которому поручили ликвидировать Танасе и Гому, прибыв в Париж, направился во французскую контрразведку — Управление территориального надзора (DST), где объявил о своей миссии и попросил политического убежища. Попутно он сообщил, что химики из Секуритате снабдили его авторучкой, наполненной ядом, который действует в течение нескольких секунд. Поскольку у Гомы было слабое сердце, предполагалось, что его смерть будет выглядеть как естественная. Танасе же предполагалось похитить, а затем убить.

Французы предложили Хайдуку поучаствовать в игре против Секуритате. Он охотно согласился, поскольку в Румынии оставалась его семья, чья участь была бы ужасна, узнай Секуритате о его предательстве, и нужно было выиграть время, чтобы ее вывезти.

...Шла частная коктейль-вечеринка, где собрался бомонд румынской эмиграции. В разгар насыщенного шампанским

и музыкой вечера Хайдуку незаметно капнул из авторучки в бокал Гомы (впрочем, яд заменили на похожую, но совершенно безвредную жидкость). Но прежде чем писатель успел бокал пригубить, стоявший рядом с ним гость сильно толкнул его — конечно, случайно. Гома выронил бокал, а неуклюжий участник вечеринки долго перед ним извинялся, ссылаясь на плохое зрение и крепкие напитки.

Как можно догадаться, это был агент DST. Инсценировка попытки отравления Гомы удалась на славу. Она была необходима, чтобы обезопасить Хайдуку, за которым могли вести слежку люди Секуритате; вполне возможно, они потягивали коктейли где-то поблизости от своего сослуживца.

Одновременно разработали операцию по срыву похищения Танасе. 20 мая 1982 года на глазах нескольких прохожих Вирджила Танасе прямо на площади Бастилии схватили, насильно усадили в автомобиль и увезли в неизвестном направлении. Румынский диссидент исчез бесследно. Французская общественность была встревожена, в Румынии противники режима Чаушеску были уверены в том, что он похищен и убит.

Хайдуку вернулся в Бухарест, доложил о «выполнении» задания, был за это награжден, а через несколько месяцев с помощью французов вместе с семьей бежал на Запад. Танасе все это время находился в Бретани, где под присмотром французских контрразведчиков ждал, пока можно будет снова выйти на публику. Его жена, разумеется, знала о ложном похищении и разыгрывала безутешную соломенную вдову. Когда же наконец Хайдуку и его семья оказались в безопасности, Танасе живой и невредимый дал пресс-конференцию, и можно только представить, как гневался после этого Чаушеску...

Когда «гласность» наказуема

Вечером 1 октября 1984 года в аэропорту Далласа к 40-летнему аналитику американской военно-морской разведки Сэмюэлю Лорингу Морисону подошли два вежливых господина и, предъявив документы, объявили о его задержании:

— К сожалению, ваш самолет улетит без вас. Вы должны проследовать за нами.

Сэмюэль негромко произнес:

— Надеюсь, это ошибка. Буду признателен, если обойдемся без наручников.

— Конечно. Машина ждет.

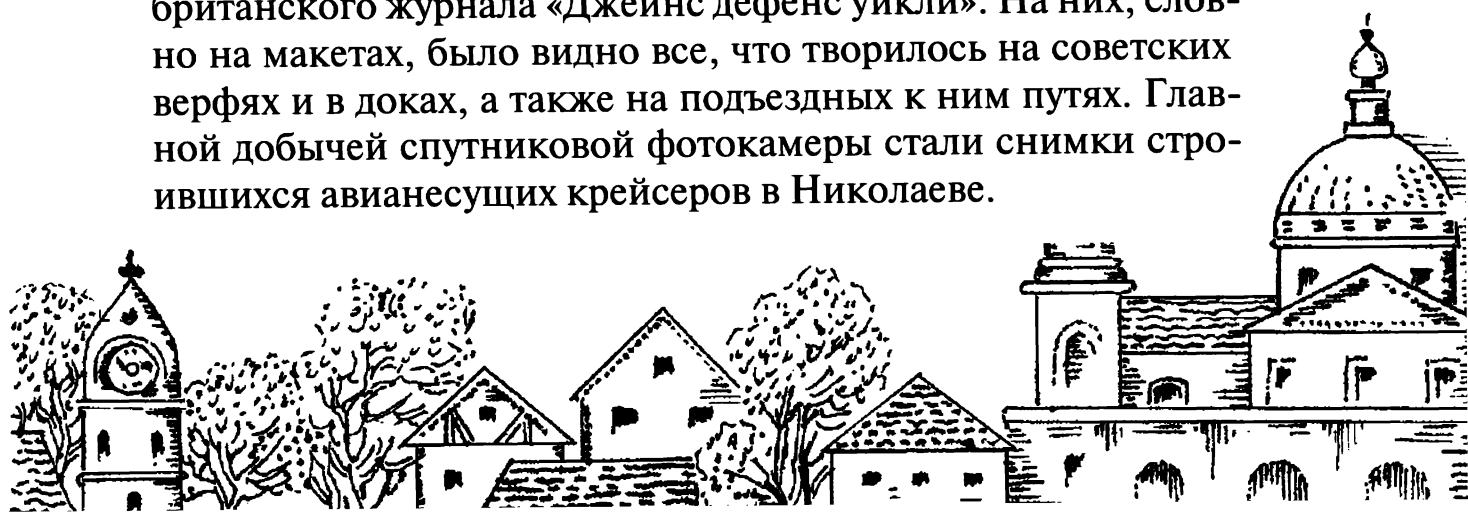
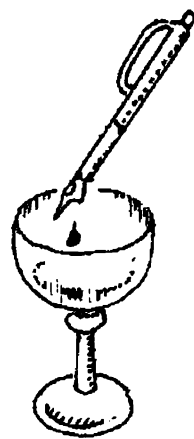
В машине Сэмюэль Морисон недоумевал, в чем он провинился. И не приглашен для разговора коллегами из дружелюбной спецслужбы, а именно задержан.

Но еще не начался первый допрос, как он все понял, увидев на столе, за которым сидел агент ФБР, несколько журналов со знакомыми обложками. В этот британский журнал — «Джейнс дефенс уикли» — Морисон передал для публикации спутниковые фотографии, добытые в рамках американской суперсекретной программы. Но он же не хотел нанести вред своей стране. Наоборот, он действовал из самых лучших, патриотических побуждений...

И это стало поводом для его задержания! Его, чей дед контр-адмирал Сэмюэль Элиот Морисон, преподавал в Военно-морской академии и считается выдающимся военно-морским историком! Он и во флот попал по стопам деда. Как аналитик, Морисон занимался советскими кораблями и параллельно сотрудничал с морской прессой. И теперь из-за этого его обвиняют в шпионаже... Какой позор!

В конце 1970-х годов в США дали старт проекту, получившему кодовое обозначение «Гексагон» («Hexagon»), в рамках которого было запущено 18 спутников-шпионов. На орбиту вышел среди прочих аппарат КН-11, оснащенный оптико-электронной цифровой фотокамерой, передававшей снимки высокой степени разрешения на спутник связи, а тот — на землю.

Некоторые из этих фотографий Морисон переправил в редакцию специализирующегося на военно-морской тематике британского журнала «Джейнс дефенс уикли». На них, словно на макетах, было видно все, что творилось на советских верфях и в доках, а также на подъездных к ним путях. Главной добычей спутниковой фотокамеры стали снимки строящихся авианесущих крейсеров в Николаеве.

Морисон решил, что будет правильно опубликовать эти снимки в прессе стратегического союзника США. Мысль его была проста: «общественность должна знать о том, что авианосец с ядерной установкой даст Советам новые возможности, и надо увеличивать оборонный бюджет». И теперь, во время допросов в ФБР, он искренне не понимал, каким образом нанес ущерб НАТО, передав фотографии в «Джейнс дефенс уикли».

Но это было только начало. Морисону также предъявили обвинение в разглашении информации об инциденте весной 1984 года на советской военно-морской базе в Североморске.

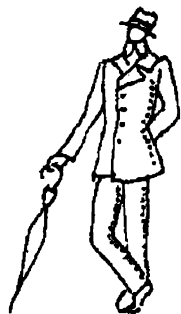
...17 мая 1984 года в Североморске внезапно загрохотали взрывы, над горизонтом взвились один за другим несколько серых «грибов». Гражданские запаниковали, решив, что началась ядерная война. Военные были сдержаннее, но и их впечатлило открывшееся зрелище. Загоревшиеся стартовые ускорители ракет самопроизвольно взлетали в воздух и носились по причудливым траекториям.

Это не было ядерной войной, но трагедия была серьезная: произошли взрывы на складах ракетного оружия. Как подсчитали потом специалисты, мощность взрывов была вполне сопоставима с ядерным ударом. Северный флот лишился половины своего ракетного вооружения, трагедия унесла, по разным подсчетам, от двухсот до трехсот жизней.

События того рокового дня зафиксировал американский спутник-шпион. Основываясь на этой съемке и других материалах, специалисты подготовили аналитический доклад, разумеется, секретный. При обыске в доме Морисона была найдена ксерокопия этого документа, которая лежала в конверте с пометкой «Дерек Вуд». Этот Вуд был посредником между Морисоном и редакцией «Джейнс дефенс уикли». Анализ машинописной ленты показал, что Морисон напечатал и, вероятно, отправил письмо Дереку Вуду с кратким изложением содержания доклада. Следствие пришло к выводу, что Морисон готовил и этот материал для публикации в «Джейнс дефенс уикли» и тем самым был близок к тому, чтобы выдать еще одну государственную тайну.

Логика обвинения была такова: никто в мире не должен знать, какими советскими секретами владеют спецслужбы стран НАТО. Адвокаты Морисона, в свою очередь, пытались убедить суд в том, что побуждения их подзащитного были патриотичны, ведь он хотел привлечь внимание общественности к угрозе со стороны СССР. Судьи приняли сторону обвинения, и 17 октября 1985 года Морисона приговорили к двум годам заключения.

Он вошел в историю как единственный американский чиновник, осужденный за передачу секретов средству массовой информации. Но вряд ли это послужило ему утешением.

Газетчики не знали, о ком писали

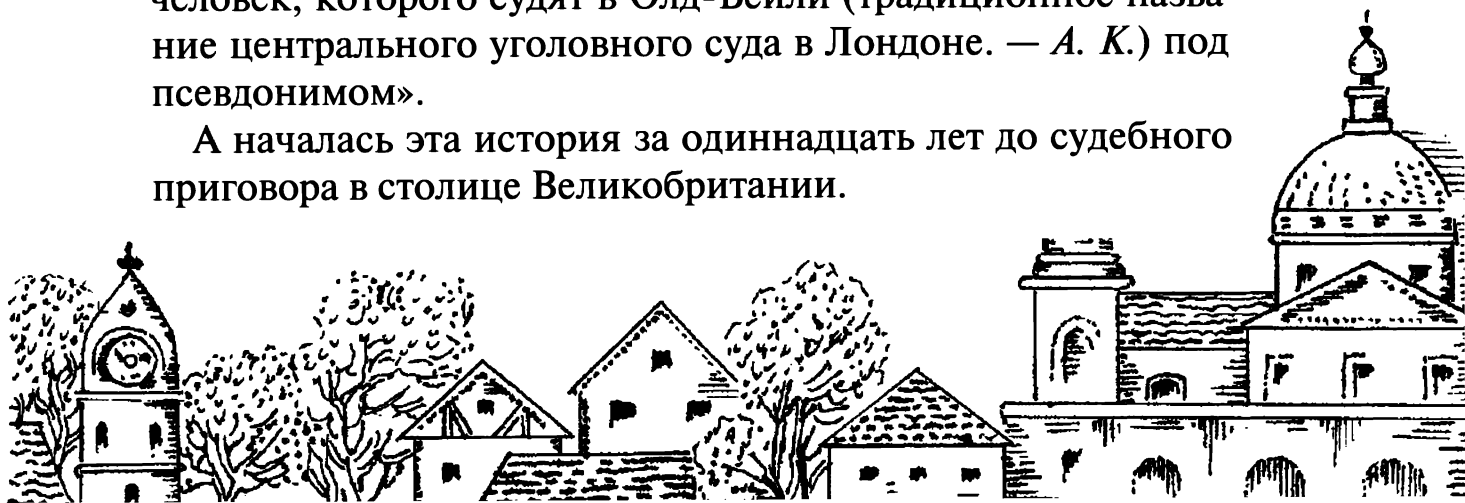
Псевдоним для всех

Своего настоящего имени он не назвал ни следствию, ни суду, ни своему адвокату. Не знали, разумеется, его имени, и многочисленные журналисты, хотя были на 100 процентов уверены, что зовут этого человека не так, как обращаются к нему в зале суда...

На описание его внешности газетчики не скупились. Описывали его чуб, по-крестьянски падавший на лоб, волевой подбородок и внимательные глаза. Судебный репортер «Дейли экспресс» усмотрел в нем «старомодного ловкого шпиона».

4 марта 1989 года судья приговорил человека, назвавшегося Эрвином ван Хаарлемом, к 10 годам лишения свободы за шпионаж. Один из старших офицеров Скотленд-Ярда в интервью журналисту отметил: «Он, вероятно, первый человек, которого судят в Олд-Бейли (традиционное название центрального уголовного суда в Лондоне. — А. К.) под псевдонимом».

А началась эта история за одиннадцать лет до судебного приговора в столице Великобритании.

Сюжет для индийской мелодрамы

53-летняя Йоханна Ван Хаарлем решила, что новая жизнь для нее начнется именно сегодня, в первый день 1978 года. Встреча Нового года прошла для нее на этот раз тревожно и непривычно: женщина провела его одна в номере лондонского отеля, в компании телевизора и бутылки шампанского, которое она неумело, впервые в жизни, открывала сама. Но пьянела она не от вина, а от предчувствия: ведь завтра она увидит сына, с которым рассталась 34 года назад! О месте встречи они договорились в переписке. Еще ни разу они не говорили, даже по телефону.

Было холодно, сквозь мелкий снег на другой стороне улицы угадывалась фигура. Человек поднял голову, заметил Йоханну и направился к ней.

— Доброе утро. Вы миссис ван Хаарлем? — спросил он не очень уверенно.

— Да, — ответила она, и горловой спазм начал душить ее.

— Мама, это я, твой сын. Я — Эрвин!

Итак, они нашли друг друга! Слез не стеснялись. Пошли в квартиру Эрвина, где уже был приготовлен праздничный стол.

— Так ты один живешь? — робко стала расспрашивать мать сына.

— У меня есть невеста, она в Голландии. А в Лондон я приехал, чтобы заработать денег на свадьбу.

— Вот как... — Йоханна умиленно смотрела на обретенного сына. — Волосы у тебя мои, а отец твой был блондин...

Она рассказала, что отцом его был 23-летний поляк, красивый, статный и голубоглазый. Он придерживался нацистских взглядов. Они познакомились в ноябре 1943 года в Голландии, когда Йоханне было восемнадцать лет. Через две недели они уже были близки, Йоханна забеременела, а вскоре поляк исчез. Дома Йоханне велели ребенка отдать в приют, что она и сделала вскоре после его рождения, устроив младенца в детский дом в Голешовице в Праге. Поцеловав

малыша на прощанье, она вернулась в Голландию одинокой и опустошенной.

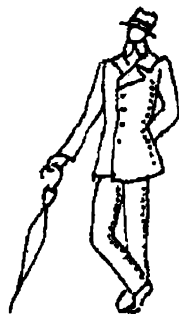
— Знаешь, — рассказывала Йоханна взволнованно, — я ведь каждый год отмечала твой день рождения.

— Переезжай завтра ко мне, мама, — предложил Эрвин. — Я заеду к тебе утром.

— Конечно, сынок.

Проводив гостью, Эрвин сел за передатчик и отпрапортовал в Прагу: «Согласованная встреча состоялась». За пару месяцев до этого, он получил от своего начальства в *Státní bezpečnost* — Службе государственной безопасности сообщение: «Твоя мать пыталась найти тебя в Чехословакии с помощью Красного Креста. Если Красный Крест найдет тебя, встреча должна быть согласована».

Искренние слезы женщины почти растрогали его. «Впрочем, долой сантименты, мешающие работать. Хорошо, что между нами установился эмоциональный контакт. Легче будет играть роль ее сына», — подумал чехословацкий разведчик.

В Англию с голландским паспортом

Он родился в небольшой деревне неподалеку от Праги в 1944 году, на день раньше человека, чью личность ему присвоили в чехословацкой внешней разведке. В детстве он помогал отцу готовить печенье и мороженое в небольшом заведении, где мирно уживались жаркие печи пекарни и большие холодильники. После прихода к власти коммунистов заведение было национализировано, а парня забрали в армию. Точнее — призвали рядовым в структуру чехословацкого министерства внутренних дел.

Служба, монотонная и неинтересная, его тяготила, душа жаждала подвига. Как-то раз командир его отчитал, заметив, что он на посту листает чешско-немецкий словарь. После дежурства его вызвали в кабинет к командиру. Рядовой ожидал взыскания, но вместо этого его познакомили с двумя

сотрудниками Службы государственной безопасности. Начали беседовать. Видимо, он им понравился, потому что последовало предложение перейти на службу в их организацию. Он подумал и на завтра ответил согласием.

Со временем ему присвоили офицерское звание и стали готовить к работе за границей. В 1967 году на свет второй раз, теперь в его облике, народился Эрвин ван Хаарлем — так звали голландского младенца, оставленного в 1944 году в детском доме и затем кем-то усыновленного.

В 1971 году новый Эрвин ван Хаарлем выехал из Чехословакии в Австрию и оттуда стал хлопотать о получении гражданства Нидерландов. Родителям он сказал, что едет работать в СССР в сверхсекретном проекте. С девушкой, уже почти невестой, пришлось расстаться. Без издержек, как видим, не обошлось.

Несколько лет Эрвин трудился в Австрии официантом. Гражданство ему все не давали, и тогда он, по согласованию с Центром, обратился прямо к королеве Нидерландов. Это возымело действие, и в 1975 году он отправился в Лондон уже с нидерландским паспортом.

В лондонском Кенсингтоне он вновь устроился официантом. Из широких окон ресторана на 24-м этаже отеля «Хилтон» открывался вид на центр города, в том числе на Букингемский дворец. Эрвин не просто любовался его архитектурой, а наблюдал, кто выехал из ворот резиденции британских монархов, кто въехал, как вела себя охрана и т. д. Из Центра пришло задание установить, по возможности, прослушку в самом дворце, куда в принципе можно было попасть в качестве официанта, но это оказалось ему не под силу.

А вот с задачей собирать данные о вооружении НАТО он справился успешно. Ему удалось завербовать человека, который предоставил важную информацию о сонарах — гидроакустических станциях, позволяющих отслеживать движение советских подводных лодок.

Затем вектор его деятельности поменялся. Оставив работу официанта, Эрвин устроился менеджером в крупную торговую сеть, а позже начал карьеру арт-дилера. Связи в торговой и художественной среде помогли ему успешно влиться в об-

щину британских евреев. Он выдал себя за еврея и, поскольку неплохо знал русский язык, предложил общине услуги переводчика. Он знал, что это предложение придется кстати: руководство общины постоянно контактировало с советскими евреями и с трудом разбиралось в русскоязычных материалах. Затем он написал несколько статей о еврейских отказниках в СССР, и это открыло ему дорогу к статусу полноправного члена общины.

Приезжавшая в Лондон еврейская, как позже выяснилось, «мама» Йоханна помогла (не зная о том, разумеется) Эрвину укрепить его легенду. Постепенно между Эрвином и Йоханной сложились доверительные отношения, как если бы это действительно были мать и сын. Они обменивались подарками, причем Эрвин не скупился (отчеты о расходах регулярно приходили в Прагу). «Мама» каждый раз была растрогана. Позже он съездил в Гаагу к «родственникам».

А вот на предложение Йоханны поехать вместе в Чехословакию он категорически возразил: мол, сжег все мосты и не хочет возврата к прошлому. Но «матери» захотелось увидеть дом, где рос Эрвин, его школу, и она одна отправилась в Прагу. Разумеется, под пристальным надзором чехословацкой госбезопасности.

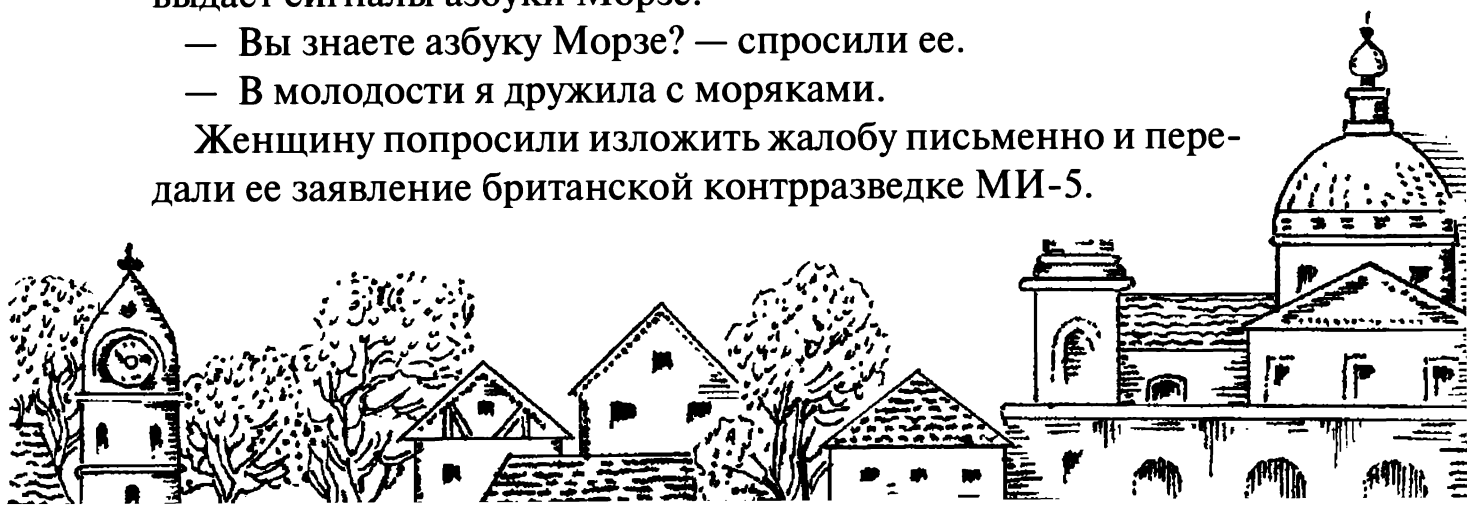
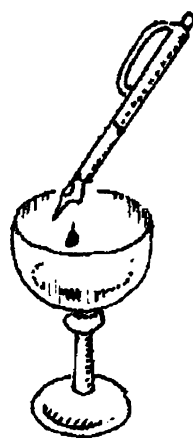
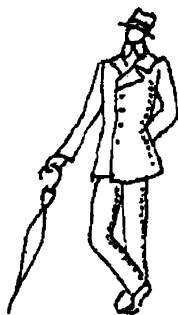
Такая трогательная идиллия продолжалась десять лет. Но за десятилетие счастья бедная женщина расплатилась крахом главной в своей жизни иллюзии.

Провал

В ноябре 1987 года в лондонскую полицию обратилась дама, которая сообщила, что каждый день в 9 вечера ее телевизор выдает сигналы азбуки Морзе.

- Вы знаете азбуку Морзе? — спросили ее.
- В молодости я дружила с моряками.

Женщину попросили изложить жалобу письменно и передали ее заявление британской контрразведке МИ-5.

Через три месяца субботним утром Эрвин, в пижаме и тапочках, сидел на кухне и быстро записывал сигналы азбуки Морзе, передаваемые по радио. Наушники помешали услышать, как вышибают дверь. Агенты МИ-5 ворвались в квартиру, начали обыск. Эрвин ничего не успел спрятать. Сидя на стуле в наручниках, он наблюдал, стараясь не терять самообладания, как из рам антикварных картин англичане достают шифроблокноты и емкости с химическими материалами. Среди прочего изъяли несколько автомобильных журналов; на их полях эксперты позже обнаружат записи, сделанные невидимыми чернилами.

Снова в поисках сына

Большие очки не смогли скрыть ее слезы.

— Это какая-то нелепость, ошибка. Что вы такое говорите... Мой сын не мог быть никаким шпионом! — уверяла Йоханна детективов.

Офицер контрразведки посмотрел на нее с сочувствием.

— Хорошо. Мы дадим вам возможность с ним увидеться. Давайте вместе разбираться в этой истории...

Им организовали встречу.

— ...Я поражена этими рассказами... всем этим. Ты ведь не шпион, сынок, ведь правда?

— Мама, я не сделал абсолютно ничего, что могло бы навредить Англии.

Йоханна встрепенулась:

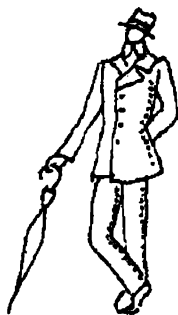
— Но тогда скажи, почему так получилось? Зачем все это?

— Не знаю. Спроси их. — Он качнул головой в сторону сержанта.

Когда Йоханна сдавала кровь на ДНК-анализ, она была уверена: вот-вот этот кошмар кончится. Накануне получения результатов она не могла уснуть. Результаты ее морально раздавили: Эрвин — не ее сын! Придуманый мир немолодой женщины рухнул.

«Шпион без имени», как его прозвал один из журналистов, отбывал срок заключения в тюрьме Паркхерст на острове Уайт. Сокамерники называли его почему-то Борисом — ведь они тоже не знали его истинного имени. Он отсидел пять лет, а в 1992 году был депортирован в Чехию.

С обманутой в материнских чувствах Йоханной встречаться разоблаченный разведчик не захотел, хотя она пыталась договориться о свидании с ним. Не сойти с ума Йоханне помогло то, что она занялась поисками своего настоящего сына. Но все было непросто: согласно чешским законам об усыновлении, ей не могли назвать новую фамилию и место жительства настоящего Эрвина. И тогда Йоханна обратилась на радиостанцию, куда принесла бобину с магнитофонной записью голоса четырехлетнего Эрвина, которая чудом сохранилась в архиве детдома. Запись прозвучала в эфире, и несчастная мать, дважды, по ее ощущениям, потерявшая ребенка, запаслась терпением...

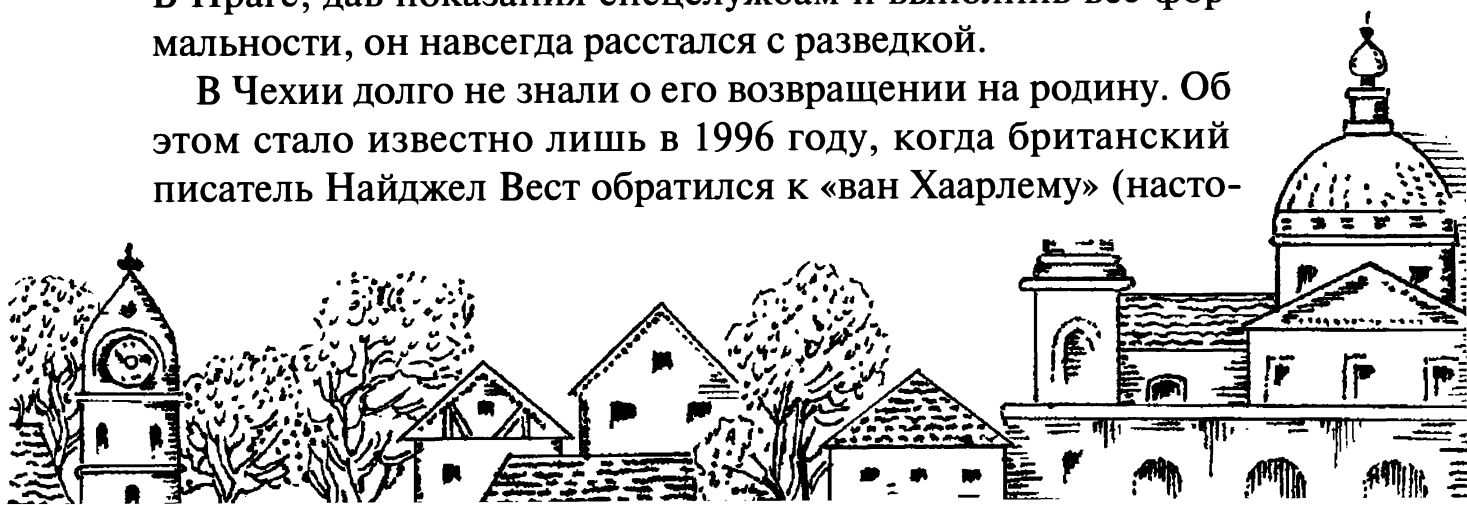
Депортация в Чехию

1 января 1993 года Чехословакия мирно распалась, и чешские дипломаты решили, что наступил удачный момент для освобождения узника тюрьмы Паркхерст. За псевдо-Эрвином к тому времени уже числилась попытка побега и несколько голодовок. Он был в тяжелом психологическом состоянии. Человека надо спасти, решили в Праге.

Разумеется, и в разведке, и в дипломатическом ведомстве знали его настоящее имя. Того, кто десять лет прожил как Эрвин ван Хаарлем, на самом деле звали Вацлавом Елинеком. Он был освобожден 5 апреля 1993 года и выслан в Чехию. В Праге, дав показания спецслужбам и выполнив все формальности, он навсегда расстался с разведкой.

В Чехии долго не знали о его возвращении на родину. Об этом стало известно лишь в 1996 году, когда британский писатель Найджел Вест обратился к «ван Хаарлему» (насто-

ящего его имени Вест тогда не знал) через одну из пражских газет с просьбой связаться с ним для написания мемуаров.

Но бывший шпион, работавший скромным переводчиком в банке, не собирался никому ничего рассказывать. Он молчал до 2001 года, когда «разговорить» его удалось чешскому журналисту Ярославу Кменте, который вызвал его доверие своими публикациями о разведке в Ираке. Елинек сам нашел Кменту, чтобы поведать ему о своей судьбе.

Ярослав Кмента позже вспоминал:

В 2001 году у меня дома раздался звонок. «С вами говорит подполковник Эрвин ван Хаарлем, бывший офицер чехословацкой разведки», — услышал я и от неожиданности сел на стул. Мне это имя было известно, потому что об этом шпионе много писали за границей, но никто не знал его настоящего имени. Я был первым журналистом, которому он захотел рассказать свою историю и открыть свое подлинное имя — Вацлав Елинек.

Довелось Кменте познакомиться и с настоящим Эрвином. Вот что он рассказал об этом:

...Коммунистическая разведка позаботилась о том, чтобы внести его в списки умерших тридцать лет тому назад. Но я подключил все свои знакомства, чтобы найти его. Я встретился с ним; скажу только, что зовут его Иво, что он голубоглазый блондин, вырос в чешской семье музыкальных педагогов, стал квалифицированным слесарем на большом моравском заводе и ничего не подозревал о своем происхождении, пока не нашел случайно у родителей свои документы из детдома. К тому времени он был уже взрослым женатым человеком с тремя детьми. В 1991 году взбешенная, обманутая Йоханна, его мать, потребовала от Чехословакии через МИД Голландии показать ей настоящего сына. Поскольку он уже узнал тайну своего происхождения, то встреча была разрешена, и настоящий Эрвин, посоветовавшись со своим приемным отцом (приемная мать к тому времени уже умерла), согласился встретиться. Встреча произошла в одной из гостиниц города Брно в присутствии переводчика, потому что голландец Иво не знал языка своей настоящей матери: он

говорил только по-чешски. Потом они виделись еще несколько раз, но сейчас живут в разных странах. Особой теплоты между ними не возникло.

Уже после смерти Йоханны с Вацлавом Елинеком встречался английский писатель Джефф Мэйш. На вопрос, чувствовал ли разведчик жалость к Йоханне, тот ответит:

— Ни в малейшей степени. Я еле-еле переносил ее.

Джефф Мэйш был обескуражен. Повисал пауза. Елинек добавил:

— А может быть, все это было разыграно. Не исключено, что она выполняла задание МИ-5.

Джефф Мэйш не стал развивать тему...

Возможно, это была своего рода защита: Елинек пытался таким образом освободиться от комплекса вины за то, что десять лет обманывал женщину, которая любила его как сына. Но обвинять в черствости разведчика неверно в принципе. Одиннадцать лет человек, искусно игравший роль сына Йоханны, действовал по принципу: ничего личного, просто работа.

Содержание

«Клоп» и «алтайская Мата Хари»	7
Кавалерист, журналист, разведчик.....	22
ТАСС уполномочен доложить... ..	40
С «Pentax» и блокнотом	51
Как «Домохозяйка» решала судьбы диверсантов.....	56
Спецоперации в эфире	60
Как «гадалка» предсказала бомбардировку Хиросимы.....	71
Вот такие песни... ..	74
Дезинформация к размышлению	79
ЦРУ рапортует: это — любовь!.....	101
Секреты по сходной цене от «патриота»	106
Ватиканский аферист против трех разведок.....	111
Лауреат Пулитцеровской премии и криптография	119
«Эликсир молодости» увезли контрабандой.....	125
Ария из чужой оперы	131
Корреспонденты взламывают архивы	141
Создать событие и описать его	148
По следам Мартина Бормана.....	158

Как американский разведчик «спасал» Василия Сталина	169
Американский скандал с греческой начинкой	174
Георгий Марков: диссидент или шпион?	181
Как французская спецслужба обманула Чаушеску	187
Газетчики не знали, о ком писали	193

Казаков А.

К14 Журналисты и разведка. Рассекреченные документы свидетельствуют / Алексей Казаков. — М. : Ломоносовъ. — 2020. — 208 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-617-0

Только одна профессия — шпионаж — может поспорить с журналистикой за звание второй древнейшей. Эти два занятия тянутся друг к другу и нередко успешно совмещаются, чему есть немало хрестоматийных примеров — от Рихарда Зорге до Яна Флеминга и Кима Филби. В этой книге речь идет о не столь известных или вовсе доселе неизвестных, но не менее захватывающих переплетениях журналистики и шпионажа. В ее основе недавно рассекреченные документы американских и английских спецслужб — ЦРУ, МИ5 и МИ6, донесения советской разведки, которые перехватывались и декодировались американцами в рамках проекта «Венона» в 1943–1980 годах, так называемые Тетради Васильева — конспекты, сделанные в архивах КГБ и затем вывезенные на Запад, и другие уникальные источники. Очерки Алексея Казакова документальны, эксклюзивны, насыщены информацией.

Алексей Казаков — писатель, автор ежемесячника «Совершенно секретно». В издательстве «Ломоносовъ» выходили его книги «Шпионаж под сенью муз» и «Церковь и разведка».

УДК 355.401

ББК 63.3(0)6

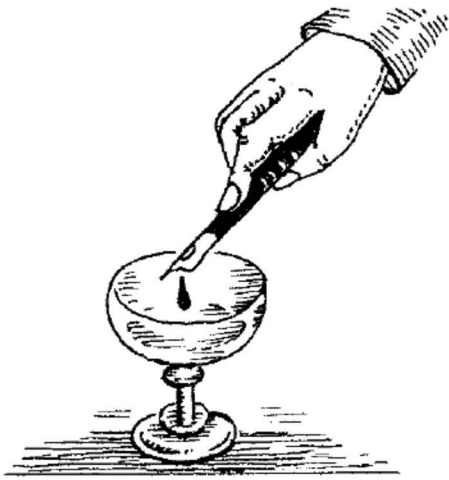
Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Алексей Казаков

Журналисты и разведка

Рассекреченные документы свидетельствуют

Редактор С. Лункин
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Хромова

Подписано в печать 10.09.2020.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 13. Тираж 1000 экз.

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300 Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, E-mail: sales@chpk.ru, 8 (495) 988-63-87